Н.М.ЯЗЫКОВ

Н.М.ЯЗЫКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

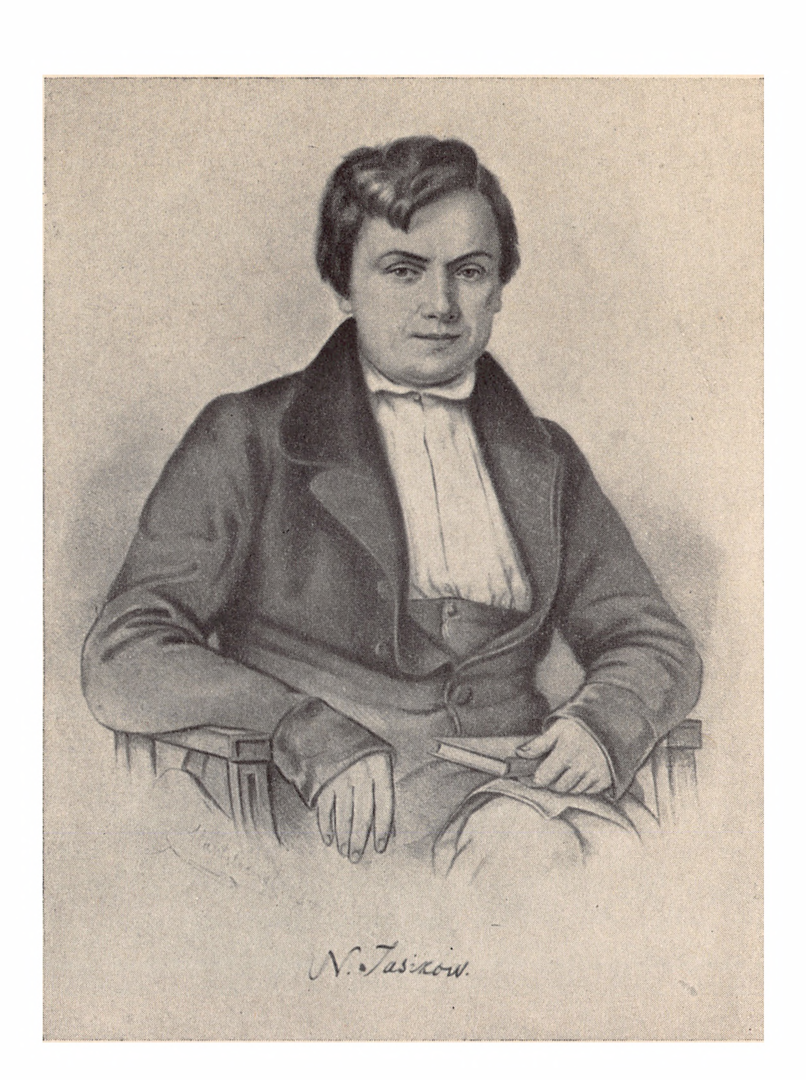
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1948

Н. М. ЯЗЫКОВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
М. К. АЗАДОВСКОГО

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1948

N. Jasikow.

Н. М. ЯЗЫКОВ

1

Языков родился в 1803 г. в Симбирской губернии. Из Симбирской губернии в конце XVIII и начале XIX вв. вышел ряд выдающихся представителей дворянской интеллигенции: Карамзин, Дмитриев, семья Тургеневых (И. П. Тургенев — масон, сыновья его: Андрей Тургенев — друг Жуковского; Александр — участник «Арзамаса», друг Пушкина и Вяземского; декабрист Николай), семья Ивашевых (В. П. Ивашев — декабрист), поэт Д. Ознобишин, семья Валуевых, семья Анненковых и др. К этой культурной верхушке губернии принадлежала и семья Языковых. Все эти семьи были в той или иной мере тесно связаны и родственными отношениями. Старший брат Языкова, П. М. Языков, был женат на сестре декабриста Ивашева; Д. Валуев был племянником Языковых; товарищ Языкова по Дерптскому университету А. Н. Татаринов был племянником А. и Н. Тургеневых и т. д. По матери Языковы были в родстве с Ермоловым. Младшая сестра Языкова позже вышла замуж за А. С. Хомякова.

Братья Языковы играли видную роль в культурной жизни своей губернии. Старший брат, Петр Михайлович Языков, был довольно известным геологом; второй — Александр — не оставил заметных следов в литературе или науке, но он являлся несомненно незаурядной фигурой среди дворянской интеллигенции 20—30-х годов; огромную роль сыграл он и в духовном развитии Николая Михайловича Языкова.

Первоначальное образование Н. М. Языков получил дома; в 1814 г. поступил в Петербургский горный кадетский корпус. Не окончив курса в последнем, перешел (1819) в Институт корпуса инженеров путей сообщения, откуда вскоре был исключен за неаккуратное посещение занятий. После некоторого пребывания дома вернулся в Петербург (1821) и начал готовиться к экзамену для

поступления в Петербургский университет, но позже, по совету старших братьев, поступил в Дерптский университет (на философский факультет).

В Дерпте Языков провел семь лет (1822—1829), и этот период является самым плодотворным в его поэтической деятельности. Очень скоро он стал там центром русской, главным образом дворянской, молодежи, к которой тянулась студенческая молодежь и из других слоев. Ближайший круг Языкова составляли сыновья состоятельных дворянских семей, но в этот же круг входили и студенты — выходцы из буржуазных и демократических слоев.[1] В 1827 г. по его предложению была учреждена русская студенческая корпорация, первым председателем которой был сам Языков.[2]

В Дерпте Языков завел ряд литературных знакомств: с Жуковским, Воейковым, Илличевским, Соболевским; в эти же годы он познакомился и с Пушкиным, в общении с которым провел лето 1826 г. в имении П. А. Осиповой, матери одного из ближайших дерптских друзей Языкова, А. Н. Вульфа. К дерптскому же периоду относится увлечение его А. А. Воейковой (знаменитой «Светланой» Жуковского), сыгравшей, несомненно, большую роль в жизни Языкова, хотя это увлечение в значительной степени носило литературный, несколько надуманный, характер. Из Дерпта же он завязал большие литературные связи, сотрудничая в крупнейших столичных журналах и альманахах. В университете Языков усердно посещал лекции, слушая выдающихся профессоров, однако не сумел правильно организовать свои университетские занятия и уехал из Дерпта, не окончив курса.

В 1829 г. он приезжает в Москву, останавливается у Киреевских, и с этого времени начинается его тесная дружба с семьей

---

[1] К языковскому кружку принадлежали русские студенты: Федоров, Лунин, Степанов, Татаринов, Петерсон, Тютчев, Иноземцев, особенно был близок Языков с Вульфом и Киселевым, но последний довольно рано покинул Дерпт. Федоров стал впоследствии известным ученым и занимал кафедру астрономии в Киевском университете; будучи студентом, принимал участие в экспедиции профессора Паррота-младшего на Арарат (1829); Иноземцев — выдающийся хирург и один из основателей русской медицинской школы; Лунин в 30—40-е гг. был профессором истории Харьковского университета («Харьковский Грановский»), Степанов принадлежал к числу весьма усердных студентов, был командирован за границу и позже составил греко-русский словарь, который Языков предполагал издать на свои средства. В Дерпте же Языков познакомился и сблизился с В. И. Далем.

[2] Последние дни этой корпорации изображены П. Д. Боборыкиным в романе «В путь-дорогу».

Елагиных-Киреевских, продолжавшаяся до конца его жизни. Тогда же он сближается с Баратынским, Каролиной Павловой, Шевыревым, Аксаковыми, Погодиным, Хомяковым, Максимовичем. В 1831 г. вместе с П. Киреевским предпринимает собирание материалов по русской народной поэзии, являясь не только помощником Петра Киреевского, но в значительной степени его вдохновителем и, на первых порах, наиболее ревностным и усердным собирателем.

1832—1836 гг. Языков проводит в Симбирской губернии. В 1833 г. выходит в свет книга его стихов, но продуктивность его в этот период крайне слаба. В скором времени у Языкова начинает развиваться тяжелая болезнь, отразившаяся на его творчестве. В 1837 г. он уезжает для лечения за границу, где проводит пять лет. Живет в Ганау, Швальбахе, Ницце и других местах. За границей он познакомился и подружился с Гоголем, с которым позже был вместе в Италии. Но пребывание за границей дало слабое и крайне незначительное облегчение, к тому же он сильно тосковал по родине. В августе 1843 г. он возвратился в Москву, где и поселился окончательно, не выезжая оттуда до смерти.

В Москве Языков сразу же занял видное и почетное место среди литераторов-славянофилов, но первоначально сблизился и с Герценом и с Грановским, которые бывали на его «вторниках», заведенных им с целью собирать у себя «литературную Москву». [1] Он посещает лекции Грановского и в один из «вторников» устраивает совещание о чествовании его. Однако в дальней-

---

[1] Во время заграничного путешествия он подружился с Н. П. Огаревым. В ИЛИ хранится несколько писем Языкова к Огареву, свидетельствующие о большой интимной близости между ними. Последнее из сохранившихся писем относится еще к осени 1844 г., т. е. ко времени, когда назревал окончательный разрыв между Языковым и кругом Герцена: это письмо, вообще, очень характерно как свидетельство глубоко интимных и дружеских отношений между обоими поэтами. 13 сент. 1844 г. Языков писал Огареву в Берлин: «Сегодня принесли мне твое письмо. На днях писали мы тебе вместе с Галаховым. К суеверию твоему я был приготовлен венецианским свиданием с М. Л. [Марией Львовной] и ждал лихорадочно, что ты предпримешь. Два или три года ты мне позволил следовать за твоей жизнью и то, что мне пришлось теперь услышать от тебя, пришлось как-то нежданно после всего, что перед моими глазами делалось. Я не все мог знать — да это и не мое дело. Но участие и доверенность к любимому лицу как-то оскорблены и придавлены. Оттого письмо твое меня глубоко опечалило: лицо, которое любишь и которому веришь за его отличное сердце, благородный ум, своевольно, легкомысленно или бросает себя, или отставляет себя от всякой ответственности, согласия с самим собой и своими».

шем Языков все более и более смыкается с крайним правым крылом славянофильства, сближается с Шевыревым и Погодиным и, таким образом, окончательно разрывает с передовыми кругами. В конце 1884 года он пишет ряд получивших широкую, но печальную, известность посланий против Чаадаева, Герцена и Грановского.

Ответом на эти послания были ядовитые строки Герцена в «Отечественных Записках», беспощадный разбор Белинским новой книги стихов («56 стихотворений») Языкова, а также ряд пародий Некрасова. В 1845 г. Языков издает книгу стихов «Новые стихотворения» и «Стихи на объявление памятника Карамзину».

26 декабря 1846 г. (ст. стиля) Языков скончался.

2

Творчество молодого Языкова нам мало известно, хотя писать он начал очень рано. Первые печатные его опыты относятся еще ко времени его пребывания в Горном кадетском корпусе, где он учился с 1814 по 1819 г. В Горном кадетском корпусе были очень развиты поэтические интересы, в нем был свой круг поэтов, произведения которых помещались в литературных журналах того времени: в «Соревнователе», «Невском Зрителе», «Благонамеренном» и др. Из числа этих поэтов следует назвать А. И. Кулибина, А. Таскина, братьев Александра и Федора Бальдауфов. Последний получил запоздалую поэтическую известность уже после своей смерти, как один из крупнейших представителей «сибирской поэзии». Все произведения этой группы поэтов отмечены сильным влиянием русского классицизма, сочетавшегося у них с оссианистскими тенденциями. Огромное влияние на своих учеников — и особенно на Языкова — оказал преподаватель А. Д. Марков. Именно он заставил Языкова пройти школу русского классицизма, что очень отразилось на первых опытах молодого поэта. Влияние классических образцов и поэтики классицизма заметно сказывалось и в первые годы пребывания Языкова в Дерптском университете, где он находился некоторое время под влиянием одного из своих учителей, профессора В. М. Перевощикова.

Обычно причисляют Языкова к кругу поэтов так называемой «пушкинской плеяды». Под этим чрезмерно широким термином обычно понимают группу поэтов, объединенных вокруг Пушкина литературными вкусами и симпатиями, «которые творили под непосредственным воздействием его творческого гения» и в свою очередь оказывали влияние на развитие и рост Пушкина. К «плея-

де» причисляют Дельвига, Баратынского, обоих Туманских, Подолинского, Кюхельбекера, Вяземского, Языкова и многих других, вплоть до молодого Тютчева.

Однако этот термин, очень удобный для внешнего изложения, таит в себе и большую опасность: он слишком нивелирует литературный процесс и упрощает основные линии его развития. Конечно, почти все поэтическое поколение Пушкина росло и развивалось под знаком его гения и так или иначе было втянуто в орбиту его творческой работы. Но вместе с тем в рядах этой «плеяды» действовали и поэты, противопоставлявшие свои творческие методы и упорно искавшие своего собственного пути в литературе, например Кюхельбекер; отчасти к ним относится и Языков.

Молодой Языков упорно не признает Пушкина; ему гораздо ближе и в теории и в собственной поэтической практике лирика Катенина, Рылеева. О Катенине он пишет, ярко определяя свою позицию: «У него везде слог топорной работы, зато много национального и есть кое-где сила — вот главное!» Ему решительно не нравится «Бахчисарайский фонтан», отрицательно отнесся он к первым песням «Евгения Онегина» и т. д.

Однако в конце 1825 г. Языков незаметно для себя переходит на другие позиции в отношении к Пушкину и поддается обаянию его таланта: в своих «элегиях», в своей политической лирике он становится уже вполне учеником Пушкина, личная же встреча (летом 1826 г.) еще более укрепляет это влияние, и на некоторое время его творчество идет как бы всецело под знаком Пушкина, — Пушкин является даже одной из любимейших тем его поэзии в этот период («Тригорское» и связанный с ним цикл стихов). Но это непосредственное влияние Пушкина постепенно исчезает, и в дальнейшем Языков опять переходит в оппозицию к нему и его творчеству. Эта оппозиция выражается и в личных отношениях, она идет и по линии недоверия к Пушкину как к общественному деятелю, к его литературно-общественным предприятиям, к его историческим занятиям и т. д. Наконец, Языков отвергает прозу Пушкина, предпочитая ей прозу Марлинского, отвергает его «Сказки» и, как бы в противовес им, пишет сказку о пастухе и диком вепре, с явными выпадами в ней против Пушкина.

Эти противоречивые отношения к Пушкину чрезвычайно характерны и для эволюции самого Языкова: они освещают основные линии его творчества и до некоторой степени определяют его место в истории русской литературы. Этапы отношений Языкова к Пушкину — это, вместе с тем, этапы его творческого пути.

8

Старое литературоведение не сумело определить роли и места Языкова в истории русской литературы. Языков обычно изображался как какое-то глубоко противоречивое явление: в молодости поэт-эпикуреец, певец вина и любви («Вакха и Эрота», как обычно писали), вольнодумный и даже революционный поэт, а под конец жизни — автор религиозных стихотворений и полемических посланий против Герцена, Грановского, Чаадаева. Эти два противоречивых облика старое литературоведение пыталось объяснить исключительно биографическими моментами. Переход Языкова от «хмельных и буйных» тем юности к его поздним настроениям объясняется, с одной стороны, его болезнью, с другой — родственными и дружескими связями.

В действительности перед нами единый и целостный органический путь развития поэта. Прежние исследователи чрезмерно преувеличивали роль и значение «вакхических» и «эротических» моментов в поэзии Языкова, причем и в данном случае все трактовалось в узко биографическом плане. По представлению этих исследователей, творчество Языкова отображало главным образом личную жизнь поэта, и сам он, соответственно этому, представлялся недоучившимся и малообразованным студентом-кутилой.

Однако новые материалы, письма, рукописи Языкова позволяют совсем по-иному расценивать и его студенческий период и последующую жизнь. В университете Языков принадлежал к передовому студенчеству, он очень много читал, помимо предметов своего факультета прослушал еще ряд курсов, совершенно не обязательных, что свидетельствует о более повышенных научных интересах, чем у рядового студента. В числе этих дополнительных предметов он слушал философию религии, эстетику, теоретическую физику, историю живописи и архитектуры, современное состояние европейских государств и др. Его письма к братьям полны упоминаний о прочитанных и купленных книгах, отчетов о прочитанной литературе, критических замечаний, просьб о присылке книг и т. п. В письмах дерптского периода встречаются упоминания о Шекспире, Шиллере, Гёте, Тассо, Ариосто, Байроне, Альфиери, Б. Констане, Вальтер-Скотте, Иммермане, Кальдероне, Кернере, Лессинге, Мицкевиче, Нодье, Стерне, Виргилии, Тибулле и других поэтах и писателях. Одновременно он изучает Карамзина, всеобщую историю Ротека, исследования по русской истории Эверса, просит прислать ему «Основы политической экономии» Фульда (на немецком языке), читает запрещенную книгу Альфиери «О тирании» и т. д. и т. д.

По истории Ливонии он собрал в Дерпте целую библиотеку, включающую почти все основное, что было издано в этой области. При этом некоторые его суждения по поводу прочитанных книг поражают своей глубиной и оригинальностью, смелостью оценок и суждений. Таково, например, замечание о Фаусте Клингера, который «подействовал (на него) сильнее, чем гётев».

Языков не только выделялся своим повышенным интерессом к науке и литературе среди других русских студентов в Дерпте, но и оказывал в этом отношении большое влияние на них. «Без Языкова, — свидетельствует один из его университетских сверстников, — наша русская, среди немцев, колония, слушая немецкие лекции, читая только немецкие книги, была бы совершенно чужда тогдашнему литературному в России движению, — но он получал русские журналы, альманахи, вообще все новое и замечательное в русской литературе; некоторые из нас, в том числе и я, многим обязаны ему в этом отношении». Кроме русских книг, у Языкова много было книг французских и немецких, в особенности литературных и исторических. [1]

Недавно опубликованная переписка Языкова и Чижова свидетельствует об огромном интересе Языкова к вопросам искусства и о значительной его начитанности в этой области. [2]

Таким образом, перед нами выступает иной облик: не студент-недоучка, но типичный представитель дворянской культурной молодежи 20—30-х гг. Эпикурейские мотивы встречаются и у молодого Пушкина, и у Батюшкова, влияние которого в сильной степени испытал Языков, и у Дельвига, и у Дениса Давыдова, и у поэтов декабристского круга. И если у Языкова есть кое-что как будто выходящее за пределы привычного явления, то это нужно отнести к специфике студенческо-бурсацкого быта, который нашел отражение в поэзии Языкова.

Но студенческие песни Языкова, в которых наиболее полно были представлены эти мотивы, не ограничивались только ими. Эти мотивы были, по существу, вторичными, второстепенными. На первый план выступали темы и мотивы дружбы, братства, свободы. Поэтому-то Языков очень быстро стал одним из популярнейших поэтов, и его песни и стихи увлекали и позднейшие студенческие поколения. В конце сороковых годов Герцен с грустью и огорче-

---

[1] Воспоминания А. Н. Татаринова о Н. М. Языкове. «Языковский архив», I. СПб., 1913, стр. 395.

[2] Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843—1845 гг. Публикация И. Н. Розанова. «Литературное наследство», тт. 19—21, М., 1935, стр. 105—140.

нием говорил о Языкове как «некогда любимом поэте». Герцен имеет в виду, конечно, свои студенческие годы.

Цикл студенческих песен и студенческая поэзия не исчерпывают тематики молодого Языкова. Содержание его поэзии гораздо богаче и разностороннее. Для него самого эти мотивы как будто стояли на втором плане, и он склонен был рассматривать их как бы лежащими вне настоящего своего творчества. И, во всяком случае, нет никаких оснований усматривать какой-то разрыв между ранним и поздним Языковым. Письма дают чрезвычайно богатый материал для суждений об его поэтических планах, замыслах и устремлениях. И в письмах, и в стихах, где он так или иначе заявляет свое profession de foi, выступают иные мотивы. Так, например, не только декларацией является одно из ранних посланий его к брату Александру, которого он не без основания называл пестуном своей поэзии:

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу,
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы,
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины,
Торжественный и величавый!

Дерптский период — почти весь в планах создания большой исторической поэмы; усиленные занятия Языкова русской и всеобщей историей — это главным образом подготовка к будущей большой поэме; одновременно он усиленно занимался историей Ливонии, что также отразилось в его творчестве. Его основные темы: вече, борьба Новгорода за независимость, борьба за национальную свободу против татарского тиранства. Все это — типично декабристские темы. [1]

---

[1] См. М. Азадовский. Декабристская фольклористика. — «Вестник Ленинградского Университета», 1948, № 1.

В послании к брату он писал:

Надежды творческая слава
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине,
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей.

Однако А. Языков не разделял исторических увлечений брата и предостерегал его от них, опасаясь некоторой односторонности и ухода от живой действительности. В одном из писем Языков спешит разъяснить свои позиции: «Не раскаиваюсь в моих чувствованиях к старине русской: я ее люблю и не согласен с тобою в том, что она весьма бедна для поэта; где же искать вдохновения как не в тех веках, когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером?» [1]

В дальнейшем эта линия в его творчестве выступает еще более отчетливо: в послании к Пушкину, вспоминая их беседы, он пишет:

Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече — я на небе,
И славой прадедов горжусь...

Тема свободы в исторических стихотворениях поэта сочеталась с темой вольности в студенческих песнях, и, таким образом, эти два элемента его лирики органически спаивались. В его «хмельные песни» вплетаются острые политические моменты, республиканские мотивы, насмешки над царствующим императором и т. п. («не знает он, как царь, политик близорукий, или осмеян, иль смешон» и мн. др.). Политические намеки и «вольнодумные» настроения проникают даже в его эротические стихи: цикл посланий к Киселеву, студенческие песни. Наконец, порою в его лирике звучат яркие революционные мотивы. Эти стихи были, конечно, поэзией «изустной» и «презревшей печать», но они быстро становились широко известными и популярными. Самые ранние из студенческих песен Языкова (написанных им в Дерпте) относятся примерно к лету 1822 г., а уже в октябре того же года Пушкин в письме из Кишинева цитирует первый стих песни об Августе, т. е. Александре I («Наш Август смотрит сентябрем»).

И именно эта поэзия определяла в глазах читателей облик молодого поэта. Органическое сочетание «студенческих» мотивов удали, молодечества с мотивами свободы делало Языкова популярней-

---

[1] «Языковский архив», I, стр. 29. Письмо к А. М. Языкову от 20 декабря 1822 г.

шим поэтом среди современной ему молодежи и увлекало позднейшие студенческие поколения. Этот восторг разделял в свое время и молодой Герцен. Не случайно некоторые стихотворения Языкова («Свободы гордой вдохновенье», «Не вы ль, убранство наших дней» и др.) очень долго приписывались Рылееву. Молодой Языков — в русле декабристских настроений. Характерна в этом отношении и ливонская тематика Языкова. Последняя была вообще очень популярна в 20-е годы XIX в., наибольшей же популярностью пользовалась она у декабристов (А. Бестужев, Н. Бестужев, В. Кюхельбекер и др.). Это не просто экзотическое увлечение, характерное для романтической школы, как думали некоторые исследователи, — за этим скрывается огромный интерес к социально-экономическому быту российской Прибалтики, особенно обострившийся в связи с реформаторской деятельностью правительства в области крепостного права в Лифляндии. В начале XIX в. там был проведен ряд мер, ограждавших правовое положение крестьянина и ограничивавших помещичье своеволие, но вместе с тем было произведено и полное обезземеление крестьянства.

В конце XVIII и в начале XIX в. появился ряд выдающихся сочинений, направленных против крепостного права. В 1796 г. вышла знаменитая книга Габриэля Меркеля о латышах («Die Letten»), заслужившая автору славу «лифляндского Радищева»; книга Шварценберга «Понятие о трех различных устройствах населения государства, основанных на крестьянской собственности, временной аренде и крепостной зависимости»; сочинение графа де-Брея «Essai critique sur l'histoire de la Livonie». Отрывок из последней книги был переведен на русский язык будущим декабристом А. Бестужевым под характерным заглавием: «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян».[1] Из цензурных отзывов, опубликованных В. В. Сиповским, видно, что ряд книг был запрещен в России за указание на тяжелое положение крестьян в Прибалтийском крае.[2] В 1821 г., в связи с освобождением крестьян в Лифляндии, ливонская тема в литературе вновь обрела остроту и актуальность.[3]

---

[1] «Сын Отечества», 1818, т. XLVIII.

[2] В. В. Сиповский. Из прошлого русской литературы. — «Русская старина», 1899, № 5.

[3] Г. Поска. Характеристика литературных мнений об освобождении крестьян в Лифляндии. — «Журн. Мин. Нар. Просвещения», 1904, X.

Этот интерес захватил и молодого Языкова, об этом свидетельствуют и его письма и его оставшиеся не оконченными исторические поэмы: «Ала», «Меченосец Арам», отрывок «Ливония» и др.

Все это позволяет включить творчество молодого Языкова в декабристскую периферию. Но уже очень скоро в его лирике начинают звучать иные мотивы. Принято думать, что между творчеством Языкова в ранний и поздний периоды его жизни лежит огромный разрыв, почти пропасть. Но этот разрыв кажущийся. В действительности развитие Языкова было органично и может быть названо типичным для целого ряда представителей дворянской интеллигенции; вместе с тем оно отобразило новый этап романтического движения в русской литературе, явившийся следствием наступившего после 14 декабря 1825 г. кризиса.

4

Для русского прогрессивного романтизма, яркими представителями которого были декабристы, характерна связь с революционным наследием прошлого; декабристский романтизм еще тесно связан с просветительскими позициями, что нашло яркое выражение в поэтической деятельности декабристов.[1] Эта связь с наследием классицизма отчетливо наблюдается и в творчестве раннего Языкова, что и вызывало тревогу со стороны ментора его поэзии, старшего брата поэта, А. М. Языкова.

Четырнадцатое декабря явилось поворотным и решающим моментом в истории русской литературы и русской общественной мысли в целом. Декабристское движение не было ограничено только группой собственно декабристов, т. е. людей, так или иначе непосредственно связанных с выступлением 14 декабря или с участием в Тайном обществе. Сфера декабристского воздействия была гораздо более широкой и захватывала различные общественные группировки. Влияние декабризма в той или иной степени наблюдается в течение почти всего периода, когда общественное движение развивается под эгидой дворянской интеллигенции. Одни группы стремились в какой-то мере сохранить или приспособить к современным им условиям декабристские идеи, другие обращаются к решительному пересмотру идейного наследия декабристов. Под этим знаком развивается и литература 30-х годов. Наиболее решительный пересмотр наследия декабристов был сделан любомудрами.

---

[1] См. М. Азадовский. Декабристская фольклористика. — «Вестник Ленинградского Университета», 1948, I, стр. 78, 79.

Любомудры не отказывались от критической части декабристской программы: они сохранили отрицательное отношение к бюрократической системе, они искренно были убеждены в необходимости ее разрушения для создания светлого будущего страны; они считали необходимым политическое освобождение народа, но пути и формы решения этой задачи им представлялись иными и опирались на иные идейные источники. Они отказались от революционных методов действий; путям борьбы и революции они противопоставляли пути личного самоусовершенствования, пути религиозного просветления и мирного строительства культуры. Идеи религиозного преображения жизни и религиозной культуры занимают в их концепциях основное и главенствующее место. Основой национальной культуры они (главным образом, Киреевские) считали «горячую и искреннюю веру» русского народа и связывали это с «древне-патриархальным укладом» старой жизни, на почве которой в союзе с религией создалось, по их воззрениям, могучее русское государство. Всё это вело к смыканию с реакционным фронтом.

У Языкова еще в Дерпте заочно установились связи с любомудрами, собственно с братьями Киреевскими. Посредником между ними был, нужно думать, Петерсон, родственник Киреевских и один из ближайших друзей Языкова. С Киреевскими Языков проводит почти безразлучно первые три года после отъезда из Дерпта. Эти годы (1829—1832) образуют в его творчестве определенный, московский период. Последние четыре года его жизни, когда он по возвращении из-за границы окончательно поселился в Москве и особенно сблизился с Петром Киреевским, можно назвать «вторым московским периодом». Первый московский период идет под знаком идейного влияния Киреевских и их круга.

Среди любомудров Петр Киреевский занимал особую позицию, расходясь с ними по многим кардинальнейшим вопросам, особенно же по вопросу об отношении к европейской культуре и национальному преданию. Он был, в сущности, первым носителем в среде любомудров тех идей, которые позже составили основу и сущность славянофильства. По неоднократно цитированному свидетельству его первого биографа, Н. А. Елагина (родного брата П. Киреевского по матери), он уже смолоду с особенной любовью сосредотсчил все силы на изучении русской старины и выработал свой самостоятельный взгляд — глубокое убеждение в безусловном вреде петровского переворота, в котором он видел «отступничество дворянства от коренных начал русской народной жизни».[1]

---

[1] А. И. Герцен. «Былое и думы». ГИЗ, 1931, стр. 454.

В идеях Петра Киреевского Языков нашел много созвучного. Но то, что было для него еще темным и неясным предчувствием, находило стройную систему у Киреевского и окончательно подчиняло себе Языкова. Их сближало отношение к Западу и западной культуре, особенно же враждебное отношение к немцам и немецкой культуре. Сближал Языкова с Петром Киреевским и интерес к народной поэзии, довольно рано проявившийся у Языкова,[1] и характерный для обоих культ русского народа и неизменное стремление к подчеркиванию своеобразия русского человека. «Языков был влюблен в Россию, — вспоминал Вяземский, — он воспевал ее, как пламенный любовник воспевает свою красавицу ненаглядную, несравненную».[2]

Влияние круга Киреевских, главным образом Петра, очень заметно ощущается в лирике Языкова этих лет. Появляется и занимает видное место в его творчестве религиозная тематика. К 1830 г. относится ряд переложений псалмов, в то же время он задумывает большую религиозную поэму «Саул»,[3] изучает Библию, сравнивает различные ее переводы, штудирует комментарии, выписывает различные религиозные издания и т. д. Он неоднократно декларирует разрыв с прежней тематикой и прежними настроениями и заявляет о новых интересах, премущественно религиозных.

---

[1] Уже в январе 1823 г. он просит брата прислать ему «Русские сказки» Чулкова (т. е. Левшина), в 1828 г. просит о покупке песенников и т. д. 18 января 1828 г. он пишет брату: «Читаю русские сказки; жаль, что это собрание их чрезвычайно глупо, бестолково, неполно и переиначено на новый лад. Из них можно составить предприятие знаменитое — только надобно прежде перечитать все другие собрания сего года, чтоб узнать истинный дух старины глубокой...» («Языковский Архив», I, стр. 349).

[2] Некролог Языкову в «Санкт-Петербургских Ведомостях» (1847, № 91); цит. по перепечатке в «Стихотворениях Языкова», изд. Перевлесского, стр. CXXII. В некрологе, написанном Погодиным, последний вспоминал: «Характер русского народа уважал он более всего; русский ум во всех его проявлениях, русский толк, превосходство перед другими народами в некоторых отношениях — составляли его единственную гордость. Ничем нельзя было принести ему столько удовольствия, даже во время его болезни, как рассказами о наших крестьянах, солдатах, матросах...» («Москвитянин», 1846, № 12, стр. 255; см. также Перевлесский, стр. CXXV).

[3] Этот замысел остался нереализованным; фрагментом его является стихотворение «Поэту» («Когда с тобой сроднилось вдохновенье»), открывшее собой сборник стихов Языкова (изд. 1833 г.) и явившееся, таким образом, как бы программным.

Интерес к религиозным темам наблюдался у Языкова и раньше. Одновременно с писанием вольнодумных стихов о попах и религии он усиленно изучает Библию. «Благодарю тебя за обещание прислать мне стихотворения Ширинского-Шихматова, — пишет он брату из Дерпта, — я их прочту с большим любопытством, они уже заранее сделали мне много пользы, — именно тем, что возбудили желание заглядывать в Библию; теперь читаю пророчества Исайи — и очень рад: это истинное наслаждение; в них в тысячу раз более поэзии, высокого и разительного, нежели во всех современных наших поэтах. Ежели будет времени, то я попробую подражать Священному писанию... Надобно только напитаться гигантскими красками пророка...»

Но в 1825 г. интерес к Библии еще всецело в плане его общих литературных замыслов. Его пленяют пламенные строки пророка-обличителя. В Библии он ищет героической патетики, — в московский период эта тема уже разрешается в ином плане.

По-новому звучит теперь и тема родины. Эта тема одна из центральных в творчестве молодого Языкова. Она является у него в разных аспектах: в плане историческом, личном, семейном. Первый опыт — «Моя родина» (1822), где эта тема дана еще только в историческом плане, но в следующих («Чужбина», «Островок», «Родина» и др.) она разрешается уже лирически. Языков выступает певцом своего края и своей великой реки, на берегах которой он родился. Свое завершение находит эта тема уже в последний период его жизни: его лирическая пьеса «К Рейну» звучит как торжественный гимн во славу Волги.

Стихи Языкова, посвященные России, отличаются необычайной силой, подлинным лирическим пафосом, изумительной четкостью изображения. Гоголь рассказывает, что Пушкин плакал от восторга, читая послание Языкова к Давыдову. «Я помню те строфы,— пишет Гоголь, — которые произвели у него слезы. Первая, где поэт, обращаясь к России, которую уже, было, признали бессильною и немощною, взывает так:

Чу! Труба продребезжала!
Русь! Тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

И потом строфа, где описывается неслыханное самопожертвование — предать огню собственную столицу со всем, что ни есть в ней священного для всей земли:

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламя очищенья,
Это фениксов костер!

Действительно, в этом стихотворении весь Языков — с его страстной любовью к родине, ее прошлому, ее славе. Их трудно читать без волнения и в наши дни. Вернее, в наши дни особенно чувствуешь их неувядающую силу; они воспринимаются как голос современника:

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Эти стихи Языкова были восторженно приняты всеми политическими лагерями страны, но наряду с этим в его патриотической лирике звучали и такие ноты, которые уже и тогда вызывали тревогу в рядах передовой интеллигенции — в кругу Белинского и Герцена.

В ранних исторических переживаниях Языкова патриотическая тема звучала прежде всего как тема героическая. Он именует старину святой, ибо она освящена в его глазах борьбой за свободу («святые битвы за свободу»).

В московский период с этими образами сочетаются уже иные переживания. Старина свята прежде всего тем, что она старина. Культ героического прошлого становится культом прошлого вообще.

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;

Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!..

(„Ау". 1831)

Так, по мере все более четкого осознания своей классовой позиции, эволюционировал Языков. Эту эволюцию отчетливо вскрывает его первая книга стихов, вышедшая в 1833 г., но подготовлявшаяся в течение 1831—1832 гг. В эту книгу Языков не включил многих стихотворений дерптского периода, посвященных национально-патриотической тематике. И в то же время Языков поместил в книгу такую совершенно слабую в художественном отношении вещь, как, написанную по заказу, кантату по поводу прекращения холеры 1830 г.

Этот факт особенно знаменателен. Холера 1830 г. была серьезным испытанием. Страшная эпидемия вызвала и ряд сильнейших народных волнений — «холерные бунты». Они были вызваны санитарными мероприятиями и направлены против врачей, но, в сущности, они явились следствием и выражением общего недоверия и ненависти народных масс к дворянству и правительству. Политическую сторону холерных событий великолепно понимали наиболее чуткие и проницательные современники, например Пушкин, Вяземский.

Последний писал: «Соберите все глупые сплетни, сказки, и не-сплетни, и не-сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры в нынешних обстоятельствах — выйдет хроника прелюбопытная. В этих с к а з к а х изображен дух народа...» «И в самом деле, — продолжает он, — любопытно изучать народ в таких кризисах Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей сказывается здесь решительно. Даже и наказания божии почитает она наказанием власти... Изо всего, изо всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революцией».

Огромное значение эпидемии отчетливо осознавалось и в кругах, близких Языкову. Погодин даже принял на себя редакцию специального приложения к «Московским Ведомостям», под названием «Ведомость о состоянии города Москвы», которое называли в обществе «Погодинскими бюллетенями».[1] В этой атмосфере и возник «Гимн» Языкова, которому он придавал столь большое значение.

---

[1] Н. Б а р с у к о в, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III, стр. 199.

Открывался сборник циклом лирических пьес, где доминировали те же религиозные мотивы и темы. Первой пьесой в сборнике 1833 г. было помещено «Поэту», которая является, таким образом, как бы программной. Образ древне-русского поэта, Баяна — певца свободы и любви в стане бойцов за родину и национальную свободу — смешался с образом поэта-пророка, несущего миру «сладостную гармонию»:

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки
И царь Саул заслушается их...

Чрезвычайно характерно, что в этом сборнике отсутствуют почти целиком стихи из специфически-декабристского цикла, в том числе большая часть стихов о бардах и баянах. Даже «Новгородская песнь» была включена Языковым лишь после энергичных настояний ведшего издание В. Д. Комовского. Таким образом, Языков сам как бы нарочито подчеркнул свой новый путь. В сборниках стихов 1844 и 1845 гг., и особенно в стихах последних трех лет его жизни, эти новые темы явились уже доминирующими, приняв характер идей воинствующего шовинизма, порой прямого обскурантизма, определяя собой отношение к Языкову различных слоев общества и литературы.

5

Книга стихотворений Языкова вызвала противоречивые суждения и оценки. Со страниц «Московского Телеграфа», где еще недавно Языков воспринимался как «русский Беранже», прозвучал упрек в холодности и безидейности автора. Высоко оценив формальное мастерство стихов Языкова, критик «Московского Телеграфа» тем решительнее отвергал общественное значение его поэзии. Противоположная точка зрения нашла наиболее яркое выражение в оценке Ивана Киреевского.

Возражая тем критикам, кто называл поэзию Языкова безнравственной, он писал: «Когда Анакреон воспевает вино и красавиц, я вижу в нем веселого сластолюбца; когда Державин славит сладострастие, я вижу в нем минуту нравственной слабости; но признаюсь, в Языкове я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбия, ибо где у других минута бессилия, там у него избыток сил; где у других простое влечение, там у Языкова восторг, —

а где истинный восторг и музыка и вдохновенье — там пусть другие ищут низкого и грязного; для меня восторг и грязь кажутся таким же противоречием, каким огонь и холод, красота и безобразие, поэзия и вялый эгоизм».[1] Основное свойство поэзии Языкова — для Киреевского — с т р е м л е н и е к д у ш е в н о м у п р о с т о р у. Это и определяет, по его мнению, весь характер его поэзии, ее содержание и форму.

Такое восприятие было не единичным, не личной оценкой, но в полной мере оценкой определенной социальной группы. На упреки в безидейности и в оторванности от запросов века Иван Киреевский ответил апологией поэзии Языкова, как поэзии национального размаха и простора, как лучшего выражения самых высоких эмоций народной души. Не случайно эта оценка возникла в рядах будущих деятелей славянофильства. Правда, в это время Иван Киреевский еще не сформулировал до конца своих идеологических позиций, но основы их тогда уже были те же, что и позже. Чрезвычайно любопытно это расхождение с «Московским Телеграфом». Может показаться, что дело здесь только в различных эстетических позициях, но в действительности сущность вопроса гораздо глубже.

Это расхождение у группы Ивана Киреевского с публицистами «Московского Телеграфа» было не единственным; оно было буквально по всем вопросам: по литературным, по философским, по экономическим. Совершенно очевидно, что за эстетическими оценками и литературными спорами были четкие и твердые классовые позиции. Вокруг книги стихов Языкова произошло резкое размежевание общественных сил. Отчетливо обозначилась и позиция самого Языкова, — с этих пор он пошел уже безраздельно и до конца с будущими славянофилами.

Славянофильство не было сплошной монолитной группой. В его рядах были и «левое» и «правое» течения; представители последнего в лице Шевырева, Погодина и других позже открыто перешли в ряды реакционеров-охранителей, боровшихся против всяких проявлений прогрессивной и демократической мысли. Киреевские, К. Аксаков занимали в кругу славянофилов левый фланг. В их идеологии были критические моменты по адресу существующего крепостного права, против всей николаевской системы, они боролись за самобытность национальной культуры, — поэтому-то Герцен называл славянофилов «друго-врагами».

В последнее время наблюдаются тенденции чрезмерно преуве-

---

[1] Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. М., 1911, т. II, стр. 80.

личивать значение этих прогрессивных элементов в славянофильской идеологии.[1] Конечно, их отрицание было бы недопустимым упрощением проблемы, но при всем том нельзя забывать основного — крепостнической сущности славянофильства, что в свое время убедительно показал Плеханов. Оно выросло на почве кризиса, под экономическими и политическими ударами, которые выпадали на долю дворянства, в тревожном ощущении надвигающейся крестьянской революции, но вместе с тем оно ни в коем случае не было пассивной теорией, но теорией боевой, воинствующей, отлично сознающей, что есть за что бороться.

Это сознание по-разному выражалось в различных формах идеологии, по-разному отображали его и поэты класса. И если, например, Баратынский в своей рефлективной поэзии, в своих мрачных раздумьях отобразил тревогу класса, уже поколебленного в своих основах, утратившего веру в свою прочность и неизменность связанного с ним бытия, то Языков стремился отобразить волю класса к борьбе и пафос его веры в свою жизнь и силу. Поэзия Языкова вела в самые глубины быта, отнюдь не разрушая его критически, но поднимая его в лирическом пафосе в какую-то идеальную сферу.

В оценке поэзии Языкова Ив. Киреевским раскрывалась сущность славянофильской эстетики. Эпикуреизм получал философское осмысление, разгул и эротика поднимались над бытом и переставали быть индивидуальным явлением. С наибольшей силой и с огромным пафосом утверждал такое понимание поэзии Языкова и Гоголь в период «Переписки с друзьями». Он восхищается буйством Языкова: в его поэзии, пишет он, «всем послышалась новая лира, разгул и буйство сил, удаль всякого выражения, свет молодого восторга... Все, что выражает силу молодости не расслабленной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом стихов его. Все, что вызывает в юноше отвагу: море, волны, буря, пиры и сдвинутые чаши, братский союз на дело, твердая, как кремень, вера в будущее, готовность ратовать за отчизну, выражается у него с силой неестественной». Гоголь предъявлял Языкову специфические и совершенно ясные требования. «Нынешнее время, — формулировал он задачи поэта, — есть именно поприще для лирического поэта». Он требует, чтобы поэт бичевал зло и звал к высшим идеалам. «У тебя есть, — продолжает он, обращаясь к Языкову, — на то орудия и средства, в стихе твоем есть сила управляю-

---

[1] См. дискуссию о славянофилах по поводу доклада В. Дмитриева («Историк-марксист», 1941, I).

щая и подъемлющая. То и другое именно нужно теперь. Одних нужно поднять, других попрекнуть и т. д.».

Этот пафос критики достаточно объясняет причины той напряженной атмосферы, которая образовалась вокруг Языкова и которая позволяет говорить о его поэзии как о некоем водоразделе в общественно-литературных течениях того времени. Славянофильские критики и их попутчики очень четко вскрывали значение поэзии Языкова для своего класса и поставленных им задач. Это обязывало и их антагонистов к формулировке своих позиций, что и было выполнено самым блестящим представителем демократической интеллигенции — Белинским. Внешним поводом было появление новых сборников стихов Языкова, в которых еще резче и ярче обозначились основные тенденции его творчества.

Позже эстетствующая критика упрекала Белинского, что он не сумел оценить крупнейших мастеров пушкинской эпохи — Баратынского и Языкова. Отношение к ним Белинского приводилось как пример «поразительного» отсутствия у него поэтического чутья и понимания литературы. Но, конечно, Белинский не хуже Киреевского и других критиков понимал силу таланта Языкова и его высокое поэтическое мастерство, но за всем этим он не мог опустить другой стороны дела — стороны политической. Белинский не раз отмечал высокое достоинство стихов Языкова, их поэтическую смелость, яркость, силу; он неоднократно подчеркивал, что речь идет не об отрицании таланта, но об «объеме этого таланта», т. е., другими словами, о диапазоне его творчества, о широте и глубине захваченных и поставленных им проблем. Речь шла о составе идей поэта и о том культе, который устанавливала реакционная и славянофильская критика. Славянофильская критика говорила о поэзии Языкова как о поэзии юности. Белинский ставил вопрос: какова же эта поэзия, каково ее эстетическое и нравственное достоинство? Она оказывается в антиэстетической оболочке кутящего и пьяного студенчества. Киреевский ценил поэзию Языкова как выражение духовной шири молодости. Белинский отказывается видеть в поэзии вина и разгула воплощение широты и душевного простора молодости, он выдвигает иные требования и, наконец, отрицает подлинную стихийность этого «молодого буйства». Белинский совершенно беспощадно бил по Языкову, потому что прекрасно понимал его силу и понимал то значение, какое имеет его поэзия в боевом арсенале противников. Славянофилы усиленно стремились сделать из Языкова центральную фигуру русской поэзии; Белинский же заставлял видеть в нем только центральную фигуру славянофильской поэзии.

И действительно, Языков в 40-е годы был подлинно славяно-

фильским поэтом. Встреча со славянофилами имела огромное значение для Языкова: он нашел в славянофильстве завершение своих смутных исторических мечтаний и политических концепций. Дерптские исторические штудии получили новый смысл в свете философских концепций славянофильства. Славянофилы обрели своего поэта, поэт — свою партию. В рядах славянофилов было не мало поэтов, но ни К. Аксаков, ни Хомяков, ни Шевырев не могут быть названы в такой мере поэтами славянофильства, как Языков. Он был не только провозвестником его учения, но он внес в поэзию и его интимные стороны, он был славянофильским полемистом и воспевал лидеров славянофильства, внося в литературу своеобразную струю домашности. Это была и политическая и, вместе с тем, интимная лирика партии. Характерно, что значительнейшую часть его лирических произведений последнего десятилетия составляют послания. В сборнике 1845 г. они занимают почти половину книги. А кроме того, в эти же годы, особенно в последние три-четыре года его жизни, им был написан еще ряд посланий, не вошедших в печатное издание: послания к Каролине Павловой, к И. и К. Аксаковым, к Шевыреву, Хомякову и уже упоминавшиеся послания-инвективы против Чаадаева, Герцена и Грановского.

6

Уже в 30-е годы вновь меняется у Языкова отношение к Пушкину. Теперь он ценит в нем только мастера, но к его общественным тенденциям, его литературным и историческим замыслам относится холодно и недоверчиво. Это расхождение с Пушкиным особенно отчетливо сказалось в середине 30-х годов, когда Языков, вслед за Пушкиным и Жуковским, также обратился к фольклорной тематике.

Имя Языкова вообще теснейшим образом связано с фольклором; можно смело сказать, что оно принадлежит не только истории русской литературы, но и истории русской фольклористики; оно может быть названо наряду с именем Петра Киреевского, как имя одного из зачинателей и ревностнейших пропагандистов идеи собирания и издания памятников народного творчества.

В настоящее время можно считать вполне установленным, что инициатива знаменитого предприятия Петра Киреевского в равной степени принадлежала им обоим, т. е. П. Киреевскому и Языкову.[1] Об этом сохранилось (помимо ряда других источников) прямое

---

[1] «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову». Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Л., 1935; а также: М. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938.

свидетельство в одном из писем П. Киреевского. В письме от 14 октября 1831 г. он подробно сообщает Языкову о ходе дела, об его переговорах с издателем, о планах и потом прибавляет: «. . .остается решить вопрос: где, сколько экземпляров, в каком формате и в каком порядке печатать? А всех этих вопросов я без тебя решить не могу: тебе гораздо больше меня приличествует решать их, потому что и первая честь собрания, и большое количество, и лучший цвет песен принадлежит тебе. Хочешь издавать вместе и на заглавном листке написать: изданное Н. Языковым и П. Киреевским?» [1]

Летом 1831 г. они оба приступили к непосредственной работе по собиранию и записи песен; в июне этого года Н. Языков пишет брату: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. Киреевский и я, мы возымели поэтическое желание собирать их и нашли довольно много еще ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоцененное и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. . .»

Языков привлек к этой работе своих братьев, сестер, различных знакомых из Симбирской губернии. Он настолько заразил всех их своим энтузиазмом, что записи братьев Языковых (как это видно и из цитированного выше письма) значительно превысили своим объемом все остальные сборы. Языковы собрали большое количество песен, духовных стихов, былин. Петру Языкову принадлежит запись знаменитой сказки о Горшене, опубликованная в «Москвитянине» и вошедшая оттуда в сборник Афанасьева. Позже, уже больной, живя за границей, Языков не перестает интересоваться этим делом и беспрерывно тормошит братьев просьбами и поручениями о записях песен: упоминания об этом имеются в письмах из Ниццы, из Гаштейна, из Рима. В марте 1840 г. он раздраженно пишет (из Ниццы): «К Петру Киреевскому мы писали, писали и недавно уже отнеслись к Валуеву, чтоб сей юноша добился от него ответа на некоторые пункты. Расторыкать его трудно: он чрезвычайно способен захрясать и засиживаться в одной мысли и на одном месте, вот почему и не отвечает на письма и медлит с изданием песен, уж не знаю почему».

[1] «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову». 1935, стр. 51.

Н. М. Языков.

С офорта Ф. И. Иордана.

Эта полоса увлечения фольклором отразилась и непосредственно в творчестве Языкова: в 1835—1836 гг. он пишет «Сказку о пастухе и диком вепре» и драматическую сказку «Жар-птица». Различного рода подражания народной поэзии были очень популярны в литературе первой половины XIX в. и особенно в период усиления споров о народности. Что же касается «сказок», то интерес к этому виду творчества особенно заострен был опытом Пушкина и Жуковского, их знаменитым состязанием в 1831 г. В 1834 г. появился «Конек-Горбунок» Ершова. Сказки Языкова, таким образом, непосредственно продолжают эту линию, начатую Пушкиным, но, по своему существу и характеру, они не только не примыкают к пушкинской традиции, как, например, «Конек-Горбунок», но являются скорее борьбой и полемикой с ней.

О значении сказок Пушкина уже приходилось неоднократно писать; отсылаем читателя к своим статьям о Пушкине,[1] здесь же только коротко отметим важнейшие моменты. Сказки Пушкина знаменовали новый художественный метод и новую точку зрения, они знаменовали для Пушкина обращение к новым социальным силам как к новому творческому источнику. В статье о драме Погодина Пушкин писал о необходимости более широкой социальной базы для творчества. «Сказки» и были опытом решения данной проблемы, они явились, в подлинном смысле слова, вторжением в литературу народной стихии. Задача, которую Пушкин ставил перед собой (и перед всей литературой), была в том, чтобы создать такое произведение, где отразилась бы точка зрения народного сказочника и где все идейное содержание было бы передано через призму народного восприятия.

Другим путем шел Жуковский. Фольклор интересовал его как исторический памятник, как свидетельство о народных нравах, о степени просвещения народа, о старине; как выражение суеверных преданий. Подобно немецким романтикам, он видел в фольклоре один из основных источников для поэзии, который должен быть подвергнут, однако, решительному преображению под пером поэта. Другими словами, фольклор интересовал Жуковского как памятник старины, как объект для работы художника, как поэтический сюжет, но не как народная точка зрения на те или иные явления жизни. Неоднократно цитируемое замечание Горького о сказках Пушкина

---

[1] «Пушкин и фольклор». «Литература и фольклор», Л., 1938, стр. 5; первоначально было опубликовано во «Временнике Пушкинской комиссии», т. III, 1937.

чрезвычайно глубоко вскрывает смысл пушкинского подхода к народно-поэтическому материалу в отличие от других его современников. Так, Пушкин не затушевывает отношения народа к царям, к духовенству, ко всей социальной действительности, но вскрывает и подчеркивает подлинно народную точку зрения. Жуковский же вносит в сказки свою мораль, свою дидактику; он не считается ни со стилем, ни с идейной стороной русской народной сказки, и его морализующе-дидактический тон совершенно чужд ее характеру и духу.

Метод Пушкина вызвал осуждение в лагере дворянской литературы 30-х годов. Плетнев, отражая эту точку зрения, решительно противопоставлял Пушкину Жуковского. Он ценил в сказках Жуковского, что они идут «не из мужицкой избы», а «из барского дома», в этом он видел прочное доказательство того, что их создал «прямой поэт». «Мужицкой избой», в отличие от сказок Жуковского, пахли, конечно, сказки Пушкина.

Оценка Языкова вполне совпадает с аналогичными суждениями. Правда, в оценке «Салтана» Языков несколько колебался. Эта сказка как раз нравилась ему, но в общем он относился отрицательно к такому методу. Он предпочитает Жуковского, и собственные его опыты идут в этом же направлении. В первой своей вещи в сказочном стиле — «Сказка о пастухе и диком вепре» — он подходит к теме как бы несколько иронически, с полемическим заострением против Пушкина.

Дай, напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!

Источники сказок Языкова были не непосредственно народные; обе они заимствованы из лубочного печатного издания.[1] Сравнительный анализ и сопоставление сказок Языкова с их источниками сделан в специальной статье И. М. Колесницкой,[2] которая убеди-

---

[1] См. Примечания.

[2] И. Колесницкая. Сказка о «Иване-Царевиче, Жар-птице и сером волке» в обработке Языкова и Жуковского. «Студенческие записки филологического факультета ЛГУ» под ред. проф. М. К. Азадовского. Л., 1937, стр. 75—89.

тельно показала, как Языков все время точно следует своему оригиналу, например:

в лубке:	у Языкова:
Велел он во все места владения своего разослать указы, в коих было прописано, что ежели кто оного дикого вепря умертвит, то обещается король дочь свою, прекрасную Илию, отдать тому в замужество.	Король послал окружные указы Во все места владенья своего, И объявил: что, кто вепря погубит, Тому счастливцу даст он дочь свою В замужство—королевну Илию.

Пушкин в своей работе над сказками широко пользуется поэтикой фольклора. Он пользуется не только материалами самих сказок, но щедро привлекает все фольклорное богатство: народнопоэтические символы, эпитеты, сравнения, песенные и былинные образы. У Жуковского же и у Языкова народная поэтика отсутствует. Языков отбрасывает даже и те отдельные сказочные формулы, которые иногда встречались в его источниках, т. е. в самом лубке.[1] Да и все образы, положения, картины сказок Языкова противоречат сказочному стилю. Он дает распространенный романтический пейзаж, подробно описывает переживания героев, передавая их в чуждой народной сказке сентиментальной форме и т. д.

Сказки Языкова продолжают, таким образом, традицию Жуковского. Для Языкова — это канва, с помощью которой он высказывает свои политические и исторические убеждения. Так, например, пользуясь традиционным противопоставлением младшего и старших братьев, он зарисовывает в образе последних («Жар-птица») карикатурные типы любителей западного просвещения.

«Жар-птица» — как бы переломный момент. Языков в эту пору был тяжело болен. Два года почти полного молчания. Потом выбившая его из колеи поездка на Запад, где он чувствовал себя крайне неуютно. Путешествие по Италии и поездка в Рим для Языкова прошли как-то совершенно бесследно. Впечатления западной жизни вообще мало отложились в его поэзии. Пейзажи, коекакие бытовые штрихи, тоска по родине и выражения физического недуга — вот основные моменты его лирики этого периода. Правда, его западные пейзажи принадлежат к числу лучших (еще как-то мало оцененных) образцов пейзажной лирики в истории русской поэзии, но они очень малочисленны и носят несколько случайный характер. Новый облик принимает его творчество в стихах послед-

[1] И. М. Колесницкая, назв. соч., стр. 79, 80.

него периода (1844 — 1846), написанных после возвращения в Россию. Их основное содержание — полемика и борьба с Герценом, Грановским, Чаадаевым, послания к Шевыреву, Хомякову, К. Аксакову и, наконец, послания к Чаадаеву и «К не нашим», — окончательно отгородившие поэта от прогрессивных элементов общества.[1] Близкий друг всей семьи Языковых, Д. Н. Свербеев, писал А. И. Тургеневу: «Не буду также говорить и о стихах Языкова, а еще менее готов сообщить их вам. У меня их нет и не будет. Эта площадная брань на людей достойных заслуживает одно отвращение».[2] Эти же «послания» вызвали поэтическую отповедь Каролины Павловой, которая писала в ответ на одно из дружеских обращений к ней Языкова:

Нет, не могла я дать ответа
На вызов лирный как всегда,[3]
Мне стала ныне лира эта
И непонятна и чужда.
Не признаю ее напева..,

и далее:

Нет на проклятия и брани
Во мне отзывного стиха.
Во мне нет чувства, кроме горя,
Когда знакомый глас певца,
Слепым страстям безбожно вторя,
Вливает ненависть в сердца.
И я глубоко негодую,
Что тот, чья песнь была чиста,
На площадь музу шлет святую,
Вложив руганья ей в уста

и т. д.

Процесс размежевания основных общественных групп, обозначившийся еще в тридцатые годы, в середине 40-х годов принял уже

[1] По возвращении из-за границы Языков становится очень деятельным и ревностным членом славянофильской партии, в частности он принимал близкое участие в издании «Москвитянина», активно участвовал в организации «Московских Сборников» и завещал 20 000 руб. на издание специального славянофильского журнала.

[2] Архив А. Д. Свербеева (ИЛИ).

[3] В изд. 1863 г. напечатано: «На вызов мирный»; так вошло и во все издания стихотворений К. Павловой, в том числе и в изд. «Библиотеки поэта» под ред. Е. П. Казанович (Л., 1939; см. стр. 44 и 415); однако здесь, несомненно, опечатка. В списке Жихарева, опубликованном в «Вестн. Евр.» 1871, IX, стр. 47, 48: «вызов лирный»; также и в списке Вяземского, хранящемся в Гос. Архиве феодально-крепостнической эпохи (Москва). Автограф неизвестен.

совершенно четкие и резкие формы. Послания Языкова против Герцена, Грановского, Чаадаева явились одним из самых ярких памятников наступившего разрыва. В некоторых историко-литературных трудах можно встретить утверждения, что вожди славянофильства (особенно К. Аксаков) отнеслись отрицательно к этим стихотворениям Языкова. Однако это не соответствует действительности. Они вызвали в среде славянофилов полное признание и рассматривались как замечательный и вдохновенный поэтический протест против пути «западников». Мать Киреевских, А. П. Елагина, выражая, несомненно, настроения своего круга, писала Языкову: «Все ваше люблю и почитаю, — но всего лучше, всего красивее ваша негодующая муза. Ее вдохновения — истинны и сильны».[1] Восторженно приветствовали эти послания и Петр Киреевский и Хомяков. У Петра Киреевского произошло из-за них крупное столкновение с Грановским, едва не приведшее к дуэли между ними. Хомяков же, под сильным влиянием которого находился Языков последние годы жизни, явился, в сущности, прямым вдохновителем его, и именно он подсказал Языкову эту тему. Некоторые мемуаристы (напр., Д. Свербеев) называют в числе «вдохновителей» Языкова и старшего брата его, П. М. Языкова. Свидетельством отрицательного отношения части славянофилов к этим стихам считают известное послание К. Аксакова «Союзникам», но оно направлено не против Языкова, а против тех, кого он именовал «гнилыми союзниками». Это была отповедь крайним реакционерам, типа Вигеля (известного мемуариста, автора доноса на Чаадаева) и его идейных соратников. Последние с особенным увлечением пропагандировали языковские послания, читали их в разнообразных салонах и гостиных, и считали их вполне «своими» по духу. Против «союзников» такого типа и ополчился К. Аксаков, выводя их в своем послании под совершенно прозрачными обозначениями. Почти каждая строфа имеет в виду кого-либо персонально; во второй строфе говорится о Вигеле («России самозванный сын, ее непрошенный защитник, на всё озлобленный мордвин»), в четвертой — о мелком литераторе Копьеве («писатель запоздалый, великий злостью, телом малый»), в третьей — вероятно, имеется в виду Ю. Бартенев. Все они для К. Аксакова «ничтожная мелочь» и среди них нет, конечно, места Языкову. Наоборот, их «злобному шипенью» он противопоставляет «голос смелый и прямой», очевидно

[1] Письмо А. П. Елагиной к Языкову от 12 дек. 1845 г. (Архив ИЛИ); см. также: Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Ред. М. К. Азадовского. «Academia», 1934, стр. 721.

разумея под этим послания Языкова. Если бы, действительно, данное стихотворение Аксакова в какой бы то ни было степени было направлено против Языкова, оно, несомненно, отразилось бы на их взаимоотношениях, однако в эти годы Языков был особенно близок с семьей Аксаковых. Кроме того, самой ранней инвективой Языкова явилось как раз послание к К. Аксакову, где впервые были высказаны положения, получившие более четкие и развернутые формулировки в поздних посланиях. Стихотворение, адресованное К. Аксакову, выросло, несомненно, на почве общих воззрений и опиралось на какие-то близкие Языкову мнения и оценки Аксакова.

Послание Аксакова имело прямой целью отгородить Языкова от союзников с крайнего правого фланга, но не Белинский, ни Герцен, ни Грановский совершенно справедливо не хотели придавать значения этим нюансам и включали языковские послания в общий строй реакционных писаний. В статье «Москвитянин и вселенная» Герцен писал: «Мы имели случай читать еще поэтические произведения того же исправительного направления, — ждем их в печати; это — гром и молния: озлобленный поэт не остается в абстракциях, он указует негодующим перстом лица (при полном издании можно приложить адреса). Исправлять нравы! Что может быть выше этой цели? Разве не ее имел в виду самоотверженный Коцебу и автор «Выжигиных» и других нравственно-сатирических романов?» [1]

Не съединит нас буква мненья;
Во всем мы розны меж собой,
И ваше злобное шипенье —
Не голос смелый и прямой.
Нет, вас не примем мы к совету;
Не вам внимать родному зву:
Мы отказали Маржерету,
Как шли освобождать Москву!
На битвы выходя святые,
Да будем чисты меж собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, — на бой!

---

[1] **А. И. Герцен.** Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, т. III, стр. 467, 468; первоначально статья Герцена появилась в «Отеч. Записках», 1845, III. В том же году Белинский опубликовал свой разбор новой книги стихов Языкова («56 стихотворений») — в статье «Русская литература в 1844 г.» («Отеч. Записки», 1845, т. XXXVIII; перепечатано: «Полное собрание сочинений В. Г. Белинского», под ред. С. А. Венгерова, т. IX, СПб., 1914).

Языков кончил свой путь откровенным и открытым переходом на сторону реакции. Однако произведения, написанные Языковым в пору расцвета его выдающегося поэтического дарования, и доныне остаются замечательными памятниками русской поэзии.

Две стороны творчества и поэтики Языкова делают его особенно значительным и выделяют из общего пушкинского окружения, — это необычайная стремительность стиховых темпов и смелость в построении стиха и образа. Еще Ксенофонт Полевой на страницах «Московского Телеграфа» отмечал «изумительное уменье» Языкова пользоваться словом. «Немногие из стихотворцев русских, — писал он, — умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка». Еще резче подчеркивал эту сторону поэзии Языкова Белинский: «Он (Языков) много сделал для развития эстетического чувства в обществе, его поэзия была самым сильным противоядием пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смелыми и резкими словами и оборотами Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии».

Белинский подчеркивает и общественное значение этой смелости: «Стихи Языкова, — говорит он, — дали возможность каждому писать не так, как все пишут, а как он способен писать, следственно, каждому дали возможность быть самим собою в своих сочинениях».

Действительно, Языков не боится трудностей, — он не считается с канонами и штампами языка; если ему нехватает слова, он смело берет его из народного языка или применяет какое-нибудь другое, не в обычном значении, или просто изобретает его. Например, в русском языке есть слово «бесчисленный»; Языкову это вполне четкое слово, однако, кажется лишенным образа, и он пишет: «врагов тьмочисленные рати»; поэта он называет «таинственник Камен», объединяя в одном поэтическом образе оттенки слова «тайна»; о коне говорит «бурноногий» или «звучнокопытый» и т. д. В одной из последних книг стихов В. Брюсова («Последние мечты») имеется раздел «Душа истаевает». Этот необычный глагол заимствован им у Языкова.

Прекрасна ты, о дева ночи.
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви.

Среди этих неологизмов особенно видное место занимают сложные образования слов — один из любимейших приемов Языкова,

что давало ему возможность сочетать в одном слове различные свойства и оттенки понятия или предметов:

И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

(„Конь“)

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Пряморусская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

(„Д. В. Давыдову“)[1]

Точно так же Языков не считается с каноническим учением о строфах, порядке рифмовки, с определением жанра. Он особенно любит стихотворения с неровным и непарным количеством стихов: у него есть пьесы, заключающие 101 стих, 41 или 53 и т. п. Самый жанровый термин, которым он обозначал большую часть своих лирических пьес — «элегия» — он берет не в обычном понимании, но значительно расширяя и преобразовывая его. «Элегия» у Языкова гораздо шире обычного определения и установившейся практики. «Элегиями» он называет и свои лирические раздумья («И нежным именем элегий я прозу сердца называл»), и стихотворения, проникнутые любовным восторгом, и политическую лирику.

Расширяя таким образом понятие «эллегия», Языков вместе с тем необычайно обогатил лирический словарь; его эпитеты, которые он дает таким словам, как «любовь, радость, наслаждение, младость» и т. д., поражают своим богатством, разнообразием или подчас смелым соединением образов, взятых из совершенно различных сфер. «Любви чарующая сила», «любви прелестные печали», «любви живые упованья», «рай мечтательной любви» и рядом:

---

[1] Приводим еще несколько примеров языковских неологизмов: «голубоводный» («бродил реки голубоводной по величавым берегам»); «искрокипучее вино»; «миговой» («произведение таланта миговое»); «мимоходящий» («кто на нее печать наложит мимоходящей новизны»); «перекочкать» («я перекочкал трудный путь»); «перепрыг» («он широким перепрыгом через них — и был таков»); «снеговершинный» («в тени громад снеговершинных»); и др.

«ее (любви) блудящие огни» или «пустые радости любви». «Мой апокалипсис» начинается такими стихами:

Когда любви незнаменитой,
Мятежной, беглой и живой,
Я посвящал души открытой
И беспокойство и покой... и т. д.

Особенно же замечательны его сравнения, где с еще большей силой и смелостью он пользуется приемом сочетания понятий из разных сфер:

Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком...

или:

Уже не мирно и темно
Реки течение ночное,
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

(„Тригорское")

Поэтическая смелость Языкова, свежесть образов, огромная изобразительная сила, жизнерадостность, горячая любовь к родине отмечают лучшие стихи Языкова. И потому-то, отметая Языкова-реакционера и игнорируя его, революционная молодежь на рубеже XIX — XX вв. включала в свой репертуар целый ряд стихов и песен Языкова. Этот Языков — певец великого прошлого своей родины, поэт-жизнелюбец, замечательный мастер формы и смелый новатор — интересен и современному читателю.

М. Азадовский

СТИХОТВОРЕНИЯ

1819–1821

ПОСЛАНИЕ К КУЛИБИНУ

Не часто ли поверхность моря
Волнует грозных бурь приход
И, с валом вал ужасный споря,
Кремнистые брега трясет!
Не часто ль день прелестный, ясный
Скрывает мрак густой!
Не часто ль человек, среди весны прекрасной,
Смущается тоской,
И радость быстро отлетает!
Страшись печали, милый друг!
Да счастье всюду провождает
Тебя чрез жизни луг!
Люби, но укрощай в душе любви стремленья:
Ее опасен яд,
И часто средь цветов прелестных наслажденья
Змеи ужасные шипят!
Будь верен, не страшись обмана;
Страшись, чтобы коварный бог
Не превратился вдруг в тирана
И тщетныя в тебе любови не возжег.
Быть может, там, мой друг любезный,
Где медяный Рифей
Чело к стране возносит звездной
И, крепостью гордясь своей,
Полет Сатурна презирает,
Где хлад свирепый обитает,
Ты, друг мой, в тот ужасный час,
Как ветром мчится прах летучий,
Когда луч солнечный погас,
Покрытый мрачной тучей,

Когда леса дубов скрыпят,
Пред бурей страшной преклоненны,
Когда по челам гор скользят
Перуны разъяренны,
Быть может, друг любезный мой,
В сей бури час ужасный,
Красу, застигнуту грозой,
Увидишь ты. — И взор прекрасный
В плененном сердце нежну страсть
Воспламенит мгновенно,
И милая твоя любови власть
В душе познает восхищенной,
И для тебя лишь будет жить.
Тогда, под сенью мирной,
Ты станешь радости с подругою делить;
Тогда твой голос лирный
Любовь благую воспоет!
И песнь твоя молвой к друзьям домчится!
Тогда во мне, о милый мой поэт,
Воспоминание протекшего родится;
Тогда я полечу душой
К дням резвым юности беспечной.
Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной,
Тебе вверять восторги приходил
И слышал суд твой справедливый,
О, сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нельстивый!
С каким весельем я с тобой
Поэтов красотой пленялся!
И, зря в мечтах их тени пред собой,
Восторгам пылким предавался.
Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По холмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.
Тогда я пред тобою зрел
Тебя, Фингал непобедимый,

В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый,
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали,
И солнце блещущим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копье склонясь,
Стоял в очах своих с грозою —
И вдруг, на воинство противных устремясь,
Все повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых! . .
Но, друг, позволь мне удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты наделен талантом песнопенья,
Тебе героев воспевать!
В восторге устреми к превыспреннему миру
Быстротекущий свой полет,
А мне позволь, мой друг-поэт,
Теперь на время бросить лиру!

А. И. КУЛИБИНУ

Итак, поэт унылый мой!
Тот скоро час примчится,
Когда тебе с родной страной,
С друзьями должно разлучиться;
Лететь туда, куда ведет
Рука судеб неумолимых;
Туда, где страшный гор хребет,
Среди степей необозримых,
Чело скрывая в облаках,
Стоит снегами увенчанный;
Где лютая зима на грозных высотах
Поставила свои чертоги льдяны:

Туда, туда, поэт — друг мой!
Там скалы дикие и пропасти ужасны,
И мрак дубрав чужой
Услышат лиры глас прекрасный!
Туда и музы прилетят,
В Сибирь, в жилище хлада.
Поэт! богинь не устрашат
Ни даль, ни мраз, ни льдов громада:
Они, оставивши Парнас,
В твою смиренную обитель
Придут внимать твой мирный глас,
Любимец их и их любитель!
Тогда ты лиры золотой
Ударишь в звонки струны,
И с них блестящею струей
Польется звук перунный!
Тогда ты будешь вспоминать
О родине своей, о тех местах священных,
Где дней твоих не смели возмущать
Страстей порывы разъяренных;
Где верных ты имел друзей,
Как с ними время протекало,
Как златострунной их твоей
Бряцанье лиры восхищало,
Как с ними радость разделял,
Мечты и тягость скуки,
Как их печальный оставлял,
Как простирал к ним руки,
Чтобы в последний раз обнять,
Сказать *прости* и удалиться.
Ах, как приятно вспоминать
О том, с чем тяжко разлучиться!
Мой друг! Что может быть милей
Бесценного родного края?
Там солнце кажется светлей,
Там радостней весна златая,
Прохладней легкий ветерок,
Душистее цветы, там холмы зеленее,
Там сладостней журчит поток,
Там соловей поет звучнее,
Там все нас может восхищать,
Там все прекрасно, там все мило,

Там дни, как молния, летят.
Там нет тоски унылой,
Там наше счастие живет,
Там только жизнью наслаждаться!
А ты, любезный мой поэт,
Ты должен с родиной расстаться!
Дай руку! Милый друг, прощай!
Но там, в стране той отдаленной,
Твоих друзей не забывай;
Живи надеждой озаренный,
Что некогда увидишь их,
Что грозный рок к тебе смягчится
И что блаженство возвратится,
И позлатит ток дней твоих!

К БРАТУ

Столицы мирный житель,
Враг лени и сует,
Мой ангел-покровитель,
Мой друг и мой учитель,
И в мраке жизни свет,
От музы небогатой
Ты требуешь стихов;
Но мне, мой философ,
Твое желанье свято,
И вот тебе от брата
Дар скудный — пук стихов.

С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня —
Я счастлив стал душою;
Здесь радость с тишиною,
Здесь все, что в жизни сей
Мне дорого и мило;
И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И лень уединенья,

И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья!
Там, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!
На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной
Подругою докучной;
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия сухая;
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно,
А ныне очень рад,
Прогнал ее — и славно,
И не придет назад.

С тех пор бегут игриво
Мои младые дни —
И, друг мой, извини:
Я музой говорливой
Насильно увлечен;
Некстати разболтался;
Но я в грехах признался —
И менее грешён.

Когда лучи рассвета
Покроют небосклон,
И твоего поэта
Прервется сладкий сон,
Я, помня долг священный
Свой разум просвещать,
Сажусь уединенный
Науки повторять;
На время отгоняю
И муз, и лень свою,

Читаю и читаю,
Пока не устаю;
Потом, как утомляться
Начнет рассудок мой,
И весело раздастся
Часов полдневных бой —
Оставивши занятья,
Лечу на сельский пир,
Где искренность — кумир,
Где все — друзья и братья!
И, право, милый мой,
Обед семьи простой,
И скромный и радушный,
Мне во сто крат милей,
Чем долгий и бездушный
Пир гордых богачей,
Где не могу свободно,
Что мыслю, говорить,
Смеяться и шутить,
И есть, что мне угодно;
Где модный этикет
Гостями управляет,
Где скука обитает,
Где искренности нет.
Но дружеский обед
Мне лучше и вкуснее:
Здесь мысли веселее,
Здесь всякой, как привык,
Все говорит, что знает,
Здесь скука не бывает
И волен мой язык.

Расставшись со столом,
Я радости вкушаю,
Каких не обретаю
В Петрополе ни в чем.
Прочь купленного счастья
Румянец накладной
И розы сладострастья
С порочной красотой!
Семейства в мирной сени
Жилище наслаждений,

А не в шуму градском.
Там мы, друзья родные,
Веселые, младые,
Садимся все кружком,
Там говорим без смены:
Там шутки, остроты,
И смех непринужденный,
И вольные мечты!

Потом, как утомится
Аий наш молодой,
И тихо водворится
В собрании покой, —
В сей сладкий час досуга
Прибегнем к музам мы,
И радость — их подруга —
Вновь оживит умы;

Часы как легки тени
Мелькают мимо нас;
Когда ж их звон вечерний
Ударит десять раз,
Опять все гастрономы
На благовест знакомый
Явятся за столом
Для жертвоприношенья
Тебе, великий Ком,
Бог мирный объяденья!..
Окончив ужин свой,
С зевотою протяжной,
Я отправляюсь важно
К Морфею — на покой;
Весь свет позабываю,
Не мыслю ни о чем —
И богатырским сном
До утра просыпаю.

ПОСЛАНИЕ К А. И. ОЧКИНУ

О ты, с которым я, от юношеских лет,
Привык позабывать непостоянный свет,
Привык делить мечты, надежды, наслажденья,
И музы девственной простые песнопенья,
И тихие часы досугов золотых!
Друг сердца моего и друг стихов моих!
Завидую тебе: умеренным счастливый,
Твой дух не возмущен мечтой славолюбивой;
Ты, гордо позабыв мятежный света шум,
В уединении, жилище смелых дум,
Ведешь с науками невидимые годы,
И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым.
Ты счастья не искал за рубежом родным;
Но, верный сам себе и от страстей свободный,
Нашел его в душе, простой и благородной;
А я, поверивший надежде молодой,
Обманут счастием, один, в стране чужой,
Пою мою печаль — певец, душою сирый —
Как струны хладные Арминиевой лиры,
И в тишине учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться
И всем утраченным, всем милым наслаждаться,
И с вами быть душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей;
Где вечно царствуют с отрадной тишиной

Миролюбивых душ живые наслажденья;
Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала,
Огонь поэзии в душе моей зажгла —
И я, божественным восторгом оживленный,
Воспел мои мечты и мой удел смиренный,
И непритворною, свободною душой
Благодарил богов за песни и покой!
Тогда, не знав людей, застенчивый мой гений
Не знал и зависти коварных оскорблений.
Суд ветреной толпы его не занимал;
Он пел для дружества и славы не искал.
Но вы сокрылись, дни счастливого незнанья!
И чувства новые и новые желанья
Сменили навсегда покой души моей.
Отдайте мне, Судьбы, блаженство прошлых дней,
Отдайте мирные отеческие сени
И сердце без любви и ум без заблуждений!
Не тщетно ль радости минувшие зову?
Уж бремя суеты тягчит мою главу;
Унылая душа невольно холодеет
И на грядущее надеяться не смеет;
И гаснет жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мне, забытому судьбой!
Ты можешь, верный жрец богини вдохновенья,
Родить в моей душе и жажду просвещенья
И твердость на пути спасительных трудов,
И оживить мой ум и жар моих стихов.
Когда ж, от бремени сует освобожденный,
С собою помирясь и дружбой ободренный,
Я полечу в страну, где молодость моя
Узнает мир души и цену бытия?
О! сбудутся ль мои последние желанья?
Клянусь, собрав умом плоды образованья,
Провесть в кругу родных, на родине моей,
Остаток счастливый тобой спасенных дней!
Тогда души моей воскреснут наслажденья.
Забыв коварный свет, в тиши уединенья,
Я буду воспевать мой радостный удел,
Родимые поля, простые нравы сел
И прадедовских лет дела и небылицы —
И посвящать тебе дары моей цевницы!

А. Н. ОЧКИНУ

Было время, мой приятель,
Как прельщенный суетой,
Муз неверных обожатель,
Я им жертвовал собой;
Часто резвые мечтанья
И младых восторгов сны
На усердные призванья
Из эфирной стороны
Ниспускалися к поэту
Легкокрылою толпой;
Но теперь их нет со мной:
Мой челнок несется в Лету
Лени сонною волной,
И ничтожество немое
На корме его сидит!
Ты, которому в покое
Дни свобода золотит,
Пой, певец уединенный,
Радость юношеских лет,
А товарищ твой забвенный
Пусть молчит — он не поэт!

ПОСВЯЩЕНИЕ А. М. ЯЗЫКОВУ

Faciam ut mei memineris.

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей.
Тобою жизни обученный,
Младый питомец тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои пророческие сны, —
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой!
Она мне мир очарованья

В живых восторгах создала,
К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать нелепый суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы!
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благоденьям!

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.

И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины,
Торжественный и величавый!!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой несмелой
Тобой воспитанный поэт!
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прошлых дней,
Неверной жизни обольщенья
И страсти ветреных друзей;

Здесь все, чем занят был счастливый дар поэта,
Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?»
— Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона.

«Где твоя родина, певец молодой?»
— Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит. . .
Там память героев, там край вдохновений,
Там все, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!

«Кого же прославит певец молодой?»
— Певца восхищают могучие деды:
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы.

«Кого же прославит певец молодой?»
— От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды, блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младый, но ужасный средь вражьих мечей,

И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!

«Но кто же младого певца наградит?»
— Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой
И, гордый, всесильной судьбы не винит...
Как бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!

«Но кто же младого певца наградит?»
— Потомок героев, как предки, свободный,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков,
И взоры сверкают надеждой веселой!

ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

(В АЛЬБОМ А. А. ВОЕЙКОВОЙ)

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда, горделивый и смелый, как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины
И, встречены грозной, нежданной войной.
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою, —
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставлю я броню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами,
В чертогах отцовских на память сынам.

1823

РОК

(НА СМЕРТЬ М. А. МОЙЕР)

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
И пламень тартара в очах!
Увы! сия рука не знает состраданья,
Не знает промаха удар!
Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
Посол неправых неба кар?

Всего прекрасного безжалостный губитель,
Любимый сын владыки тьмы,
Всемощный, вековой — и наш миоправитель!
Он — рок; его добыча — мы.
Злодейству он дает торжественные силы
И гений творческий для бед,
И медленно его по крови до могилы
Проводит в лаврах через свет.

Но ты, минутное творца изображенье,
Невинность, век твой не цветет:
Полюбишь ты добро, — и рок в остервененьи
С земли небесное сорвет,
Иль бросит бледную в бунтующее море,
Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
И ты при молниях читай!

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песне радостных пловцов
И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,
Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,

Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов —
Сохраненные веками,
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца,
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры, ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И, забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

МОЕ УЕДИНЕНИЕ

От света вдалеке,
Я моему Пенату
Нашел простую хату
В пустынном чердаке;
Здесь лестница крутая,
Со всхода по стене
Улиткой завитая,
Впотьмах ведет ко мне:
Годов угрюмый гений
С нее перилы снял
И тяжкие ступени
Избил и раскачал;
Но, зная путь парнасской
От колыбельных лет,
С ее вершины тряской
Не падает поэт;
Под ним дрожат ступени,
И тьма со всех сторон,
Но верно ходит он
К своей любимой сени.

Благодарю богов!
В моем уединеньи
Свобода — рай певцов,
Живое размышленье
И тишина трудов.
Умеренность благая
Приют мой убрала,
Здесь роскошь выписная
Приема не нашла;
Завесою богатой
Не занавешен свет;
Пол шаткий и покатый
Коврами не одет;
Ни бронзы драгоценной,
Ни зеркал, ни картин:
Все бедно и смиренно,
Как сирый Фебов сын.
У стенки некрасивой
Стоит мой стол простой,

Хранитель молчаливый
Всего, что гений мой,
Мечтатель говорливый,
Досужною порой,
Певцу-анахорету
Наедине внушил
И строго запретил
Казать слепому свету.
Пред ним моя рука,
Широкими рядами,
Из полок, меж стенами
И вверх до потолка,
Приют уединенный
Соорудила вам,
О русские Камены,
Священные векам!

Ты здесь, во славе зримый,
Снегов полярных сын,
Певец непобедимый
И гений-исполин,
Отважный, как свобода,
И быстрый, как перун,
Ты строен, как природа,
Как небо, вечно юн!

И ты, кумир поэта,
С высокою душой,
Как яркая комета,
Горящей полосой
На русском небосклоне
Возникший в дни побед
И мудрую на троне
Прославивший поэт!
Твой голос величавый
Гремит из рода в род,
И вечно не замрет
В устах полночной славы.

И ты, любимый сын
Фантазии чудесной,
Певец любви небесной

И северных дружин,
То нежный и прекрасный,
Как сердца первый жар,
То смелый и ужасный,
Как мщения удар!
Твой глас душе унылой,
Как ангела привет,
Внушает тайной силой
Надежду в море бед;
В страдальце оживляет
Покорность небесам, —
И грустный забывает,
Что он еще не там!

Питомцы вдохновенья!
Вы здесь, — и гений мой
Мирские наслажденья
С мирскою суетой
Презрительно бросает
Пред музою во прах,
И зря, как вас венчает
Бессмертие в веках,
Приподнимает крылы,
И чувствует в крылах
Торжественные силы.

Счастлив, кто жребий свой
Из урны роковой
Сам избирал и вынул,
И шумный свет покинул
Для неизменных благ!
Умеренным богатый,
В тиши укромной хаты,
В спасительных трудах
Он дни свои проводит
С волшебницей-мечтой;
За славою не ходит
И не знаком с молвой.
Безвестность золотая
Хранит его от бед,
И ласковая стая
Докучливых сует

Ненужного для света
Не вызовет на свет.
О боги! кров поэта
Да будет вечно тих!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мирских:
Труды, безвестность, струны —
Блаженство дней моих!

А ты, моя свобода,
Храни души покой,
Мне музы и природа
Прекраснее с тобой;
С тобой мечты живее,
Отважней дум полет,
И песнь моя звучнее;
С тобою — я поэт!

В. М. КНЯЖЕВИЧУ

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренный,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!
Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,
Веселый света шум на тишину трудов
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум, и смелостьünупованья.

Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый,
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками:
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвется длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман.
Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

ПЕСНЬ БАЯНА

Война, война! Прощай, Сияна!
Бойцы шумят, бойцы идут;
Они товарища баяна
В страну далекую зовут.

Туда, где бранные пожары
Дунайски волны озарят,
Где смертоносные удары
О шлемы греков зазвенят.

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,

Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

И, твой баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Там повторю я Святославу,
Что пел Сияне молодой.

Промчится буря боевая,
Войдет в ножны булат бойца —
И дева, сердцем оживая,
Обнимет верного певца.

ПЕСНЬ БАРДА ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

О! стонати русской земле, спомянувши пръвую годину и пръвых князей.

Слово о полку Игореве

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна,
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна.
И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И персты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало,
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков как не бывало!

—

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь:
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглашает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ

ПРИ ДМИТРИИ ДОНСКОМ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДВЕ

(ПОСВЯЩЕНО А. А. ВОЕЙКОВОЙ)

Стоит за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцов родные,
За жен, отцов и за детей.

Лобанов

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

ПЕСНИ

I

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться;

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает.
И счастлив он, покуда пьян,
Затем что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям все досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!

II

Страшна дорога через свет:
Непьяный вижу я дорогу,
А пьян, до ней мне дела нет,
Я, как слепой, — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
Мечта? — Я с Бахусом мечтаю.
И сон? — За чашей круговой
Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг, — то грех: как не почтить
Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали;
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
Ему судьбы непостоянство,
И он в чувствительных слезах
Благодарит за это пьянство.

III

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сияньи;
Так в миловидном одеяньи
Очаровательней краса.

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

IV

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:
За книгой не скучает он,
А за покалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

V

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,

И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от покалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от покалов не привстанем.

Друзья! покалы к небесам,
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! покалы к небесам,
Обет правителю природы.

Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

VI

Счастлив, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве,
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой,
Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукой,
Или осмеян, иль смешон.

Н. М. Языков

Портрет Е. Эстеррейха. 1822 г.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,
Пускай в Испании воюют
За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив,
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом.

VII

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой;
Я пью вино, не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино, —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая.

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай:
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней;
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

VIII

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И, жадны радости земной,
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна, —
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую,
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен: и когда,
Как не гремит карет езда,
И молчаливы пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды,
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,
Добро и славу обожаем,
Чинов мы ищем не ползком,
О том, что будет, не мечтаем;
Но радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

IX. ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
    Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную
    Боже подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей
Боже храни!

Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие
Боже храни!

Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж нехмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные
Боже спасай!

Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет, —
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,

Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.
Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стесниввши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана,
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград,
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовых коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,
Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...
Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили, —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!
А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:

Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!
Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету, —
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею, но глупою, рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья, —
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустыя,
И будто создала благая длань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

ПЕСНЬ БАЯНА

Люблю смотреть на месяц ясный,
Когда встает он из-за гор;
Но мне милее светлый взор
Сияны резвой и прекрасной.

Люблю, задумавшись, с кургана
Напевы слушать соловья;
Но веселей душа моя,
Когда поет моя Сияна.

Люблю, как, песнь мою внимая,
Боец хватает свой булат;
Но слаще струны говорят
С тобой, красавица младая!

Люблю на шумном сборе стана
Приветы ратных и вождей;
Но я счастливее царей,
Как улыбнется мне Сияна.

ПОСВЯЩЕНИЕ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

ПЕСНИ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнасе школьник юный:
Вас не сумели похвалить
Мои застенчивые струны;
Но если праведным богам
Приятней сердца дар убогий,
Как драгоценный фимиам,
То вы поступите как боги, —
И сей листок чрез много дней
Напомнит вам певца младого,
Который не жил для людей,
В стране чужой не пел чужого,
Не звал и славы в свой приют
И за фортуной быстроногой,
Мирскою пыльною дорогой,
Не побежал, хоть все бегут.
Зато в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел;
Он кое-что не худо пел,
Но божеством не вдохновенный,
Перед божественным немел.

‹М. И. ДИРИНОЙ›

Моя богиня молодая
Законам света не верна
И часто говорит она,
Что́ умолчала бы другая;
А это в наши времена,
Как вам известно, против моды;
Певцу, и особливо мне,
Восторгов пламенной свободы
Любить не должно б и во сне,
А я свой век позабываю
И даже в русские стихи
Рукой небрежною вмещаю
Мечты, ведущие не к раю,
И вольнодумные грехи.

Что делать? Гордыми очами
Поэт не смотрит никогда
С горы божественной туда,
Где быть... но догадайтесь сами!
Клянусь вам славой и стихами,
Что много, много мог бы я
С моею музою счастливой,
И перед вами не ленивой,
Как перед ней рука моя —
Вам принести усердной дани
На сих листках воспоминаний.
Вас похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Все будут то же и одно,
Какими б не было стихами;
А это наскучает вам
(Так слышал я и знаю сам).
Притом: написанное выше
Велит мне изъясняться тише,
Чтоб за болтливость укорять
Мою поэзию не стали.
И мне... позволите ль сказать?
Мне хочется, чтоб вы не знали,
Чтó я хотел вам написать.

А. С. ДИРИНОЙ

(ОТВЕТ НА ПРИСЛАННЫЙ ТАБАК)

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,
Супруг счастливый — без жены,
И государь — без вахт-парада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верный,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране,
Где пламя брани пролетело.

Бывало: с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми.

Но все прошло — и все не так!
Восторги — были сон приятный.
Ох, не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила;
Ее бессовестная длань

Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней
Лежат бойцы — смирители Болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.
Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела.
Баян умолк; — но рать еще внимает.
Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;
Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

Песнь баяна

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне.

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

Но кто, певец, любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну:
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

Песнь баяна

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

«Прощай, прощай! иду на битву!
«Люби меня, моя краса!
«Молись — услышат небеса
«Твою невинную молитву!

«Щита, врученного тобой,
«Булат врага не перерубит;
«Тебя певец твой не разлюбит
«И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

—

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.
Он твой, он твой, красавица Сияна!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как, бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,
Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как, песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То, свеж и чист, как роза молодая,
Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты,
И за тебя сердечные молитвы:
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой

Я исцелен — и мир со мной:
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом.

Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда иль Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.

Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество,
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!
Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду

Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег — радости людей —
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Уже ль моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;
Был чист огонь моих желаний...
И он ли небо оскорбил?

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу... ужасны мне
Забвенья черные пучины.

Дары поэзии святой!
Уже ль вы были сновиденье?
Ты, жажда чести вековой,
И ты, к высокому стремленье?

ЗИМА ПРИШЛА

Как рада девица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемнелого окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг, жива и весела,
Бежит к подруге своей бальной

И говорит ей триумфально:
Зима пришла! Зима пришла!

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит:
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило;
И льется дождь и ветр шумит.
Но выпал снег, — прощай, терпенье!
Его охота ожила,
И говорит он в восхищеньи:
Зима пришла! Зима пришла!

Казны служитель не безвинный,
Как рая, зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала —
И он кричит, восторгом пьяный:
Зима пришла! Зима пришла!

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка!?
Он взглянет на землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но, если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела,
В поэте радость оживает,
И вдохновенный восклицает:
Зима пришла! Зима пришла!

Н. М. Языков

Портрет А. Д. Хрипкова. 1829 г.

ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.
Бывало: пылкая мечта
Ко мне веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало: позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что́ вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но все пройдет, как сновиденье:
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.
Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли:
Он грустно помнит старину;
Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,
И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве:
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта —
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вескому ярму,
Сердца не чувствуют несчастья,
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековыя
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон,
Но все душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?
Любя немецкие науки,
И немцев вовсе не любя,
Кому, собою недовольный,
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной,
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья, —
Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья, —
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги.
Мелькали быстро дни мои:
Я знал не купленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастьи;
Но я предвижу, милый мой,
Что́ скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову, —
И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.
Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливый;
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой, —
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...
Пускай тебе сии мечты

В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

К...

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви;
Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно, пылкий и свободный,
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты не достойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного — низка.

СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

ОСТРОВОК

Далеко, далеко,
Красив, одинок,
На Волге широкой
Лежит островок —
Туда я летаю
На крыльях мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Под сводами ивы,
Где слышно: ку-ку,
Ведут к озерку.
Там берег песчаный...
На нем пред водой:
И стол деревянный
С дерновой софой,
И темные сени
Старинных дерёв —
Прибежище лени,
Мечтательных снов.
Налево — беседка,
Как радость, мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и маком,
И свежей травой,
Прохладой и мраком,
А ночью — луной.
Туда, как ложится
На Волгу покой,
И небо глядится
В утихших водах,
Приходит... садится
С тоскою в очах
И в сердце с тоскою
Девица-краса;
Глядит в небеса,
Чуть-чуть головою
Склонясь на ладонь —
И взоры прекрасной

То нежны и ясны,
Как божий огонь,
То мрачны и томны,
Как вечер худой,
Безлунный и темный,
Иль сумрак лесной.
Когда же рассветом
Горят небеса,
И с птичкой-поэтом
Проснутся леса,
Росистой тропинкой
Девица спешит
С прелестной корзинкой,
Где книга лежит,
В беседку... Вот села,
Тиха и бледна,
А все не без дела:
Читает она
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы —
Ей праздник они.
Она отмечает
Идей красоты
И после — в листы
Альбома включает:
Так сушит цветы
Цветов обожатель.
О, счастлив писатель
В руках красоты!

Далеко, далеко,
Красив, одинок,
Лежит островок.
Когда же, о боги!
Поэт и студент
Для дальной дороги
Получит патент?
Когда он, веселый,
Узрит не в мечтах
Знакомые селы
При светлых водах?

Когда он похвалит
Таинственный рок?
Когда он причалит
Свой легкий челнок
Под тенью прохладной
Туда, к островку,
И, с думой отрадной
Взглянув на реку,
«О радость, — воскликнет, —
Я здесь, я живу!»
И снова привыкнет
Там жить наяву?

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но все победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!»
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Все пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана:
То грозная рать победителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
Иль, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
Иль схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвого руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана:
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густыя,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,

Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной Хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает,
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит;
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

РАЗБОЙНИКИ

(ОТРЫВОК)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;

Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!
Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи,
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука;
Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала,
И жертвы мести роковой

Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.

Многоречивая молва
Об них далеко говорила;
Уму несмелому их сила
Казалась даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья
Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезились и крестились,
Рассказы слушая о них.

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!
Быть может, эти небеса
Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их,
И ураганы добушуют
До сводов вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать,
И неба в утреннем сияньи
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят;
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;
Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

К П. П. ДИРИНУ

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен божий свет;
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен;
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо;
Да не закатятся они
С порою младости счастливой!
Она пройдет, — но пусть она
Немрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет;
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беды переносить
И не бледнеть перед судьбою.

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды, —
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —

Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга лихая не гневит;
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями!

Клянусь моими божествами!
Я непритворно вас зову:
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву;
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:

Я, видя вас, — любимец музы,
Я только *трубадур* без вас.

А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвал.

Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И дерптских дев и дерптских вин,
И прозелит журнальной славы,

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь, что́ будет — не боюсь:
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.

Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

ОТЧЕТ О ЛЮБВИ

Я знаю, друг, и в шуме света
Ты помнишь первые дела
И песни русского поэта
При звоне дерптского стекла.
Пора бесценная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай известности прекрасной
И дум высоких я не знал;
Зато учился безопасно,
Зато себя не забывал.
Бывало, кожаной монетой
Куплю таинственных отрад —
И романтически с Лилетой
Часы ночные пролетят.

Теперь, как прежде, своенравно
Я жизнь студентскую веду;
Но было время — и недавно! —
Любви неметкой и неславной
Я был в удушливом чаду;
Я рабствовал; я все оставил
Для безответной красоты;
Простосердечно к ней направил
Мои надежды и мечты;
Я ждал прилежного участья;
Я пел ланиты и уста,
И стан, и тайные места
Моей богини сладострастья;

Мне соблазнительна была
Ее супружеская скромность,
Очей загадочная томность
И ясность белого чела, —
Все нежило, все волновало
Мою неопытную кровь,

Все в юном сердце зажигало
Живую первую любовь.
Ах! сколько.... сновидений,
Тяжелых вздохов, даже слез,
Алкая полных наслаждений,
В часы полуночных явлений,
Я для надменной перенес!
Я думал страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Приятно мне перелетать.
И что ж? Она не разумела,
Кого любил, кому я пел.
Я мучился, а знаком тела
Ей объяснить не захотел,
Чего душа моя хотела.

Так пронеслися дни поста,
И, вольнодумна и свята,
Она усердно причастилась.
Меж тем узнал я, кто она;
Меж тем сердечная война
Во мне помалу усмирилась,
И муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о счастьи бытия.
Опять с надеждой горделивой
Гляжу на Шиллеров полет,
Опять и радостно и живо
В моей груди славолюбивой
Огонь поэзии растет.

И признаюся откровенно,
Я сам постигнуть не могу,

Как жар любви не награжденной
Не превратил меня в брюзгу!
Мои телесные затеи
Отвергла гордая краса, —
А не сержусь на небеса,
А мне все люди — не злодеи;
А романтической тоской
Я не стеснил живую душу,
И в честь зазорному Картушу
Не начал песни удалой!

Сия особенность поэта
Некстати нынешним годам,
Когда питомцы бога света
Так мило воспевают нам
Свое невинное мученье,
Так помыкают вдохновенье
И так презрительны к тому,
Что недоступно их уму!
Но как мне быть? На поле славы
Смешаю ль звук моих стихов
С лихими песнями аравы
Всегда отчаянных певцов?
Мне нестерпимы их жеманства,
Их голос буйный и чужой...
Нет, муза вольная со мной!
Прочь, жажда славы мелочной
И легкий демон обезьянства!

Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробней и ясней
Сего нестройного посланья,
Я расскажу тебе деянья
Любви неконченной моей!

М. Н. ДИРИНОЙ

1 АПРЕЛЯ 1825

An Treue und Gehorsam bin
ich der Alte; aber ich habe mir
das Schwätzen angewohnt.

Goethe. Egmont [1]

Счастливый милостью судьбины,
Что я и русский, и поэт,
Несу на ваши именины
Мой поздравительный привет.
Пускай всегда владеют вами
Подруги чистой красоты:
Свобода, радость и мечты
С их непритворными дарами;
Пускай сияют ваши дни,
Как ваши мысли, ваши взоры,
Или пленительной Авроры
Живые, свежие огни.

Где б ни был я — клянусь богами —
В стране родной и не родной,
Любим ли ветреной судьбой,
Иль сирота под небесами,
За фолиантом, за пером,
При громе бранного тимпана,
При звуке лиры и стакана,
Заморским полного вином, —
Всегда услужливый мой гений
Напоминать мне будет вас,
И Дерпт, и славу, и Парнас,
И сада Радсгофского тени.

Вот вам пример: в России — там,
Где величавая природа,
Студент-певец, я жил с полгода.
Моим разборчивым очам
Являлись дивные картины:

---

[1] В верности и повиновении я — прежний; но люблю поболтать. Гете, «Эгмонт». [*Ред.*]

Я зрел, как ранние снега
С ребром ложились на вершины
И на широкие луга,
Как Волги пенились пучины,
Как трепетали берега,
Как обнаженные дубравы
Осенний ветер волновал
И в пудре по полю гулял;
Я видел сельские забавы,
Я видел свадьбу, видел свет —
И что же чувствовал поэт?
Полна спасительного гнева,
Моя открытая душа
Была скучна, не хороша,
Как непонятливая дева.
Она молила небеса
Исправить воздух и дорогу,
И, слава богу — слава богу,
Я здесь. — Мой рай, моя краса,
Царица вольных наслаждений,
Где ты, богиня песнопений?
Приди! Возвышенный твой дар
Меня наполнит, очарует,
И сердце юношеский жар
К труду прекрасному почует!

Пример не краток: нужды нет,
Я обвиняюсь перед вами,
Что замечтался; — но мечтами
Живет и действует поэт, —
И дело: в мире с юных лет,
Богатый творческою силой,
Он пламенеет страстью милой,
Душой следит свой идеал —
И вот нашел... Не тут-то было!
Любимец музы прозевал
(Прощай, пленительное счастье!)
Пред ним — в обертке божества
Одни бездушные слова,
Одно холодное участье.
Кого ж ему любить? Мечты!

Он ими сердце оживляет
И сладко, гордо забывает
Свой плен и райские черты
Лица, и мозга красоты.
Ах, я забылся! От предмета
Куда стихи мои летят?
Простите вашего поэта,
Я, право, прав, а виноват,
Что разболтался невпопад.

Так было б лучше во сто крат
В моем таинственном журнале
Об непонятном идеале
Писать, что здесь говорено.
Но будь как есть, мне все равно!
Я знаю вашу благосклонность!
Не удивит, не тронет вас
Мой неодуманный рассказ,
Моей мечты неугомонность!

Пора мне кончить мой привет
И скуку вашего терпенья;
Когда в душе чего-то нет,
Когда не сладки наслажденья,
Когда любимая звезда
Для вдохновенного труда
Неверно, пасмурно сияет,
Певец обманутый скучает
И без отрады Пиэрид,
Без пиитической отваги,
Повеся голову, сидит
И томно смотрит на бумаги.

Теперь сердечно признаюсь —
Я для Парнаса не гожусь!
И будь не ваши именины,
Я промолчал бы, как молчу,
Когда без цели и причины
Распространяться не хочу.

Довольно! Нет! еще мой гений
Вас просит, кланяяся вам:

Не скоро ждите объяснений
Его загадочным словам;
Настанет время — после мая
Подробно он расскажет сам,
Какая сила роковая,
Назло Парнасу и уму,
Апрель попортила ему;
Еще он просит: бога ради,
Без Гарпократа никому
Вы не кажите сей тетради.

А. Н. ТЮТЧЕВУ

Каким восторгом ты пылаешь,
Как сладостны твои мечты,
Когда подарок красоты
Устами жадными лобзаешь!
Душа кипит, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она;
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл:
Одну печаль, одну обиду
Мне подарил мой идеал.
Дай руку: с гордостью спокойной
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Обет, изменницы достойный.

НАСТОЯЩЕЕ

1825 6 АПРЕЛЯ

ЭЛЕГИЯ

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера, —
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,

Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа-ради не привязан
К самодержавному столбу.
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил,

И мир души, и сердца волю,
Как драгоценности, хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

Пускай не мне ее награды;
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобедимою красой...

СОН

Все негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.
Морфей! Слети на трубадура,
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

NB. Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь.

Сибирская летопись

МЕЧТА

Когда петух
Неугомонный,
Природы сонной
Певец и друг,
Пленял просонки
Младой чухонки —
Вчера я встал;
Смотрели очи,
Как звезды ночи,
На мой журнал;
Вблизи чернила
И тишина!
Меня манила
К мечтам она.
С улыбкой долгой
Перо я взял
И час летал
Над тихой Волгой.
Она текла...
Ах, как мила!
Очарованье
Моих очей!
В стекле зыбей
Зари сиянье,
Как в небесах;
Струи дрожали,
Они играли
В ее лучах...
Вдали дубравы
По берегам, —
И память славы —
Не нашим дням —
Ряды курганов
Из мглы туманов
Вставали там.
Питомец света
Не любит их;
Но для поэта,
Для дум живых —
Их вид старинный,

Их славный прах...
Что за картины
В моих мечтах!
Тоскливей ночи,
Как день, мила;
Потупя очи,
Идет... пришла
И тихо села
Там на курган
И вдаль смотрела:
Вдали туман,
Река яснела...
И в тишине
Девица пела...
И слышно мне!
Она вздыхала,
Порой слеза
В глазах сияла...
Что за глаза!
Они прекрасны,
Как полдень ясный,
Или закат:
И голубые,
И неземные,
И говорят!
А голос нежный
Весь дол прибрежный
Очаровал;
Он призывал
Бойца и брата,
Который пал
От супостата...
И я вздыхал!
Душа стремилась
Туда, туда...
И мне явилась
Красы беда...
«Когда же встанет, —
Подумал я, —
Страна моя,
И местью грянет
Тиранам в страх?

Они гуляют
На сих полях
И забывают
О небесах.
Где меч для кары?
Он славен был,
Кто ж притупил
Его удары?»
Так говорил
Язык сердечный;
И вам, конечно,
Мечта — ясна:
Сии тираны —
Моголов ханы,
И старина!
Но все молчало...
Конец мечтам,
Однакож вам
Их будет мало,
И вот начало
Другим стихам:

Ужасен глас военной непогоды
Питомцу нег и деве молодой;
Но мил тому, кто любит край родной,
И доблести возвышенной свободы,
И красоту награды роковой:
Как острый меч, героя взгляд сверкает,
Восторгами живыми грудь кипит,
Когда война знамена развевает
И грозное орудие гремит.

Уже взошла денница золотая
Над берегом широкого Дуная.
Яснеет лес, проснулся соловей,
И песнь его то звучно раздается
По зеркалу серебряных зыбей;
То, тихая и сладостная, льется
В дубравной мгле, как шепчущий ручей;
Но скоро ты умолкнешь, сладкогласный!
Тебе не петь и завтрашнего дня!
Здесь будет бой и долгий и ужасный

При заревах военного огня;
Ты улетишь, как, зашумев листами,
Пойдет пожар трескучий по ветвям,
И черный дым огромными столбами
Поднимется к высоким небесам!

Так я в поэме начинаю
Вторую песню, где должна
Случиться страшная война,
Где многих, многих убиваю.
И признаюсь, хотелось мне
Вам сообщить и продолженье;
Но в петербургской стороне
Меня пугает осужденье!
Итак, пускай в уединеньи
Лежат стихи мои; они
Имеют даже и терпенье:
Для них счастливейшие дни
Придут едва ли прежде мая.
Дай бог, чтоб и тогда пришли!
И ждет надежда золотая
Чего-то белого вдали.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen.

Ramler[1]

Не долго на небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!
Ну, к чорту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;
Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь наконец
Служить волшебнице прекрасной;
Я прогоню мою тоску,

[1] И я могу притворяться. — Рамлер. [*Ред.*]

Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира,
И не кипят ее слова;
Так после Бахусова пира
Немеют грудь и голова.

НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЯ

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море:
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна!

Смотрите, как пышен, блистателен день!
Как наши играют знамена!
Не даром красуется день,
Не даром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?

К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море:
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

ЭЛЕГИИ

I

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

II

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный,
И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

III

Моя Камена ей певала,
Но сила взора красоты
Не мучала, не услаждала

Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого —
Любви не знал я: так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит, — но холодна!

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса!
А вижу лишь мою неволю.

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.

Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

НЕЧТО

Мудрец — народов просветитель,
Бывал ли тверд и мудр всегда?

Карамзин

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную межу
В эдем подлунный и чужой.
Во мне уснула жажда неги:
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий,
Ему во славу, написал.
Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

В АЛЬБОМ

Ш. К. <ФОН-ДЕР-БОРГ>

I

Доверчивый, простосердечный,
Безумной следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является

Безбрежным, ясным и святым.
Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

II

Не часто ль горестною мукой
За откровенные слова
Души простой и близорукой
Платил мне слепок божества?
Не часто ль после вдохновенья
Отрад возвышенных я ждал,
Заране чуял наслажденья,
Заране сердцем ликовал —
И только знаки отверженья
В глазах красавицы читал?
Любовь, любовь! я помню живо
Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!

* * *

Не жив поток под сумраком туманов,
Не ярок взгляд заплаканных очей:
Медлительно в безмолвии ночей
С холма на холм порхает стая вранов,
Не скоро сна тревожного мечты
От юноши денница прогоняет;
Не скоро он волшебные черты
И горькие обиды забывает:

Свободен, быстр, пленителен полет
Часов любви, надеждой окрыленных,
Когда душа кипит, чего-то ждет
И вся полна желаний вдохновенных!

* * *

Теперь мне странны и смешны
Любви безумные припадки,
Не утешительны, не сладки
Ее пророчества и сны.
Теперь по опыту я знаю,
Что́ сердца жар, что́ красота.
И с Соломоном восклицаю:
Все суета, все суета!..

К Г. Д. Е.

Благодарю вас; вы мне дали
Надежды лучшие мои,
Пустые радости любви,
Любви прелестные печали;
Всегда я помнил вас, один среди друзей,
Мечты о вас мне чаровали
Часы бессонницы моей,
Часы трудов и сатурналий,
И редко ль рабствовала вам
Моя богиня молодая,
Все, что́ не вы, позабывая
И сладко радуясь цепям?
Но гордость пламенного нрава
Ее достойное взяла:
Опять меня зовет пленительная слава
На вдохновенные дела;
Опять мне душу оживила
К добру, к высокому любовь,
И поэтическая сила
Во мне владычествует вновь.

—

Увижу родину моих стихотворений,
Увижу Дерпт, там крылья развернет,

Покинет мир сует мой своевольный гений,
И будет смел его полет.

—

«Поэт свободен. Что награда
Его торжественных трудов?
Не милость царственного взгляда,
Не восхищение рабов!
Служа не созданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своей душе, своим стихам?»

—

Я виноват, прошу прощенья!
Быть может, некогда мой глас
Будил холодные сомненья
И мысли скучные для вас.

—

Я сердца вашего не знаю,
Но я надеюсь — так и быть —
Вы мне изволите простить
Мечты, летавшие к языческому раю.
Я притворялся, я желал
Любви кипучей, невозможной,
Ее певал неосторожно,
А сам ее не понимал.

Теперь горжусь моим признаньем,
Теперь возвышен мой обет:
Не занимать души бесславным упованьем,
Не забывать, что я поэт!

ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам, —
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой
Я песни сонные живил,

Когда мне чувств недоставало,
А ум и в ум не приходил —

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая, наградить:
В них музы нет, не может быть,
Они написаны ошибкой.

—

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома,
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома —
А впрочем, как угодно вам!

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая,
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристале голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь пловучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или — путем дугообразным —
С небесных падая высот,

Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет:
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша-поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва —
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

ЭЛЕГИЯ

Прощай, красавица моя!
Известен мне любимец неги,
С кем на дороге бытия

Ты делишь тайные ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Я ждал любви и наслаждений,
Я много светлых вдохновений
Означил именем твоим;
Обманут я: иную долю
Мне провидение дает,
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю...
И я рассею грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я весел снова и пою!

К А. Н. ВУЛЬФУ

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То унывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очах ее, денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста, —
Чего ж они не заменяют?

К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей

Неизъяснимые, живые
Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья;
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты,
Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло все, — меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —

И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров,
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

* * *

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

Одно — и жгучее — желанье,
Одна — и тяжкая — мечта —
Безумных дней воспоминанье —
Краса великого поста —
Меня тревожит непощадно...
Склонивши на руку главу,
Богиню песен я зову,
Хочу писать — и все нескладно!
В моей тоске едва, едва
Я помню мысли и слова,
Какими, пламенный, когда-то
Я оживлял стихи мои —
Дары надежды тароватой —
Гремушки ветреной любви.
Любовь покинул я; но в душу
Не возвращается покой:
Опять бывалого я трушу,
И пустяки — передо мной!
Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца
Она пленяет и меня,
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.

Все хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне все: ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поет наперехват —
И тайный Глинка, и Евгений,
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

ВИДЕНИЕ

Вчера, как сумраки по небу
Туманный вечер расстилал,
Я в тишине молился Фебу,
Я вдохновенье призывал;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворный
Его огонь овладевал;
Мечты кипели, разгорались,
Росли, блистали и сливались,
И видел я — мой идеал:
Чело, и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И стан божественной Хариты
Непринужденно, как-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Как мил и жив мой идеал!
Я млел, я таял, я стыдился,

Я задыхался и дрожал,
И утомленный — пробудился!

ДУМА

Одну минуту, много две,
Любви живые упованья
Кипят, ликуют в голове
Богоподобного созданья:
Разгоряченная мечта
Прогонит сон души усталой,
Напомнит время и места,
Где нас ласкала красота,
Где небывалое бывало.
Но сей чувствительный собор
Надежд, восторгов и загадок
Заносит в душу беспорядок,
Или меняющийся вздор,
Хоть сам пленителен и сладок,
Хоть сам блестит, как метеор.

ЭЛЕГИЯ

Мечты любви — мечты пустые!
Я верно знаю их: оне
Не раз победы удалые
И рай предсказывали мне.
Я пел ее, и ждал чего-то —
Стихам внимала красота —
И отвечали мне — зевотой
Ее пурпурные уста;
Я произнес любви признанье —
И скучен был наш разговор!
Все суета! Улыбка, взор —
Прекрасно ваше предвещанье;
Но вы, почтеннейшие, вздор!
Мечты любви — не стоят горя:
Прельстят, обманут хуже сна.
И что любовь? Одна волна
Большого жизненного моря.

ПРИСЯГА

Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю,
Стою, как вкопанный, — и вам
Благоговейно присягаю.
Я, ниженазванный, клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом,
Что я хочу и должен я
На всей дороге бытия
Лишь вам одной повиноваться,
Что будет кровь моя для вас
Во всякой день, во всякой час,
Как повелите, волноваться;
Что ваши милые права,
Самодержавные проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мне будут пуще божества,
Святее всякого закона,
И вам живая оборона —
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вам на поприще сует
Грозит убыток или вред,
Я охраню и успокою
Мой поэтический предмет.
Когда таинственное дело
Вы мне поверите, — я вам
Уберегу его так цело,
Что будет любо небесам.
Клянусь и должен: сей присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменять;
Но православно и повсюду
Душой и телом помнить буду
Мой долг и вашу благодать;
И так под вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Ответы умные найду.

ИЗВИНЕНЬЕ

Я не исполнил обещанья:
Не все и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души:
Оне довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!
Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

1826

ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, в тишине красноречивой,
Все, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавие царей, —
Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла.
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты
Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов:
Что вдохновенье, что свобода,
В часы неволи помнил я;
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять,
И лень — сотрудница поэтов —

Меня успели задержать
В границах низменных предметов, —
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, не много рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил *Николая*,
А прежняя присяга — вздор,
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой Харите поверяю,
В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Ты мой приятель задушевный:
Мы поэтически живем,
Мы вольно учимся и пьем,
Мы рассуждаем ежедневно
Об идеальном и благом;
Однакож дело не о том!
Скажи: кого порою ночи
Твои приветствуют мечты,
Чьи возмутительные очи
Звездами называешь ты?

«Она мила, она далеко,
Она изменит» — так не раз
Тебя встревожит сердца глас

В часы печали одинокой.
Откройся мне; как ты, мой друг,
Любви я знаю самовластье:
Пусть охладит мое участье
Твой соблазнительный недуг;
Знакомый с девами и светом,
Тебя утешу я вполне
Иль романтическим советом,
Или посланьем о вине.

К А. Н. ВУЛЬФУ

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да пробудительные сны,
Да усыпительную радость.
Я пел виновные мечты,
Я посвящал рукой безбожной
Дары поэзии подложной
Очам подложной красоты.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

М. Н. ДИРИНОЙ

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Не в первый раз восторгом блещет

Сей дар, покорствующий вам,
И сердце сладостно трепещет,
Свободным тесное мечтам.
Всегда вы мило принимали
Мои приветы — и живей,
Смелее, краше ликовали
Надежды юности моей.
И ныне, вами пробужденный,
Я вам попрежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи Камены откровенной.
Но что же петь моим стихам
На праздник вашего рожденья?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И воссылаю к небесам
Благочестивые моленья.
Желать ли, да украсят вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да вас пленяет сладость звука
И стихотворческий Парнас;
Да процветают ваши годы
Под кровом милой тишины,
Как мир божественной свободы,
Как поле радостной весны?
И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесам,
Моля, чтоб вам они послали
Уже дарованное вам?

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране, умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;

Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла...
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта
Князья и жены их дарят;
Мечты летучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра
И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотный
Чужим причудам посвящал;
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;
Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по-заморски одевал;
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала
Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то: я славлю бога!
Она прошла и не придет,

Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога;
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть, —
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.
И правда, верю, я некстате
Дары-таланты расточал;
Да впрочем ea tempestate[1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты —
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

К П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура, мой Орест,
Прощай! Защите провиденья
Я поручаю твой отъезд.
В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни:
Туда с тобою два поклона
Я посылаю — вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда?.. Ты можешь угадать:
Кому работала полгода
Моей Камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе

[1] В ту пору [*Ред.*].

Святому образу молюсь;
Чья победительная сила,
Давно, и въяве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мне!
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее челю, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у Хариты,
Все хорошо, все красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

ЭПИЛОГ

М. Н. ДИРИНОЙ

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Где я небрежными стихами
Вам рисовал мои мечты.
Мне драгоценные когда-то,
Когда-то милые, оне
С моей надеждою крылатой
В одной живали стороне.
В те дни — светла, как житель рая,
Сильна, как мысли божества,
Свежа, как роза молодая,
Как песня вольности, жива,
Любовь свободно покоряла
Все силы сердца моего,
И, ей подвластная, его
Восторги муза воспевала.
Они прошли, как сон! И вновь
Ни словом ласковым, ни взором
Не подружит меня со вздором
Моя почтенная любовь.

Ее вы знаете. Едва ли
Опять во мне... Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты:
Они, я знаю, не достойны
Воспоминания: порой
Не ясны; дышат суетой,
И многословны, и не стройны,
И говорят о старине,
И часто бредят... не читайте,
Забудьте их — и обо мне
Не по стихам воспоминайте!

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил.
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? Изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

— Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
Всяк следует своей природе.

ТАТАРИНОВУ

Хвалю тебя, мой спутник новый
На чистом поприще наук!
Славян могущественных внук,
Немецкой вольности в оковы
Ты не отдашь свободных рук.
Не наш удел — ее порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнию мы живы,
Мы славой славимся иной!
Светлее, выше нам дорога!
Не верь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по-своему!

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Счастлив, кому дала природа
Непоэтическую грудь,
Кто совершает как-нибудь
Труды земного перехода;
Мирским довольствуется он!
Слегка печаль его печалит,
Полувлюблен — когда влюблен,
Он вечно рад — и бога хвалит!

Ты, друг, иначе сотворен:
Через долину испытанья
Твоя дорога; с юных дней
Душе недремлющей твоей
Знакомы жгучие желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дева
Мила, как радостная Ева
При первом блеске бытия;
Еще в ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взор полон свежестью творенья,
В устах гармония жива!
И что ж? О друг, какое чувство
Во мне кипит и бесит кровь,
Когда возьмется за любовь
Мое священное искусство?
Мне странно: что я ни начну
На этой области Парнаса —
Всегда летучего Пегаса
С дороги в сторону сверну;
Играю, вольничаю, тешусь,
И вдруг направо перевешусь
И знаменитую жену
Стихом . . . . . . ущипну!
И здесь готовил я сравненье
На зло красавице моей —
Да нет: твое воображенье
Не терпит шалостей, — бог с ней!
Постигнут холодом измены
И я, как ты, мой милый друг,
Люблю глаза моей Елены,
Люблю мой пагубный недуг.
Мы оба пламенны доныне,
В нас верны мысли и мечты:
Так на лазоревой пучине,
Под океаном темноты,
Пловца порою путеводит
Звезда пустынная; она
Вдали чуть-чуть ему видна,
А он очей с нее не сводит.

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневыя!
Рылеев умер, как злодей! —
О вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовыя
На самовластие царей!

ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали;
В боях, за чашей круговой,
Они и немцев побеждали.
Счастлив, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!
Как утешительно, как нежно,
Как упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова?
Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка.
О! рай тому, кто pro virtute [1]
Достоин Вакхова венка!

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,

[1] За доблесть [*Ред.*].

Где и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз,
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного, забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе
И славой прадедов горжусь?
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды,
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений,
И вольность наших наслаждений,
И берег Сороти пою!

П. А. ОСИПОВОЙ

Аминь, аминь! Глаголю вам:
Те дни мне милы и священны,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный,
Бродил я вольно там и там;

Когда вся живость наслаждений
Во славу граций и вина,
Свежа, роскошна, как весна,
Чиста, как звуки вдохновений,
Как лента радуги ясна,
Во мне могучая кипела, —
И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,
Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.
И та, кого моим светилом
И божеством я называл,
Кому в восторге нежно-милом
Стихи и сердце отдавал;
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,
Которой наши времена
Сияют радостнее рая;
Та, для кого не раз, не два
Моя порочилась молва;
Та красота, которой много
Российский жертвовал Парнас,
Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас;
Та благосклонная... вот чудо!
Под вашим небом и во сне
Она не грезилася мне,
И вообще я помнил худо
О достопамятной весне...
Так луч денницы прогоняет
Пары с проснувшихся полян;
Так возмутительный стакан
Мечты и мысли возвышает.
Благословенная пора!
Она жива мне, как вчера.
Бывало, звезды тихой ночи
Глядятся в зеркало пруда...
Как чаровались мне тогда

Душа и сердце, слух и очи!
Самодовольные, во мне
Надежды пылкие вставали,
Играли весело оне,
И вдаль ни разу не летали
Надежды лучшие мои!
А дом, а сад густозеленый,
Пруды, и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на долы и на горы
И сень прибережной горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!
А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Все это радует меня,
Все мне пленительно доныне,
Здесь, где на жизненной пучине
Нет ни ветрила, ни огня.
О! я молюсь, мой добрый гений!
Да вновь увижу те края,
Где все достойно песнопений,
Где вечный праздник бытия!

К ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры брызжущие с стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На вечи Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства Христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливый,
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,
И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда восторжен перед вами,
Чью душу я боготворил,
Чье имя я произносил
Благоуханными устами?
Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы, —
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами;
Минувших лет во глубине
Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы,
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы;
Мы по наукам мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим, и порой
Скрижали древности седой

О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся. Покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,
Веков по льдяным степеням
Россия бодро восходила —
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О, разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений!
Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений!
Холодный ветер суеты,
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,

Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах надежды мелочные,
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Чтó им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя обширными крылами,
Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

ТРИГОРСКОЕ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ П. А. ОСИПОВОЙ)

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!

Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Непобежденного судьбой! —
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь, и честь, и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной

Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Все, чем возвышенна свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,

С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства!

Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам:
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами,
Волнсобразными рядами,
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;

Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз, тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост пловучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон грозно тихие слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крылю его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит и блещет и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец, по тучам бурным,
Зубчатой молнии бразда

Огнем рассыплется пурпурным,
Все видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо яркоголубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Все, чем меня ласкала ты!

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты, —
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя свободного укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

АДЕЛАИДЕ

Я твой, я твой, Аделаида!
Тобой узнал я, как сильна,
Как восхитительна Киприда,
И как торжественна она!
Ланит и персей жар и нега,
Живые груди, блеск очей,
И волны ветреных кудрей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся мне: любви забавы
Я песнью громкой воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою.

А ты, кого душою страстной
Когда-то я боготворил,
Кому поэзии прекрасной
Я звуки первые дарил,
Прощай! Меня твоя измена
Иными чувствами зажгла:
Теперь вольна моя Камена,
И горделива и смела!
Я отрекаюсь от закона
Твоих очей и томных уст
И отдаю тебя — на хлюст
Учебной роте Геликона!

К ВИНЮ

Невольный гость Петрова града,
Несчастный друг веселых мест,
Где мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест;
Где так роскошно, так свободно,
Надеждой сладостной горя,

Мы веселились всенародно
Во здравье нового царя,
И праздник наш страннопримный,
Шумя, по городу гулял;
Стекло звенело, пелись гимны;
Тимпан торжественный бряцал!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволит перед тобой
Стакан поставить пуншевой
Иль утешительные вины,
И вспомнишь юности лихой
Краснюречивые картины, —
Как мы пивали, пей до дна;
Пируй по-нашему на диво. . .
И вновь пленительно и живо
Тебе привидится она!

ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился: темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.
Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит,
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;

Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар —
Я молчалив, я не согласен...
Я берегу небесный дар...

Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствую, кто я:
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

К ПЕЛЬЦЕРУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година?
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Все миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье

Украсит жизненный наш путь:
Я обниму тебя, как брата;
Под кровом доброго Пената
С твоим сольется мой досуг, —
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский, в долину спешат:
Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
Толпы обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых,
Конь белый, стоял, изукрашен и тих,
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
Отцом опочившего звали;
Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго и долго вопил и стенал
Народ, покрывавший долину.
Но вот на средине булат засверкал,
И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
Без жизни к ногам своему господину.

Все стихло... руками бойцов и граждан
Подвигнулись глыбы земныя...
И вон на долине огромный курган,
Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские, несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;
Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон.
Сошлися — и бьются... Удар за ударом,
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи: десницы высокой
И ловок и меток размах!
Увертливы станом и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... сшибка, другая —
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым бойцам подавал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг, — словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет, —
Толпы расступились — и стал среди схода
С гуслями в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают: он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
И с ласковым словом ему подавал;

И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

1827

К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья;
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасной красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

ПЕСНЯ

Всему человечеству
    Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
    И славе славян;
Свободе божественной,
    Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
    По троице в раз!

Поэзии сладостной
    И миру наук,
И буйности радостной,
    И удали рук,
Труду и безделию,
    Любви пировать,
Вину и веселию
    Четыре да пять!

Очам возмутительным
    И персям живым,
Красоткам чувствительным,
    Красоткам лихим,
С природою пылкою,
    С дешевой красой,
Последней бутылкою —
    И все из одной!

Кружится, склоняется
    Моя голова,
Но дух возвышается,
    Но громки слова!
Восторгами пьяными
    Разнежился я.
Стучите стаканами
    И пойте, друзья!

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Помним холмы, помним долы,
Наши храмы, наши селы,
И в краю, краю чужом,
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.

Но с надеждою чудесной
Мы стакан — и полновесный —
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

А. Н. ВУЛЬФУ

Теперь я в Камби, милый мой!
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой
Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный, —
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны,
И жатвы блещут предо мной!
Здесь муза — нежная подруга
Уединенного досуга —
Под мой отшельнический кров
В прохладе вечера приходит:
Легко потоки дум и слов
Струятся в образы стихов;

Не слышен скорый бег часов —
И луч востока нас находит
В раздольи сладостных трудов!
Здесь миловидная, как роза,
Моя поэзия цветет:
Ей не мешает мир забот,
Ни лень друзей, ни жизни проза.
И ревностно готовлюсь я,
В тиши беспечного житья,
Самостоятельно и смело
Свершить возвышенное дело;
Хотя нередко, милый мой,
Раздумья гордого порой,
Мне говорит богиня слова:
«Себя изведай и смирись!
Взгляни, как Федоров Борис
Срамит Бориса Годунова!»
Но что? Кипит душа моя
И жаждет чести Геликона,
И «жребий брошен» молвлю я —
И бух на воды Рубикона!

—

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки голубоводной
По величавым берегам.
Мне все пленительно в Тригорском,
Все свято: Пушкин, ты, да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
Туда, туда, туда! Но свету
В цари поставлен гневный рок,
Равно досаден и жесток
И не поэту, и поэту —
И он-то шутит надо мной.
Но будь утешен ты, герой,
Питайся медом ожиданий,

Придет пора: моих желаний
Осуществится милый сон:
Покину дерптского Пената,
Возвеселюся, как Сион,
И обниму тебя, как брата!

К ТИХВИНСКОМУ

Любимец музы и науки!
Оставь на время пыльный град
Сует, профессоров и скуки
И прозаических отрад;
От горя жизни коловратной,
От беспокойного труда,
От груды книг уйди сюда,
Где воссияла благодатно
Моей поэзии звезда:
Здесь дремлют темные дубравы
По скатам горных берегов,
Здесь ярко месяц величавый
Играет в зеркале прудов;
Здесь ночь таинственная мирно
Проходит в ясности эфирной;
Здесь пышен солнечный восход
Над благовонными полями,
Над мраком леса, над горами
И над лазурью светлых вод;
Здесь полдня жаркою порою
Мою усталость я покою
На лоне девственных дриад,
И дерева шумят, шумят,
Шумят над вольной головою;
Или по долам и горам
Влачу беспечно там и там
Поэта гордую свободу,
Мечтаю в сладкой тишине
О православной старине,
О музе песен, о вине
И пью железистую воду!

П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей Каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустию утешной
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гете и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И все божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!

Златые дни! златые дни!
Взываю к вам, и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было — оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук, —
И, друг природы, лени друг,
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! Молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда, в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья
Священнодействует поэт.
Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —

Его небрежные созданья,
Его мечты одарены.

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,
Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют,
И сердце с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —

Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

Д. Н. СВЕРБЕЕВУ

Во имя Руси, милый брат,
Твою главу благословляю:
Из края немцев, гор и стад
Ты возвращен родному краю!
Позор событий наших лет,
Великих сплетней и сует
Тебя не долго позабавил:
Ты их презрел, ты их оставил —
И на добро, на божий свет
Живые помыслы направил.
Любезный гражданин Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни россказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовским ларам
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливым боярам
Веселонравной старины.
На свежих розах Гименея,
В чело, и очи, и в уста,
То замирая, то краснея,
Тебя лобзает красота.
Кипят, пылают наслажденья,
Их негу верность бережет,
И быстровечный скороход
Уносит легкие мгновенья!

А я, гуляющий поэт,
У врат святилища науки
Брожу — и жду, пройдут иль нет
Мои томительные скуки?
Блеснет ли вновь передо мной
Звезда любви и вдохновений,
И жажда славы песнопений
В груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно! дни бегут за днями —
И в Лету падают они.
Она прошла — пора златая,
Восторгов пламенных пора!
Владеют мной тщета мирская,
И лень, и грусть, и немчура!

Теперь святому провиденью
Я говорю одну мольбу:
Да не предаст оно забвенью
Мою грядущую судьбу,
Да возвратит мне мир свободы,
Мечты и песни прошлых дней,
Поля, холмы и непогоды,
И небо родины моей!
Тогда, надеждами богатый,
Спеша от лени и забот,
Я посещу твои палаты
На бреге москворецких вод.
Красноречивые рассказы
Про жизнь альпийских пастухов,
Про горы выше облаков
И про любовные проказы
В виду потоков, скал и льдов
Часы летучего досуга
Нам очаруют в тишине;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мне,
И песнью лиры вдохновенной
Тебе радушно воспою
Утехи жизни просвещенной
И долю мирную твою!

НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там под горой, едва, едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений,
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да улелеянный тобой
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья:
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва, —
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен...
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.

Слуга отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного царя,
Кубры серебряные воды,

И ужас невской непогоды,
И юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Страннопримный наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.

А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов-удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
И с чувством гордости ленивой
Питаем, лакомим свой ум
Самодовольный и брюзгливый.

Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно
Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы
За наши милые напевы
Дарят нам пару тайных слов,
Иль кошелек хитросплетенный,
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!

Но, люди... горькая досада
На свете ведома и нам!
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи;
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое,
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое!

О, научи меня, Хвостов,
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная богов —
У касталийских берегов
Шальная вольничает муза!
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво:
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет!

А. М. ЯЗЫКОВУ

Теперь, когда пророчественный дар
Чуждается моих уединенных лар,
Когда чудесный мир мечтательных созданий
На многотрудные затеи мудрований
О ходе царств земных, о суете сует,
На скуку поминать событья наших лет,
Работать для молвы и почести неславной,
Я тихо променял, поэт несвоенравный, —
Мои желания отрадные летят
К твоей обители, мой задушевный брат,
Любезный мыслитель и цензор благодатный
Моих парнасских дел и жизни коловратной!
Так я досадую на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано пред судом обычая крамольным,
Я приучил свой ум к деятельности вольной,
К трудам поэзии. Она же, — знаешь ты, —
Богиня, милая убранством простоты,
Богиня странных дум и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звоном золота, не бренною молвой
Нас вызывает в путь свободный и святой.
И юноша, кого небес благословенье
Избрало совершить ее богослуженье,
Всю свежесть, весь огонь, весь пыл души своей,
Все силы бытия он обрекает ей.
Зато от ранних лет замеченному славой,

Ему даровано властительное право
Пред гордостью царей не уклонять чела
И проповедывать великие дела.
Удел божественный! Но свет неугомонный,
Неверный судия и часто беззаконный,
В бессмертных доблестях на поприще Камен
Он видит не добро, а суету и тлен.

Я знаю, может быть, усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Самолюбивая пылает грудь моя,
И славного венка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успех недальный
Меня вознаградит наградою похвальной
За прозу моего почтенного труда
И возвратит певца на родину — тогда,
Пленительные дни! Душой и телом вольный
Не стану я носить ни шляпы трехугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь-хранительниц моих:
Природу и любовь и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую,
И, светозарные, благословят оне
Мои сказания о русской старине.
Я жду, пройдет оно, томительное время,
Чужбину и забот однообразных бремя
Оставлю скоро я. Родительский пенат
Соединит меня с тобою, милый брат;
Там безопасные часы уединенья
Мы станем украшать богатством просвещенья
И сладострастием возвышенных трудов;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долгов!
Тогда в поэзии свободу мы возвысим.
Там бодро выполню — счастлив и независим —
И замыслы моей фантазии младой,
Теперь до лучших лет покинутые мной,
И дружеский совет премудрости врачебной:
Беречься Бахуса и неги непотребной.
Мне улыбнется жизнь, и вечный скороход
Ее, прекрасную, покойно понесет.

П. А. ОСИПОВОЙ

Плоды воспетого мной сада,
Благословенные плоды:
Они души моей отрада,
Как славы светлая награда,
Как вдохновенные труды.
Прекрасных ряд воспоминаний
Они возобновляют мне —
И волны прежних упований
Встают в сердечной глубине!
Скучаю здесь: моя Камена
Оковы умственного плена
Еще носить осуждена;
Мне жизнь горька и холодна,
Как вялый стих, как Мельпомена
Ростовцева иль Княжнина;
С утра до вечера я занят
Мирским и тягостным трудом,
И бог поэтов не помянет
Его во царствии своем.
И долго сонному забвенью
Мой не потухнет фимиам;
Но я покорен провиденью
И жду чего?.. Не знаю сам...

Я утешаюсь горделиво
Мечтой, что в вашей стороне
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мне;
И благодарен вам душою
За ваш подарок и в ответ,
Из края скуки и сует,
Вы благосклонною рукою
Мои убогие дары
Примите: пару книжек модных
Произведений ежегодных
Словоохотной немчуры;
Мои ж стихи да будут знаком,
Что скоро и легко для вас
Мой пробуждается Парнас

И что поэт Языков лаком
Везде, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты? —
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далеко ты; но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе...
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица, луна.

КУДЕСНИК

На месте священном, где с дедовских дней,
    Счастливый правами свободы,
Народ Ярославов, на воле своей,
    Себе избирает и ставит князей,
    Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов —
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
    Стеклись любопытные люди.

И старец кудесник, с соблазном в устах,
    В толпу из толпы переходит;
Народу о черных крылатых духах,

О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.

Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то, кудесник, чрез Волхов пойдет
Водой — и ноги не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок:
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник и — сам он не свой,
И жмется и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». — «Безумный старик,
Солгал ты!» и — княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и вмиг
Чело раздвоил чародею.

1828

А. М. ЯЗЫКОВУ

Ты прав, мой брат, давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,
Мне буйной младости забавы
Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла;
Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и все былое?
Теперь, в томительном покое
Текут мои немые дни:
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги,*
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам:
Они кружатся несогласно,

Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной;
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

—

Но — все проходит, все проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует
Разнообразный колобродит!
Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальный,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

А. Н. ВУЛЬФУ

...au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le héros s'évanouit! [1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей Каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, Телеграфом,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирён, разочарован,

---

[1] Но только наступит несчастье,
Спадает маска, человек остается,
Но герой исчезает.

Всему конец, всему конец!
Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились заодно,
Любили жизни тароватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, как тогда
Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как, рано славою замечен,
В раздольи вольного житья,
Гулял, студенчески беспечен,
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость,
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?
Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной?
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятный!
— А мир стихов? — Но мир стихов,
Как все земное, коловратный
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я недавно:
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ,
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает
О выписных профессорах!

А. Н. В—у.

au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le héros s'évanouit!

Автограф стихотворения „А. Н. Вульфу“

Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда их мне девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь, ведь, будут тяжелы
Они заплечью *Славянина*
И крыльям *Северной Пчелы.*
— Что ж? В Белокаменную с богом! —
В *Московский Вестник?* — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ:
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
— Ну в *Афеней?* — Что *Афеней?*
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
Благонамеренный московский.

Что ж делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой,
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская Камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит
Их здравомыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;
Да сядешь ты с величьем мирным

На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

* * *

Прочь с презренною толпою!
Цыц, схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен:
Так в безумном упоеньи
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу
Рифмой бешеной своей,
В поэтические плети
Приударят дураков,
И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков!

А. П. СТЕПАНОВУ

Прощай надолго, милый мой,
Да, провидением хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родине святой!
Да жар возвышенных желаний
В тебе мужает и растет
Среди классических работ
На светлом поприще познаний!
Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей, — да там,
В стране наук правдиво-гордой,

Служа Каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердый, —
Но жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков —
И посвятишь их православно
Богам родимых берегов!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвела роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука с рукой,
Учились вместе, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что ж? Как призрак сладострастья,
Пора безоблачного счастья,
Всегда любимая душой,
Исчезла вмиг; но ты с собой
Возьмешь под небеса чужие
Воспоминанья золотые
Про мир возвышенных сует,
Про наслажденья удалые,
Про шум и песни прошлых лет.
И в час раздумья и досуга
Мечта волшебною рукой,
Как наяву, перед тобой
В картине пестрой и живой
Поставит недруга и друга;
Тебя восторги обоймут,
И взор филолога угрюмый
Развеселится ясной думой —
И закипит ученый труд!

А. Н. ВУЛЬФУ

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Эллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, силен и суров!

Блажен, кто гневом упоенный
Гулял на празднике мечей,
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей!
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!

Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят Суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула
И Руси грозные права!

Дай руку мне: во дни былые,
В кругу внимательных друзей,
Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей, —
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

ДЕВА НОЧИ

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно-темен
С тобою нежный разговор;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Как пламенны твои уста!
Как безгранично сладострастна
Твоих объятий полнота!

Но успокойся, дева ночи!
Спусти завистливый покров,
Сокрой твои уста и очи

И злато вьющихся власов:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлет голова,
Не ты внушишь мне жизни новой
Родные чувства и слова.

Там, там, где пышный ток Родана,
В виду заоблачных вершин,
Сребром выходит из Лемана
На гладь шелковую долин...
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри! стою перед тобою;
Вдруг освежилась грудь моя;
Торжествен, радостен душою,
И смел, и горд, и светел я!
Прекрасна ты, о дева ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви!

РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,
Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег, белеются, луной озарены;
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени,
И темны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины крутые
Отчаянно толпы взбегали боевые
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?

Приди: на этот холм, ветвями осененный,
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. Но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод.

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон;
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!

А ныне? — Миру вдохновений
Далеко недоступен я;
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!
Моей Камены сын ослушный,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.
Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался!..
Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдный;
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно

Служенье Фебу в наши дни:
В раздольи буйной толкотни
Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой...
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадная;
Так говорливо вторит ей
Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов —
Нецензурованных глупцов:
Не ты ль на подвиг православный
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?
Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;
Он легким лётом пролетит;
Так иногда, в жару недуга,
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»
Ну так, барон! Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт —
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

ОТЪЕЗД

Не долго мне под этим небом,
По здешним долам и горам,
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске и скуке и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;
Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье, день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .
Вон лес и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.
Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:
Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!

Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный,
И любознательный народ
Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчевал прекрасный
Свой разгулявшийся приход.

О юность, юность, сон летучий,
Роскошно-светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други,
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела:
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно-пустую
Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске, наконец,
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..

. . . .
. . . .
И ты! .. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно бездипломный!
Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумьи, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом!
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град,
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещенье!
Всем нам! Тебе ж, κατ' ἐξοχήν [1]
Наставник наш, хвала и слава,

[1] По преимуществу. [Ред.]

Душой воспитанник Камен,
А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Виюм и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я, как благо лучших дней,
Тебя доныне вспоминаю,
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..
. . . .
. . . .
Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный упованья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровый,
Вином обрызганный венец!

ПЕСНИ

I

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки!

В честь учености спесивой,
И тяжелой и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань!
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань!

<За разгульную красотку,
За свободу наших дней!>
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку!

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Ипокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живыя
В честь красавицы своей
Всякий прямо в сердце лей,
И да здравствует София!

II

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасный,
Когда зовет родимый край:
За Русь святую, в бой ужасный,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизна бурсака!

Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

III

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина,
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, свободна и шумна,

Во славу мне, вы чашу круговую
Наполните играющим вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И празднуйте об имени моем.

Все тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну пропировать дано;
Чья грудь полна свободой удалою,
Кто любит жизнь за песни и вино!..

IV

Разгульна, светла и любовна,
Душа веселится моя;
Да здравствует Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи,
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

V. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

В последний раз приволье жизни братской
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободный жизни глас —
Сей крик и шум — разлив души бурсацкой —
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья?

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!
Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече,
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет!
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародный
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младый и вдохновенный,
И с вами пел: всё миг и суета!

А. В. ТИХВИНСКОМУ

Как знать, куда моя дорога
На тайном поприще земли?
Навечно ль душу мне зажгли
Огни дельфического бога?
Пройдут ли с младостью певца
И сила чувств, и жажда славы,
Иль покорят меня уставы
Жены хромого кузнеца?
Иль рок дела мои прославит,
Меня спокойно переправит
Чрез волны жизненных забот,
И в искушенье не введет,
И от лукавого избавит?
Что будет — будет! Но клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом:
В стране, где нравственно-добра,
Всему покорна, всем довольна,
Живет, мила и бескрамольна,
И процветает немчура;
В стране, где богу просвещенья
Благословенный государь
Для православного служенья
Поставил пламенный алтарь, —
Здесь благодетельные годы
Сияли юности моей,
Здесь я нашел дары свободы,
Богиню песен и друзей;
Здесь поэтическое пьянство
Да мир могущественных дум
Мне заменяли света шум,
Любви восторги и жеманство.
Найду ль богов моих, когда
Сию страну и вас покину,
И незнакомая звезда
Определит мою судьбину?
Но я душой не изменюсь:
Священны мне всегда и всюду
Науки, вольность, ум и Русь —
Итак, я вас не позабуду!

ПОСЛАНИЕ К А-ВУ

Прощай, А — в! Я довольно
Без пользы времени убил,
И мертвой скуке произвольно
Почти год целый посвятил.
Ваш мирный круг я оставляю
И вместе с музой молодой
В восторге сердца восклицаю:
«Хвала поэзии святой!»

Давно надежды луч отрадный
Моей души не освещал,
И рок — губитель беспощадный —
Мой челн в реку забвенья мчал;
Но, наконец, гроза промчалась,
Блеснул животворящий свет —
И вновь душа очаровалась,
И вновь, отрада прежних лет,
Веселость резвая со мною.
Я счастлив, друг! Но скоро ль ты
Оставишь, примирясь с судьбою,
Все прихотливые мечты?
Ты получил рассудок здравый
От всеблагой природы в дар,
Ты ревностный любитель славы,
В тебе приметен этот жар,
Который нужен для геройства;
Ты добр, — ты ум свой просветишь:
Итак, зачем же, друг, таить
Свои возвышенные свойства!

Иди с отважностью свободной
Туда, куда тебя зовут
Фортуна и твой нрав природный;
И стань в браннолюбивый строй,
Забыв ученых инженеров,
Под знамя родины драгой,
В толпу армейских офицеров!

К. К. ЯНИШ

В былые дни от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.

Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами.
Так, с торжища сует возведена

Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием созвавшего их бога!

ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,
Победоносных, вдохновенных!
Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет, —
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви?..
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый:
Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух — медленно уста твои целуют!

А. И. ГОТОВЦЕВОЙ

Влюблен я, дева-красота,
В твой разговор живый и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!
Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

(ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА
ТРЕХ ПЕРВЫХ ТОМОВ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ
ЕГО ТВОРЕНИЙ)

Итак — мне новая награда
От музы доблестной твоей,
Младых поэтов Петрограда
Сребровolосый корифей!
Ее с поклоном принимаю,
Умею чувствовать ее;
Но заслужил ли я — не знаю —
Неоставление твое?
Какими подвигами славы
На свете выказался я?
Уж не стихами ль про забавы,
Про удаль братского житья,
Про негу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Где пролетела шумно, шумно
Лихая молодость моя?
Нет. Но зато, главою трезвой,
На последях моей весны,
От жизни праздничной и резвой
Поникший в лоно тишины,
Теперь, как сердца не тревожит
Мне красота веселых дней,
Достоин буду — бог поможет —
Я благосклонности твоей.

Ведь я не даром же оставил
Потехи лени и гульбу,
На свой обычай переправил
Свою грядущую судьбу,
И посвятил уединенью
Мой возраст силы и трудов!
От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью и счастьем,
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего;
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо сознанный собой,
В моей любви, в моей святыне
Раскаюсь зрелою душой?

Но, признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою.
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?
Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,
От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать, каким возгласом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетеру музой, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет,
Немилосердно-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!

Ты, Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь...
И пощадит меня их ложь,
Твоей заступленного славой!

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА

Кипят и блещут фински волны
Перед могилою твоей;
Широким пологом над ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шум своих ветвей.

Так жизнь пленительным волненьем
В тебе кипела молодом;
Так ты блистал своим умом,
И самобытным просвещеньем,
И поэтическим огнем.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой,
И темны стали над тобой,
Как эти сосны гробовые,
Угрюмой движимы грозой.

Цепями нужд обремененный,
Без друга, в горе и слезах
Погиб ты... При чужих водах
Лежит, безгласный и забвенный,
Многострадальческий твой прах.

О! мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты, отрока, меня;
Ты предузнал, кто буду я,

И что́ прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!

Твои радушные заботы
Живое чувство красоты
Во мне питали; нежно ты
Лелеял первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музыку мыслей и стихов!

Прими ж привет мой благодарный
За много, много красных дней,
Блестящих в памяти моей,
Как образ месяца янтарный
В стекле играющих зыбей!

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой!

А. Н. ТАТАРИНОВУ

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши:
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!
В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасный!
Все, чем судьба возвышенна моя,
Что в ней земным оковам не подвластно,
Все чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Все, чем живет и действует поэт —
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час —
И яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода

Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.
Таков булат в браннолюбивой длани,
Несокрушим, однажды закален!

Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы,
И двух прудов спокойное стекло.

Где ж вы, мои товарищи и други?
Попрежнему ль увеселяют вас
И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран и патриарха гор,
И над его священной головою,
Ночных светил блистающий красою,
Торжественный, лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимый,
Привольное гульбище юных лет,
Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

К А. Н. ТАТАРИНОВУ

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов,
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!

Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;

Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Эллады.
Как гордо радовался я!
Как вдохновенно сердце билось!
А ныне!.. Все переменилось, —
Жизнь и поэзия моя!
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней,
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,
Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею;
Ты назови меня своим!

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей,
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветинских времен, —

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца,
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь,
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;

Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое Токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчаньи горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкий мой тимпан!

Окаменей язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Все истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной;
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши;
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум;
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи.
Покинем шум сует, товарищи мои,
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!
Туда, где небеса просторней голубые,
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там, утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды,
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли; он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простый и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастлив на много, много лет.

Таков он был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек.
Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;

Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась. Там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала,
И на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы
Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где все прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной,
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;

Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему, на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад,
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простый
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златый,
И многие, уж заодно, познают,
Что́ называть мирскою суетой.

К. К. ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Все, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт, —

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой:
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на златых струнах переиграли
Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священного труда
Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога,
И праведна житейская дорога,
Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их... Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна;
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей?

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,

Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в разгульном хоре звуков
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни:
Там на юношеском пире
Слово молвится подчас
В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас, —
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое,
И поэту наградится
Все подлунное житье.

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

(О П. В.)

Щеки нежно пурпуровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!
Но ее на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!

Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний
Не впивай в свои уста:
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

(ТАТЬЯНЕ ДМИТРИЕВНЕ)

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,

И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

ЭЛЕГИЯ

(ТАТЬЯНЕ ДМИТРИЕВНЕ)

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть:
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал,
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

ПЕРСТЕНЬ

(ТАТЬЯНЕ ДМИТРИЕВНЕ)

Да, как святыню, берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной,

В тот час (забудь меня, Камена,
Когда его забуду я),
Как на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня.
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя...
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость,
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, —
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов —
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют
То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там все, чем бог добра и света
Благословляет многи лета

Тот край, все: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу,
И пил да пел... я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход,
Тебе он скажет весть благую:
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родныя!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов

В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуровой
Как ясно, тихо жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела;
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум деятельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста сахарны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных, девственных кудрей
На ней блистающие волны.

Твоя мольба всегда верна!
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,
И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна!

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна:
В живые образы одета,
Святым огнем озарена;

Счастлив, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и свет, и чистота,
Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доныне пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал —
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.
Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе:
И, полн таинственной отрады,
Усердно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

(В АЛЬБОМ)

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:
Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравный
На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей:
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужия
И думы верные об ней:
Да чисто-русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!

Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой.
Близка пора: мечты похмелья
Моей Камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,
И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? — мне поможет
Твоей приязни благодать!

М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она:
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина и дружбы и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,

Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых,
И трепетом, томительным и страстным,
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным.

А вы, певца внимательные други,
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы,
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводный
Зеленый скат лесистых берегов?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И бурные приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их;
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стих —
Торжественна, полна очарованья,
Свежа, и где была душа моя!
О! прочь мои грядущие созданья!
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,

И сладкий звук речей, и светлый ум
В лиющемся кристале разговора.

Ее уж нет! Все было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда
И в нем — надежд и помыслов отвага,
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...
Она всего поэта понимала —
И горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье.

КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей,
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей;
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.
Сам, как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!
Веселися, конь ретивый!

Щеголяй избытком сил!
Не надолго волны привы
Вдоль по ветру ты пустил!
Не надолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые...
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

ЭЛЕГИЯ

Ночь безлунная звездами
Убирали синий свод;
Тихи были зыби вод;
Под зелеными кустами
Сладко, дева-красота,
Я сжимал тебя руками;
Я горячими устами
Целовал тебя в уста;
Страстным жаром подымались
Перси полные твои,
Разлетаясь, развивались
Черных локонов струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своих очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая к моей.

Под ночными небесами
Сладко, дева-красота,
Я горячими устами

Целовал тебя в уста...
Небесам благодаренье!
Здравствуй, дева-красота!
То играло сновиденье,
Бестелесная мечта!

ПОЖАР

(А. ПЕТЕРСОНУ)

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши,
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем:
Так это не заря! Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,
Полнеба заревом багровым обхватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи —
Чье имя уж давно, по стогнам и садам,
В припевах удалых сопутствовало нам, —
Глядела, как, ее светлицу охраняя,
Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.
Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О! будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые

Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой —
И, нежная, падет могучему в объятья,
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

С. С. ТЕПЛОВОЙ

Я знаю вас: младые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
И гармонические сны;

Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней,
И медленно и долго забываться
В обманах памяти своей;

Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
И чем поэзия жива.

Умеете ли мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя над нею,
Ее смирять и возвышать.

Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
Я чувствую, смутился б я пред вами:
Душой и сердцем робок я;

Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
Что говорится там про вас.

ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки, —
В музыку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь.
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего;
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина.
Не спишь, красавица? — Мечтами
Ты беспокойными полна;
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,
Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,
Ланиты рдеют пурпуровы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты все мечтала...
А он, таинственник Камен?
Им не играли грезы ночи;
И бодр и свеж проснулся он,
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон.

НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА

Огнем и силой дум прекрасных
Сверкал возвышенный твой взор;
Избытком чувств живых и ясных
Твой волновался разговор;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надежды славой горяча,
И смелость гордо поднимала
Твои могучие плеча!
Потухли огненные очи,
Умолкли вещие уста,
Недвижно сердце; вечной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивал;
В садах науки и свободы
Ты поэтически гулял;
Там создал ты, славолюбивый,
Там воспитал, направил ты
Свои кипучие порывы,
Свои широкие мечты.
И в дальний шум иного мира
Тебя на громкие дела
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ее приветственному звуку
Как суеверно ты внимал,
Как жарко дружескую руку
Своею схватывал и жал!
Под сенью сладостного света,
Красуясь дивною красой,
В твоих очах грядущи лета
Веселой мчались чередой;
В их утомительном обмане
Ты ясно жребий свой читал,
Им надмевался — и заране
Торжествовал и ликовал.
Пришли — и вот твоя могила!
Крылатых мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Все тлен, и миг, и суета!

КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейский
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот,
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется,
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно-памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!

Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

КАМБИ

Там, где внизу горы, извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней;
Где горных берегов с песчаного уступа
Склонилася к нему берез и елей купа,
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним; —
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебряным шаром покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,
Оденет берега в свой сумрак сладострастный
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи, —
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной, —
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,
Тобой, красавица, хранительный мой гений,
Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:

Как сильно грудь моя сей голос поняла,
Твой голос творческий: младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли.
Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,
Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас:
Вы, добрые мои, — благословляю вас!

УТРО

Пурпурово-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и холмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!

Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпурово-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна,
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастлив, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;
И веселая ласкает,
И пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,
Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

В. А. ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Символ души проснувшейся прекрасно,
Заря безоблачного дня;

Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел:
Среди наук ты гордо возмужаешь
Для стройных дум и светлых дел;

От ранних лет полюбишь наслажденья
Привольные и добрые всегда:
Деятельный покой уединенья
И независимость труда;

Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
Отвага помыслов твоих.

И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
Душа открыта и чиста;

Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей, —
Ты совершишь заветные желанья
Счастливой юности твоей.

О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал,
И слепо верь в пророчества поэта
И в правоту его похвал!

ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,
Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах!

МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя из тягостного мира

Телесных мыслей и забот
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

В АЛЬБОМ МАРКЕВИЧУ

Украйны, некогда свободной,
И поэтически живой,
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народный;
Как чуден новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы!
Но в наши дни поймут ли вас
Украйны юноши и девы?
Так, не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и втайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украйне!

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар:
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово.

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахарных уст порока

И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница,
Ужасен ли венчанный произвол,
    Невинен будь, как голубица,
    Смел и отважен, как орел!

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
    Твое открытое чело, —
    И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным,
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
    Размечут их — и жрец отпрянет,
    Дрожащий страхом и стыдом!

1832

А. П. ЕЛАГИНОЙ

(ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ЕЙ СВОЕГО ПОРТРЕТА)

Таков я был в минувши лета,
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный, —
Моя беспечная весна
Промчалась — чувствую и знаю,
Не целомудренна она
Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселые,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,

В виду России и Москвы,
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

Е. А. ТИМАШЕВОЙ

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравный
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты,
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней, —
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших
Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский; но его

Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздольи наших оргий
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,
Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений,
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем.
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где, безмятежные, живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой, —
И возросла она счастливо,
Резва, свободна и смела,

Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней:
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

А. Н. ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:

Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;
И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши,
И вспрянул гордо на коня!
А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед.
Но вот, — хвала и слава богу! —
На православную дорогу
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,

Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе; люби же и ласкай
И береги меня, как сына,
И как раба не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка некованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
Здесь, в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,
Приветы гордых молодиц,
И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!

Поклон вам, прежние мои...
Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, — и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!

Мой друг, поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной, мирной долей
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились;
Но сладко вспомнить нам подчас

Далекий град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей, —
Красу минувшего житья!

Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы,
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, — увы,
Когда-то милой мне, когда-то
На свежем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

Е. Н. МАНДРЫКИНОЙ

В младой груди моей о вас воспоминанья
Сохраню буду я беречь!
Навечно милы мне: живая ваша речь
И ваши томные мечтанья,
Ваш благосклонный взор, сверкающий умом,
И ваше пенье! Что за звуки!
То тихи и нежны, как жалкий вздох разлуки
И мысль о счастии былом,
То упоительны, торжественны, игривы,
Как мед любви, сладчайший мед!
Как юношеских дум возвышенный полет
И детской радости порывы!
Могучи звуки те волшебные! Они
Меня отрадно чаровали,
И умиленного, разнеженного мчали
В иную жизнь, в иные дни,
В те дни, когда еще душой и сердцем юный,
Доверчив, пылок и поэт,
Я пел любовь и шум студенческих бесед,
И стройны, громки были струны!
Давно прошли те дни восторгов и потех;
Но помню живо их доныне,
Как странник молодой, застигнутый пустыней
И бурей, помнит свой ночлег
В гостинице, где он негаданно-нежданно
Нашел красавиц и друзей
И с ними пировал до утренних лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду вас, я благодарен вам;

Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердец к пленительным мечтам.

А. А. ФУКС

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.

Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш взор, трепещет ваша грудь;
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь!

Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет: я ваши песнопенья
Люблю; я понимаю вас.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылый,
И бога, движущего их!

Д. П. ОЗНОБИШИНУ

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой,
В дождь осенний, в тьме ночной,

По извилинам дороги
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогой
И гражданственность с тобой?

Вот салфеткой иностранной
Стол накрыт. Блестят на нем
Ярким златом и сребром
Чашки. Чай благоуханный
Льется светлым янтарем,
И сидишь ты за столом,
Утомленный и туманный,
В забытьи глухонемом!

Ночь прошла. Смотри: алеет
Озарившийся восток!
Ты проснулся, путь далек!
На лицо тебе уж веет
Ранний утра холодок;
Скоро скачешь ты, — и в срок
На почтовый двор поспеет
Мой деятельный ездок!

О! когда на жизнь иную
Променяешь ты, поэт,
Эту порчу юных лет,
Эту сволочь деловую
Прозаических сует?
Бога нашего тут нет!
Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свет!

МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай, светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающем огне,
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее.
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежный,
И ясность мысли на челе!
И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых:
И дочерей благочестивых,
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса,
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;

И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасный,
Живая господу хвала!

П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь. Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать: каков теперешний мой день?
Попрежнему ль его одолевает лень,
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?
Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, ветреной, хмельной и быстролетной.
Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей! —
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся, о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,

Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И, жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое,
Элегию, сонет, — а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые, — да что в них?
Солнце лета,
Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, нетяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она
Цветет, гордится им, им дышит, им полна;
Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,
Таков, как должен быть, он весь душой и телом,
И ростом, и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцыре, и в том же шишаке!
Короток мой обед: нехитрых, сельских брашен
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени,
Я просыпаюся для тех же упражнений,
Иль, предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах

Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой,
Две добродетели судьбы моей простой,
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,
Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать и мыслить и мечтать,
Былые, светлые надежды пробуждать
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов.

К * * *

Вами некогда плененный,
В упоении любви,
Приносил я вам смиренно
Песни скромные мои.
Я, поэт ваш неизменный,
Я доселе помню вас:
Ваши перси молодые,
Ваши кудри шелковые,
Помню прелесть ваших глаз
Черных, огненных и жгучих,
И на розовых устах
Стройность помыслов могучих
В гармонических стихах.

Вы тогда владели нами,
Пылких юношей толпой;
Вы живыми их сердцами,
Их послушною судьбой,
Словно верными рабами,
Забавлялись наобум!
Сколько вам надежд прекрасных,
Чистых, свежих, сладострастных,
Сколько смелых, гордых дум
Не-поэтом и поэтом
Посвящалось! Их тогда
Все равно холодным светом
Осыпала их звезда!

О! примите ж ненадменно
Мой теперешний привет,
Дар души уединенной,
Пережившей свой расцвет,
Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольного житья
Полюбил я мир широкий,
Где, мой ангел светлоокий,
Дева-муза вся моя.
Неземные наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будет мне спасенья
Вне его и без нее!
Мы, поэты, в юны годы
Беззаботно мы живем,
Чересчур своей свободы
Упиваяся вином;
Таковы уж от природы
Все поэты. — Но куда
Нам главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной? Будь всегда
Вам хранима небесами
Эта жизни красота:
Перед вами и за вами
Все иное суета!

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Пряморусская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незваны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара,
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будет ей;

Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивый
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю,
И могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю:
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый!
Это ты, когда-то мой
Собеседник запоздалый
Там, у жизни молодой,
На привольи просвещенья!..
Ты оставил мирных муз
И воинские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;
А потехи и прохлады
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры, полные любви, —
Все, что прежде кипятило

Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,
Хороша была она:
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость, —
И хвала за то судьбе! —
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,
И гульливые, бывало,
Чтят поэта своего! . .
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей,
И геройскими делами
Возрастай и просветлей.

Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум.
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забот, превратностей и смут,
Далеко в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют!

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О! будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что́ же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом,
И, ради наших муз и ради дружбы нашей,
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй, — и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

Н. А. ЯЗЫКОВОЙ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами,
И пеной плещет в берега.
И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей,
И сладкогласный и влюбленный,

Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где, озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда, под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит, цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться
И засыпать под трели соловья.

* * *

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложенную мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
    Высоко возглас подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
    С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
    Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
    Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
    Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
    Я пенить вино золотое.

Кипит и шумит и сверкает оно:
    Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно светло
    И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
    В мои молодецкие лета,
Чем ныне я счастлив и весел и горд, —
    Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
    Его берегут и голубят:
Мой правильный день, моя скромная ночь;
    Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
    Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
    Бокал опрокинутый ставлю.

1839

ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как бывало
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я этот день!
Русских, нас, там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном
Сам стихи мои читал я,
И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали:
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жжёнкой:
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко,
От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальны,
Путешественник печальный,
Невеликий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных,

Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих:
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там, в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец-Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого,
Из ведра заповедного,
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты,
И поэту поднесешь ты!
Помню я: в твоем вине
Много жизни, много силы;
Но, увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!

ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол и царство тишины —
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся. Порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада

Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица; светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух; она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни, и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется! . .

ЭЛЕГИЯ

Толпа ли девочек, крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспешая,
Шумит по улице; иль добрый наш сосед,
Окончив чтение сегодняшних газет,
Уже глядит в окно и тихо созерцает,
Как близ него кузнец подковы подшивает
Корове иль ослу; иль пара дюжих псов
Тележку, полную капусты иль бобов,
Тащит по мостовой, работая всей силой;
Служанка ль, красота, развившаяся мило,
Склонилась над ведром, готова мыть крыльцо,
А холод между тем румянит ей лицо,
А ветреный зефир заигрывает с нею,
Теребит с плеч платок и раскрывает шею,
Прельщенный пышностью живых лилей и роз;
Повозник ли, бичом пощелкивая, воз
Высокий, громоздкой и длинный-передлинный,
Где несколько семей под крышкою холстинной,
Разнобоярщина из многих стран и мест,
Нашли себе весьма удобный переезд, —
Свой полновесный воз к гостинице подводит,
И сам почтенный Диц встречать его выходит,
И Золотой Сарай хлопочет и звонит;
Иль вдруг вся улица народом закипит:
Торжественно идет музыка боевая,
За ней гражданский полк, воинственно ступая,

В великолепии, в порядке строевом
Красуется, неся ганавский огнь и гром:
Защита вечных прав, полезное явленье.
Торопится ль в наш дом на страстное сиденье
Прелестница, франтя нарядом щегольским,
И новым зонтиком, и платьем голубым,
Та белотелая и сладостная Дора...
Взойдет ли ясная осенняя Аврора,
Или туманный день печален и сердит,
И снегом и дождем в окно мое стучит —
И что б ни делалось передо мною — муки
Одни и те ж со мной; возьму ли книгу в руки,
Берусь ли за перо, — всегда со мной тоска:
Пора же мне домой... Россия далека!
И трудно мне дышать, и сердце замирает;
Но никогда меня тоска не угнетает
Так сокрушительно, так грубо, как в тот час,
Когда вечерний луч давно уже погас,
Когда все спит, когда одни мои лишь очи
Не спят, лишенные благословений ночи.

КРЕЙЦНАХСКИЕ СОЛЕВАРНИ

Предо мной скалы и горы!
Тесно сковывает взоры
Высь подоблачных громад!
Вот на солнечном их скате
Жарко нежится в халате
Полосатом виноград!
Вот густая сень акаций,
Для больных мужчин и граций
Сад с целебным ручейком!
Два сарая под горами
Длинны, черны, с шатунами
С иксионским колесом!
Скучный вид! Вот где я ныне!
В щели гор, в глухой лощине,
На лекарственных водах!
Жду от них себе помоги!
Сбился я с моей дороги
Сильно, к немцам, за Крейцнах.

ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы —
Дерева дождем шумят:
Две красавицы-девицы —
Две певуньи, две сестрицы —
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой;
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару; он здоров
Мне в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес чуть видном рокотал;

А он, пловец, он был далеко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн.

До разгремевшегося грома,
До бури вод, желанный брег
Увидел он и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег.

Хвала ему! Он отплыл рано:
Когда дремали небеса,
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, — уж он готовил паруса,

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день,
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен,
Не шелохнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Ну-те, братцы, вольно, смело!
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй
И выходит стих неёмкой,
Стих растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитый
Наш мороз! Хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло, и горя мало;
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда!

ГАСТУНА

Так, вот она, моя желанная Гастуна.
Издревле славная, Gastuna tantum una,[1]
Чудесной силою целительных ключей!
Великий Парацельс, мудрейший из врачей,
Глубокомысленный таинственник природы,
Уже исследовал живые эти воды;
Он хвалит их, и сам предписывал больным,
И вновь они цвели здоровьем молодым.
Великий человек! Хвала его не втуне:
Доныне многие находят лишь в Гастуне
Восстановление своих упадших сил.
И я из дальних стран к ее ключам спешил,
В предел подоблачный, на этот воздух горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!..

[1] Единственная из всех Гастуна (*Ред.*)

ИОГАННИСБЕРГ

Из гор, которыми картинный рейнский край
Гордится праведно, пленительный, как рай,
Которых имена далеко и далеко
По свету славятся, честимые высоко,
И радуют сердца, и движут разговор
На северных пирах, — одна из этих гор, —
Не то, чтоб целостью громадных стен и башен
Старинных верх ее поныне был украшен,
Не то, чтоб рыцарей, гнездившихся на ней,
История была древнее и полней,
Была прекраснее воинская их слава, —
Одна из этих гор, она по Рейну справа,
Вдали от берегов, но с волн его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всех выше славою: на ней растет и зреет
Вино первейшее; пред тем вином бледнеет
Краса всех прочих вин, как звезды пред луной.
О! дивное вино! Струею золотой
Оно бежит в стакан, не пенно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмеляет нас и нежит, так сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старец, о делах минувших рассуждая,
Воспламеняется, как радость молодая,
Припомнив день и час, когда он пил его
В кругу друзей, порой разгула своего,
Там, там у рейнских вод, под липою зеленой...
Такая благодать, что внук его ученый
Желал бы на свои студентские пиры,
Хоть изредка, вина с Ивановой горы.

ГРАФУ В. А. СОЛЛОГУБУ

Тебя — ты мне родня по месту воспитанья
    Моих стихов, моей судьбы,
По летам юности, годины процветанья
    Работ ученых и гульбы,
Студентских праздников, студентских песнопений
    И романтических одежд,

Годины светлых дум, веселых вдохновений,
Желаний гордых и надежд,
Ты, добрый молодец, себя не погубивший
В столице, на бою сует,
Свободною душой, почтенно сохранивший
И жар, и доблесть юных лет,
И крепкую любовь к отеческому краю,
И громозвучный наш язык —
Тебя приветствую, тебя благословляю,
Тебя, счастливый ученик
Той жизни сладостной, которую стихами
Я горячо провозглашал,
Пленявшийся ее блестящими дарами
И лестью дружеских похвал;
Приветствую тебя, под знаменем Камены,
На много, много славных дел!
Люби ее всегда, не жди от ней измены,
Ее любовью тверд и смел!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не верь ни браням, ни хвалам
Продажных голосов, в их споры не мешайся,
В их непристойный крик и гам,
Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тих и величав, проникнутый глубоко
Святыней чистого труда,
Будь сам себе судьей, суди себя сурово...
И паче всякого греха
Беги ты лени: в ней слабеют ум и слово,
Полет мечты и звон стиха;
Ты будь неутомим! Когда на Русь святую,
Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен, — тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг,

И мы, по способу певца Вильгельма Телля,
    Составим славное питье
И будем бражничать и вместе, полны хмеля,
    Помянем дерптское житье
И наши прошлые, лирические лета!
    Потом, давай твоих стихов
И прозы, все читай! Я слушаю поэта,
    До ночи слушать я готов
Тебя; в созданиях души твоей прекрасной
    В картинах верных и живых,
В гармонии стиха с игрою мысли ясной
    И вдохновениях твоих
Легко, восторженно забудусь я с тобою...
    Часы летят, давно погас
Камин, давно мой пунш простыл передо мною, —
    И вот денница занялась!..

ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ

Я много претерпел и победил невзгод,
И страхов, и досад, когда от Комских вод
До Средиземных вод мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горным высотам, в осенний хлад и мрак,
Местами как-нибудь, местами кое-как,
Тащили мулы нас, и тощи и не рьяны;
То вредоносные миланские туманы
И долгие дожди, которыми Турин
Тогда печалился, и грязь его долин,
Недавно выплывших из бури наводненья;
То ветер с сыростью, и скудость отопленья
В гостиницах, где блеск, и пышность, и простор,
Хрусталь, и серебро, и мрамор, и фарфор,
И стены в зеркалах, глазам большая нега, —
А нет лишь прелести осеннего ночлега:
Продрогшим странникам нет милого тепла;
То пиемонтская пронзительная мгла,
И вдруг, нежданная под небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пение и сладостно подчас

Нам, людям северным, баюкавшая нас,
Нас встретила в горах, летая, распевая,
И славно по горам гуляла удалая!
Все угнетало нас. Но берег! День встает!
Италиянский день! Открытый неба свод
Лазурью, золотом и пурпурами блещет,
И море светлое колышется и плещет!

МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,
Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,
И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.
Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине
Бережет скупое дно.
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. — Немного
Обитателей морских;
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой,

С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом
Воза с два морского сору
И один морской паук;
А тащили словно гору,
А трудились сотни рук!
Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасный
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки; бегут за ней,
И канючат, денег просят:
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мещет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустились глубоко,
И в ней улеглася тяжелая тень;

Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад;
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят.
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
        Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривый,
        Друзья, не мало я хвалил!
Сверкало золотом, кипело пеной белой
        Нас развивавшее питье,
        Воспламенялось и кипело
        Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
        Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
        Они далеко, высоко!
Шум, песни, крик и звон в прелестный гул сливались.
        Студентский пир порядком шел,
        И чаши об пол разбивались,
        Разгульный теша произвол!
Остепеняют нас и учат нас заметно
        Лета и бремя бытия:

Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
Так ныне мне уже милей
Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягко-сладкое, как мед;
Милей мне тихий пир и разговор неспорный;
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно ласкаемая чаша,
Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней все было наобум!

НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,
Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые; когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые, —
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по-весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских.
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И английский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги
На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как, с края в край на волновом просторе,
Гроза рокочет и ревет;
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет,
И снег летит, как пух, и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют,
И у тебя тепло; а твой любимый труд, —
От скуки и тоски заступник твой надежный, —
А тихая мечта, милее девы нежной,
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,
Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и один.
Стола не уставляй богатством рейнских вин,
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому,
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,
Состукнут чаши в лад, тебя наименуют,
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а может быть и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит, ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день, как быстролетный сон!

НИЦЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,
Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

К. К. ПАВЛОВОЙ

Забыли вы меня! Я сам же виноват:
Где я теперь, зачем меня взяла чужбина?
Где я перебывал? Вот он, Мариенбад;
Ганау, старый Диц, его тенистый сад;
Вот рейнских берегов красивая картина,
Крейцнах и черные сараи и гофрат,
Полковник, колесо, Амалия и Пина!
Вот край подоблачный! Громады гор и скал,
Чудесные мосты, роскошные дороги,
Гастуна славная, куда я так желал...
Вот Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги,
Их вечный лед и с них лиющийся кристал,
Кричат орлы и скачут козероги,
И ветер осени качает темный лес!
Вот и Ломбардия! Веселые долины,
Румяный виноград, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденных небес!

Великолепные палаты и столбницы
Над ясным зеркалом потоков и озер.
Часовни странные, пугающие взор,
Канюки, и калек и нищих вереницы,
Ватага южных ведьм, красавицы-девицы. . .
Вдали концы швейцарских гор!
Вот Комо! Берега с прозрачными домами!
Вот площадь и фигляр, махающий руками!
И пристань, озеро, и в чистоте зыбей
Колеблются цвета расписанных ладей
И белых парусов играющие плески;
На площади народ гульливый и живой,
Италии народ певучий, удалой,
И деревянные тедески!
Вот пасмурный Милан с поникшей головой,
Турин и Пиемонт гористый! Вот Савона!
Отважный путь лежит над бездной, на тычке!
И вот он — островок, чуть видный вдалеке,
Как облачко на крае небосклона,
Не важный на морях, но важный на реке
Времен, где он горит звездой Наполеона!
Вот Ницца — вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!
О, много, много стран, в мой длинный, черный год,
Я видел скучными глазами!
Скитаюсь по водам целебным и — увы! —
Еще пью чашу вод! Горька мне эта чаша!
Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что делаете вы?
Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей!

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит подвижная громада кристала

И тихо, качаясь, идет на меня,
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет!
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода, легок и свеж, выхожу:
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, резва, удала.

К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
    Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
    Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
    Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,
    И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
    Твоих былых богатырей.
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
    Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
    Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
    Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая,
    И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
    Весной, как с выси берегов

Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздольи муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно,
В виду почтенных берегов, —
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины!
Суры — красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любящей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,

Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихоструйного, привольного Сызрана,
И всех, и бо́льших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе! .. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

АЛЬПИЙСКАЯ ПЕСНЯ

(НА ГОЛОС: „МАЛЬБРУГ В ПОХОД ПОЕХАЛ")

Из тишины глубокой
Родимого села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Где шаткие дороги
Прилеплены к горам,
И скачут козероги
По горным крутизнам,

Где лес шумит дремучий
Высоко близ небес,
И сумрачные тучи
Цепляются за лес,

Где ярко на вершинах
Блистает вечный снег,
И вторится в долинах
Ручьев гремучий бег.

И вот она, Гастуна,
   Куда стремился я,
Gastuna tantum una,
   Желанная моя!

Плохое новоселье,
   Домов и хижин ряд...
Над бездною в ущельи
   Они так и висят!

И, словно зверь свирепый,
   Река меж них ревет,
Бегущая в вертепы
   С подоблачных высот,

И шум беспрестанный,
   И стон стоит в горах,
И небеса туманны,
   И горы в облаках.

ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный —
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

К. К. ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
В моей кипели голове,
И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам:
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И ныне я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, все сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье:
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами: вы прекрасный

Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:
Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

А. А. ЕЛАГИНУ

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни; та година
Достойно-празднична была,
Когда остатки вдохновений
Студентской юности моей
Я допивал в кругу друзей,
В Москве, и полон песнопений,
Стихом блистая удалым,
Восторжен, выше всякой прозы,
Гулял у вас — и девы-розы
Любили хмель мой, — слава им!
А ныне где, каков я ныне?
О! знаю, чувствую: тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда.
Но ежели мои печали
Минуют так, как миновали
Мои златые дни, — тогда
Грешно бы, право, на досуге
Не помянуть нам за вином
О том гулянии моем,
Как о минувшем, милом друге.
Не так ли? Я почти готов,
Я рад сердечно, я чужбину,
Мою тоску, легко покину,
И прямо с майнских берегов
В Москву. Вы ждете — еду, еду,
Скачу, лечу, и вот как раз
Я к вам, сажуся подле вас, —
И наливай сосед соседу!

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет!
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИМ ВОДАМ

Пою вас, балтийские воды! вы краше
　　Других, величайших морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
　　Свободнее, чище, светлей:
На нем не крутятся огромные льдины,
　　В щепы разбивая суда;
На нем не блуждают холмы и долины
　　И горы полярного льда;
В нем нет плотоядных и лютых чудовищ
　　И мерзостных гадов морских;
Но много прелестных и милых сокровищ:
　　Привол янтарей золотых
И рыбы вкуснейшей! Балтийские воды,
　　На вольной лазури своей
Носили вы часто в старинные годы
　　Станицы норманских ладей;
Слыхали вы песни победные скальда
　　И буйные крики войны,
И песню любви удалого Гаральда,
　　Певца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
　　На Русь из немецкой земли,
Когда, сограждане ганзейского братства,
　　И Псков и Новгород цвели;
И ныне вы носите грозные флоты:
　　Нередко в строю боевом
Гуляют на вас громовые оплоты
　　Столицы, созданной Петром,

И тысячи, тьмы расписных пароходов
И всяких торговых судов
С людьми и вещами, всех царств и народов,
Из дальних и ближних краев.
О! вы достославны и в новые годы,
Как прежде; но песню мою,
Похвальную песню, балтийские воды,
Теперь я за то вам пою,
Что вы, в ту годину, когда бушевала
На вас непогода, — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину с далекого дна,
И силы пучинной и сумрака полны,
Громады живого стекла,
Качаяся, двигались шумные волны,
И бездна меж ними ползла;
И долго те волны бурлили, и строго
Они разбивали суда,
И долго та бездна зияла, и много
Пловцов поглотила, — тогда,
В те страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиных: вы их на невские воды
Примчали, — и берег Невы
Счастливо их принял: за то вы мне краше
Всех южных и северных вод
Морских, и за то уважение ваше
Мой стих вам и честь отдает!

Н. В. ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой,
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,

От празднословящих бесед,
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я, попрежнему, в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада:
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком, жидконогой —
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенный
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем:
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный:
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу; он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит:
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастлив! он ходит!

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор:
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор, логовища лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые холмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

ИЗРЕЧЕНИЕ А. Д. МАРКОВА

Любил он крепкие напитки; и не мало,
В свободные часы, он их употреблял;
Но был всегда здоров и службу исполнял
Добропорядочно, — и дело не стояло
За ним; был духом тверд, глубокомыслен; слов
Не тратил по́пусту; но речью необильной
Умел он действовать решительно и сильно.
При случае умы своих учеников
Он ею поражал, как громом: так однажды,
Палимый жаждою, он воду пить не стал —
Другой Катон в пустыне — и сказал,
Поморщившись: «Вода не утоляет жажды».

МОРЕ

Струится и блещет, светло, как хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;
Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравно
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу: ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

ЭЛЕГИЯ

(И. П. ПОСТНИКОВУ)

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес, и постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь за лес, там и сям,
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее

От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами;
Но и ее уж нет! О! Я бы рад отсель
Лететь, бежать, итти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор,
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах:
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор!

Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли, открыты туда и сюда;
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,

Далеко: там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые, словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

1844

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

В те дни, как только что с похмелья,
От шумной юности моей,
От превеликого веселья
Я отдохнуть хотел в виду моих полей,
В тени садов, на лоне дружбы;
В те дни, как тих и неудал,
Уже чиновник русской службы,
Я родину свою и пел и межевал,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гульливой головы,
В те дни стихом из дальня края
Торжественно меня приветствовали вы,
Стихом оттуда, где когда-то
Шла ходко, смело жизнь моя,
Где я гулял молодцевато,
Пил крепкий, сладкий мед студентского житья...
Сердечно мил мне стих ваш бойкой,
Сердечно люб привет мне ваш,
Как мил, бывало, за попойкой
Заздравный крик друзей и звон заздравных чаш.
И что ж? Я не дал вам ответа,
Не отозвался стих на стих!
Но, беззаботного поэта,
Меня в те дни уже свирепый рок настиг,
Уж я слабел, я духом падал,
И медицинский факультет
Пилюлю горькую мне задал:
Пить воды за морем! И пил я их пять лет!
Но вот в Москве я, слава богу!
Уже не робко я гляжу

И на Парнасскую дорогу,
Пора за дело мне! Вину и кутежу
Уже не стану, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу:
Потехи юности удалой
Некстати были б мне: неюному челу
Некстати резвый плющ и роза...
Пора за дело! В добрый путь!
Довольно жизненная проза,
Болезнь, гнела меня и мне теснила грудь,
И мир поэта, мир высокой
Едва ли мне доступен был
В моей кручине лежебокой,
В глухом бездействии, в упадке чувств и сил.
Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом
Я отогнал, и подаю вам руку!
Спасибо вам, что вы в томлении моем
Меня и там не покидали,
У немцев; в дальной стороне
Мою тоску вы разгоняли,
Вы утешительно заботились о мне!
Желайте ж вы мне, чтоб я скоро
Стал бодр, как был, чтоб вовсе я
Стал молодцом, и было б споро
То исцеление... О братья! О друзья!
Ужель дождусь я благодати,
Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати
И гоголем пойду и песню затяну!

К. К. ПАВЛОВОЙ

Тогда, когда жестоко болен
Телесно, и жестоко хил
Душевно — я судьбою был
Жить на чужбине приневолен;
Когда под гнетом же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или Гомеровы мольбы, —

И в том моем томленьи жестком
Всегда, везде я помнил вас;
На ваш отрадный мне возглас
Всегда готовым отголоском
Я отвечал; и самый Рим,
Со всей громадою высоких
Воспоминаний, дум глубоких,
В душе встающих перед ним,
Палаты, храмы и столбницы,
И все, что ныне говорит
Поэту — мрачно-гордый вид
Самовластительной столицы
Трех поэтических миров
Минувших, и поля пустынны
Кругом ее, — давно-старинный
Упрек сынам ее сынов! —
И самый Рим давал мне волю
Воспоминать об вас; и в нем
Я вашим счастливым стихом
Любуясь, тягостную долю
Мою нередко забывал.
Так я ль, теперь, когда оставил
Чужбину, и уже направил
Мечты туда, где я живал;
Так я ль, когда хвораю мене
И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавице, Камене,
Зову ее к себе; когда
Я здесь, в Москве, где так красивы
И так любезно расцвели вы
Для вдохновенного труда,
И расцвели хвалой и славой,
Где стих ваш ясен, как хрусталь,
Как злато, светел; тверд, как сталь,
Звучит и блещет величаво;
В Москве, где вас, я помню, я
Не раз, не два, и всенародно
Пел горячо и превосходно,
Певец свободного житья,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вам, —

И подобает тем стихам
Хвала моя: в ту пору вами
Моя кружилась голова —
Теперь ли я — какой же буду
Поэт я, если позабуду
Все ваши милые права
На стихотворные творенья
Мои? — Не будет никогда
Мне столь великого стыда,
Столь многогрешного паденья
Не будет мне. Смотрите: вот
Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде
Почти не смея доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде,
Когда лишь только что дышу
Вольнее, и лишь не сурово
Гляжу на свет, — вот жизни новой
Цветы я вам уж приношу!

К. К. ПАВЛОВОЙ

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иныя,
Что вам отечество Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогрудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Ведь он не всякому по силам!
А почитательницам милым
Чужесловесных дум и книг
Он не доступен — и не знают
Они его — они болтают
Другим, не русским языком
Свои мечты и впечатленья:
И нет на них благословенья.
Они у бога нипочем!

Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гёте
Послушны вам, как ваш родной.
Я вас хвалю — и рад я буду,
Когда пойдет ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвиг ваш, во имя ваше:
Она действительней и краше
И в свете более смела,
Скорей отыщет грешны души:
Да слышит, кто имеет уши!

ПОСЛАНИЕ К Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВУ

Да сохранит тебя великий русский бог
На много, много лет. Ты сильно мне помог:
Уж ты смирил во мне презлую боль недуга:
Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И все могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдений
Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала! —
И верь ты мне, ее нимало не смущает,
Что вижу, слышу я, как тявкает и лает,
И воит на тебя и съесть тебя готов
Торжественный союз ученых подлецов!
Иди своим путем! Решительно и смело
Иди, не слушай их: возвышенное дело
Наук и совести им чуждо, им чужда
Святая чистота полезного труда,
Святая прямизна деятельности чистой.
Так что тебе вся злость, весь говор голосистый

Твоих врагов! Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,
Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса!

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина,
И берег с грудой гор и скал
Дрожали, — и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И все поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов алтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще! Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал,
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал.
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облак унесла:

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!
И песню ту принес он долу,
Священным трепетом объят.

И церковь те слова святыя
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли,
Носись душой превыше праха,
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной.
О! Пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишьи сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье, вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

В. Н. АННЕНКОВОЙ

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос!
В те дни, как меж лилей и роз,
Раскидист, свеж, блестящ и ярок,
Цветок веселого житья,
Я полон жизни красовался,
И здесь в Москве доразвивался

И довоспитывался, — я,
В те дни, златые дни, быть может,
И стоил этих двух венков:
А ныне... я уж не таков.
Увы! Болезнь крутит и ежит
Меня, и ест меня тоска;
А вы и ныне благосклонны
К тому, чьи песни самозвонны
Давно молчат, чья жизнь горька,
Кого давно уж, как поэта,
И не приветствует никто!
Лишь вы теперь, — и вам за то
Моя хвала и многи лета!
И много, много дай бог вам
Созданий стройных, сладкогласных,
Прекрасных дум, стихов прекрасных
Таких всегда, какие нам
Вы так пленительно дарите;
Да будут вечно, как они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цветите!

А. Д. ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуюсь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,
Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва, едва колышет
Густоветвистую их тень,

Блестит, как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы... Вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный, юный стан, вот руки над водою
И груди белые, как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!
Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется, дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн
По звонкому руслу, с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул и сад перед аулом,
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинный
Один возвысился над ней,
Давно-безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собою
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты
И плющ зеленый по скалам
Взвился; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ...
Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!
Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,

Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжа алмазные вершины,
Короны каменных царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!
Но полно рисовать тебе Кавказ! Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,
Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной
В страну раздолий и равнин,
Где, величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко, красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведет с собою
Красивы, пышны берега
И купы островов над зеркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз
Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ!

А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла, —

О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была,
И приголубленная вами,
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг, —
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне:
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты,
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной; но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;

Вас и царственная Гера
Не взлюбила б и гнала,
Непощадно б и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды
Вам не страшны... Но, ей-ей,
Я бы рад краеугольный
Камень храма положить,
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянный
Жаркий, пылкий фимиам.

А. В. КИРЕЕВОЙ

Тогда как сердцем мы лелеем
Живые сладкие мечты,
И часто розам и лилеям
И незабудкам красоты
Мы поклоняемся, и нежно
Их величаем и поем,
Полны любви самонадежной,
Сгорая пламенным огнем;
В те дни желаний легкокрылых,
Восторгов, мыслей и стихов,
Счастливых, радостных и милых,
Когда весь мир нам люб и нов,
Гостеприимен и чудесен, —
В те дни разгара чувств и сил
Я много, много, много песен
Сердечных вам бы посвятил,
Свободно, весело лелея
Живые, пылкие мечты!..
Нет, вы не роза, не лилея,
Вы, просто, чудо красоты!
Я перед вами на колена
Упал бы, трепетный, немой,

Навек, навек, в оковы плена
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза б остановились,
К земле б склонилась голова,
Смешались, смерли б и сбились
Во мне все чувства и слова...
Теперь, мои младые лета
Прошли, решительно прошли;
И вы во мне уже поэта
Смиренномудрого нашли:
Теперь, холодный и бесстрастный,
Я вижу только суеты
Везде, во всем. Нет, вы прекрасны,
Вы, просто, чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили
Лучи огнистых ваших глаз:
Мои глаза остановились,
К земле склонилась голова,
Смешались, замерли и сбились
Во мне все чувства и слова.

КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно
За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,
Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты.
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.

Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой,
И кто неметчине лукавой
Передался. — И вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русских городов
Сменить на пышную блудницу
На Вавилонскую готов...
Дай руку мне. Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам
Вполне служи, вполне вверяйся,
Но не мирволь своим врагам!

К НЕ НАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И обнемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот

Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине; не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу;
Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу,
Он чужд, он странен, дик для вас!
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят:
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам. Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святыя
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап,
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на все, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами;
Друг другу их передаем
Страннoприёмными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда

Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе, без крику и без шуму,
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем
Унылом странствии в чужбине, собеседник,
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый, и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он все препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это все плоды его сомнений,
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикий,
Его же лишь Тидид, муж крепости великий,
Поднять и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага... таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою, восстановитель мой —
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

А. В. КИРЕЕВОЙ

Я вновь пою вас: мне отрадно,
Мне сладко петь и славить вас:
Я не люблю, я враг нещадный
Тех жен, которые от нас
И православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли,
И запад ласково их тянет
В свои объятия... но вы, —
Он вас к себе не переманит
Никак, — нет, вы не таковы:
Вы изменить не захотите
Заветным чувствам; вы вполне,
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, славянской стороне,
И сильно бьется сердце ваше
За нас. И тем милее вы,
Великолепнее и краше,
Вы — украшение Москвы!

И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои вдохновенья живые,
И сильны, и звонки, и чисты они:
Да будут же годы твои молодые
Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;

Живи ты свободною жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле; и если тебя очарует
Красавица-роза, не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь развивает
Высокие чувства — и ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна.
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт, и без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся
Красавице-розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

К БАРОНЕССЕ Е. П. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей,
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный,
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской,
Весь свой разгул души студентской —
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас двоих
Певцов — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник и подружник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жжёнки ромовой!
Ее вы сами сочиняли:

Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали,
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам.
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета, —
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жжёнки пламенной, за звон,
Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были полны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах! Помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Когда б досталась мне корона
России, я бы тот же час
Под сень блистательного трона

И царской власти позвал вас.
Я вас осыпал бы сияньем
Могучих титлов и честей,
Я б окружил вас обожаньем
Державной челяди моей,
И, забавляя вас привольно,
Я забывал бы ради вас
Все, все, — и века дух крамольный,
Восток, и Запад, и Кавказ,
Свои дела, свои законы
И всю судьбу моей земли!

Но нет на мне такой короны,
Но вы туда бы не пошли,
В те лучезарные чертоги,
Где, презирая всякий срам,
Летают жены резвоноги
По раззолоченным полам,
Очаровательно взвевая
Свой легкий, ветреный наряд,
Великолепно соблазняя
Великий царственный разврат!
Вы не пошли бы в тот град шумный,
Вам чужд, противен, мерзок он,
Он, тот беспутный и безумный,
Бесстыдный невский Вавилон!

Нет, в наши дни пустых и гордых
Чувств и желаний, в наши дни
Ничтожных душ, сердец не твердых
И жалкой низкой шаркотни
Сумели вы себя поставить
В свободный, тихий, светлый круг
И чистым именем прославить
Ваш быт семейный и досуг;
Сумели счастливо и здраво
От пошлой, рабской суеты
Сберечь святое ваше право
Высокой, чистой красоты.
И ваша жизнь легко и стройно
Идет, как прежде шла она,
Благообразна и спокойна,

Благочестива и ясна!
И расцвели вы своенравно
И выше всех мирских клевет!
И вот за то вам мой заздравный
И задушевный мой привет!

К. К. ПАВЛОВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал,
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры
Благодатной, бестуманной
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность,
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славить вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур не благосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую

Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры, и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой
Беззащитного гоня,
И теперь я — ваш глубокой
Почитатель, и готов
Вас попрежнему высоко
Славить множеством стихов.
Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

САМПСОН

(А. С. ХОМЯКОВУ)

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья филистимской земли,
Себе на потеху — они и Сампсона
В оковах туда привели

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,

И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему:
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, — но смирился,
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели, — и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! Бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

К А. Д. В-У

Пред вашими глазами
Стоит приятель мой,
Смотрите, вот какой:
Опрысканный духами,
Причесан мастерски,
Немного вас пониже,
Одетый как в Париже
И смотрит сквозь очки;
С учтивостью парадной
Играет шляпой он —
И головой помадной
Вам от меня поклон.
Глаза его сверкают
Блистательным огнем
И с гордостью взирают,
Показывая в нем
Писателя-поэта;
Он духом — либерал,
Ногами он — для света,
А головой — журнал.
Он славу здесь большую
Достал своим пером;
Его рекомендую
И вас прошу об нем:
Примите как родного
(Он дед мне по стихам —
Писателя дурного
Я не послал бы к вам).
Он свет и женщин знает,
Из секты остряков —
Итак — имеет средства

На балах ваших быть,
И дам и дев кокетства
Вниманье заслужить.
Прошу вас — отведите
Его в дворянский круг,
Ласкайте и любите:
Он мой судья и друг;
Надеюсь, что, конечно,
Он в вас меня найдет,
И с радостью сердечной
Благодарю вперед.

К А. А. Р-У

Письма сего податель —
Давнишний мой приятель;
Прошу его принять,
Как моего собрата,
Под тихий кров пената,
Любить и обласкать.
Он служит на Парнасе
Судьею русских муз,
Имеет тонкий вкус
И боек на Пегасе;
Как автор недурной
В журналах он известен,
Пленяет остротой,
И слог его прелестен;
Измайлова журнал,
К падению готовый,
Он славно поддержал,
И в свой венок лавровый
Ввязал листок дубовый —
Знак мужества и сил.
С мущинами он важен,
В собраньи дам — он мил,
В кругу девиц — отважен;
Остер, как Аруэт,
Учен, как Пиэриды,
И с юношеских лет
Усердный жрец Киприды;

Но, впрочем, как поэт,
Любовию небесной
Он любит пол прелестный;
Неумолимый враг
Безумцу Эпикуру —
Он в пафосе монах
И жертвует Амуру
Не страстию мирской,
Не пылкостью нахальной, —
Но тихою мечтой
Души сентиментальной.

Итак, любезный мой!
Прошу ему привета;
В толпу большого света
Его введите: он
Здесь дам интересует,
Как ангел вальсирует,
В мазурке — Апо́ллон,
И, верно, очарует
Собою ваших дам.
Поверите ль? Я сам,
Как вместе с ним учился,
Его лихим ногам,
Завидуя, дивился
И от души сердился,
Зачем не дал мне бог
Таких чудесных ног.

Надеюсь я, что вами
Доволен будет он
И с честию введен
В тот храм, где жрец вы сами,
То-есть, в симбирский свет, —
Тогда, клянусь богами,
Хвалебными стихами
Давнишний ваш поэт
В послании пространном
Поклон отправит вам,
И в сердце постоянном
Воскурит фимиам
Отеческим богам.

К ***

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеет и хранит мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы
И пылкие умы и рыцарские нравы...
Ах молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи: она, прибежище и сила
И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога —
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий —
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

* * *

Увенчанный и пристыженный вами,
Благодарить не нахожу я слов;
Скажу одно: меж царскими венцами

Не видано прекраснейших венцов!
Пусть лаврами украшен я не буду,
Пусть сей венец поэту в шутку дан;
Но — ваш казак — я вечно не забуду,
Как пошутил со мной мой атаман.

К ***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, — но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами,
Безмолвны, тихи, смущены,
И бестелесными мечтами,
Как страхом божиим, полны!

К ***

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гёте
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.
Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Не чувствительны здесь люди,
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки!

Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

* * *

Вы скоро и легко меня очаровали,
Не посмотрели вы на то, что я поэт,
И самовластно все мечты мои смешали
В одну мечту, в один любовный бред!
И много брежу я: с утра до самой ночи
Я полон вами: вы даруете мне сны;
Мне дивный образ ваш сверкает прямо в очи
В серебряном мерцании луны.
Цветущий младостью, прелестный, светлоокой,
С улыбкой на устах и сладостном челе,
Как мил он мне тогда, как действует глубоко
На сердце в тихой, лунной полумгле!
Томленье нежное на сердце он наводит
И пробуждает он полночную мечту,
И перед ним она шалит и колобродит,
Так и летит на вашу красоту —
И что ж? Весь этот рай желаний сладострастных
И треволнение и жар в душе моей
Вы сделали одной улыбкой уст прекрасных
И мигом черных, пламенных очей!

КРАМБАМБУЛИ

Крамбамбули, отцов наследство,
Питье любимое у нас,
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.
  Тогда мы все: люли-люли!
  Готовы пить Крамбамбули!
  Крамбамбули, Крамбамбули!
Когда случится нам заехать
На грязный постоялый двор,
То прежде, чем спрошу обедать,
На рюмку обращу я взор!
  Тогда хоть чорт все побери,
  Когда я пью Крамбамбули!
  Крамбамбули, Крамбамбули!
Когда б родился я на троне
И грозных турок побеждал,
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
  Toujours content et sans souci,
  Lorsque je prends Crambambouli!
  Крамбамбули! Крамбамбули!

ПОЭМЫ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ
СКАЗКИ

СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

(ДМ. НИК. СВЕРБЕЕВУ)

Дай, напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,
И не влюбляться. — Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города;

Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей,
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.
Ну, милая, гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Чтó петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу; —
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь и стал
Шалить в лесах и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал;
Безлюдели торговые дороги;
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги;
Но не было в них пользы ничего:
Вотще в лесах зык рога раздавался
И лаял пес и бухало ружье:
Свирепый зверь, казалось, посмевался
Придворным ловчим, продолжал свое,
И, наконец, встревожил он ужасно

Все королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы,
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего,
И объявил: что, кто вепря погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужство — королевну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира;
Улыбка слаще меда и вина,
Чело — как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И, сверх того, красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали, кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил,
И жениха ей выжидал такого:
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был;
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся
И хвастают и ерофеич пьют;
А нет им счастья. — Месяц гарцовали

В отъезжем поле, здесь, тут, там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам...
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес,
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, — и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, что́ будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград, —
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул. — Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил;
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него;
И молодые зажили счастливо.
Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.

Готова сказка! весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал, и что бессмертен я.
Я совершил не шуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1835

ЖАР-ПТИЦА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

I

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЕГО МИНИСТР

Царь Выслав

Министр держит блюдо с яблоками.

Вот яблоки, так яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет, как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи. А вкус! Не то что сахар
Иль мед. Гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо,
Из милых уст в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(Кушает яблоко)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час

Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однакож
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же, — прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

Министр

Их было больше, государь!

Царь Выслав

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе,
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом.
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю,
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,

В блистательных чертогах богача,
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах!
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Все-таки поймать!

Министр

Поймать ее! могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И все напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предъисторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха,
Иль много, что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблоню и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост, —
Он закипит лучами, словно солнце, —
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем все это от нее ж,
И тишина, такая тишина
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

Министр уходит.

II

Царь Выслав (один)

Ц а р ь В ы с л а в

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос!

(Ходит по комнате)

Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но, лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как
Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек, —
Ну человек такой, чтобы природа
Могла сказать о нем: «Вот человек!» —
И глуп и мал, как мой последний раб.

III

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ

Ц а р ь В ы с л а в

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует
И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,
Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она дотла опустошит
Наш сад. Да мне, царю, и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!

Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад,
И яблоки ворует дорогие,
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван царевич?

Иван царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но все напрасно.

Иван царевич

Что же,
Нам прикажи: мы сыновья твои,

Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось, поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол, и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семячке! .. Авось,
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи: ходите
В наш царский сад, по брату кажду ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

IV

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРИЙ И ВАСИЛИЙ

Димитрий царевич

Ты правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула

Так и влечет и клонит человека:
Шелковый луг, весенняя прохлада
И тишина заповедного сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблоней и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь, меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал и, право, уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий царевич

Все это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица
Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: ка́к нам быть, когда
Иван царевич...

Василий царевич

Ты мне странен, брат;
Куда ему! И он проспит, как мы!

Димитрий царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

V

ТЕ ЖЕ И ЦАРЬ ВЫСЛАВ

Царь Выслав

Мне право жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим, что-то скажет
Иван царевич?

Димитрий царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий царевич

Да,
Оно не трудно, если прилетала...

Димитрий царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван царевич! Как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

VI

ТЕ ЖЕ И ИВАН ЦАРЕВИЧ

Иван царевич

Перо Жар-Птицы!

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли?

Иван царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван царевич

Очень просто:
Я влез на яблонь и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился.

Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.
Вдруг вижу: что-то, на краю небес,
Как звездочки заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблони — и листья зашумели;
Однакож я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон!
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав
(рассматривая перо)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! Знать, цельно-золотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад жар-птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
Попрежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,
Что ты, Димитрий... Ну, Иван царевич!
А я грешил: я думал ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(Целует Ивана царевича)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный! Позови

(Василию)

Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

VII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ

Царь Выслав

Итак, Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и все у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: все как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том, о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты, —
В бессонницу они празднолюбивы, —
Мои мечты пестрелись и кипели,
Как ярмарка, — и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,
Как юноша, доверчиво и страстно:
Мне хочется, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего,
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,
Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван царевич

Не нужно мне полцарства твоего! —
А просто, так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы, старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Я это знал, друзья!
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час,
Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радушен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу

Под утренним сиянием небес,
При веяньи прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет,
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гульливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорных же бесед и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите, как чумы;
Велите ваши сабли наточить
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют 52 раза прямо в цель!
Прехитрые!.. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты «Кизляр-Агу»,
Иль «Мустафу», а ты, Василий, — «Негра»!

Димитрий и Василий царевичи уходят.

VIII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ИВАН ЦАРЕВИЧ

Царь Выслав

Мой друг, Иван царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды

Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?
А я сиди, прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я — младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.

Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний; я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;
Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где, что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать.

Иван царевич

Все это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я — человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь:
Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови, ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?

Так я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто не заметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю,
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу...

Иван царевич

Так я умру с тоски.
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Всегда, везде, во сне и на яву
И думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких не много в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;
А в высоте, над пышною столбницей
Заблещут в ярких, золотых лучах,
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;
Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек безумолку
И потчевать бесчисленных гостей
Обедом, яствами сахарными, медами,

Вином и пивом, вдоволь, до упаду;
А вечером — музыка роговая,
Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск, и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

(подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно,
И привезу ее тебе живую!
Царь батюшка, прощай же, я не долго...
Не стану медлить, я готов в дорогу.
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Уходит.)

IX

Иван царевич

(в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,
Несносно-скучен! Еду третьи сутки,
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой,
И забренчит опущенной уздой,

Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь, повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина,
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, тот будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Итти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево?
Чтобы меня убили!.. А мой конь,
Мой верный добрый конь, надежный мой
товарищ,

Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они!

X

Иван царевич
(в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?
И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал
И громко топал бурными ногами,
Что растревожил самого тебя
И все твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк! Осиротил меня!

XI

ИЗ ЛЕСУ ВЫХОДИТ СЕРЫЙ ВОЛК

Серый волк

Прости меня, Иван царевич!

Иван царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван царевич.

Иван царевич

Поздно

Ты обо мне жалеешь.

Серый волк

Право жаль,

И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко-непреложный.
Ты помнишь, что́ предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,
Но будь спокоен: я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня,
И поезжай на мне, куда угодно,
Как на коне, на самом удалом.

Иван царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

XII

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись; а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;

Иди себе, не бойся их нимало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси, а клетку золотую
Оставь, как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее
Звончатые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

XIII

ЦАРЬ ДОЛМАТ И СКАЗОЧНИК

Царь Долмат лежит на кровати, перед ним на полу сидит сказочник.

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ, привыкший в захолустьи жить,
Почти бескнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?
Царь был премудр и начал он сначала:
Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось не довольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольный,
Пошел узнать в далеких сторонах
Все нужное для своего народа;
И все узнал он собственным трудом,
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:
Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял
Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственно своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут — и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает,
И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!
Нет, погоди! Я слышу...
Так, звонят!
И крик и шум, неужели пожар?
Ох, я боюсь пожара, как огня!

XIV

ТЕ ЖЕ И СТРАЖА С ИВАНОМ ЦАРЕВИЧЕМ

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Все слава богу! Поймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

Вводят Ивана царевича.

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван царевич

Я сын царя Выслава,
Иван царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Андроновича, что ли?

Иван царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные, и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:

Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то,
Иван царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим, хоть десяток,
Ученых и бессовестных мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,
Опишут с головы до ног, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!
Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там
Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью:
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови,
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься, как с другом,

И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван царевич

Я согласен. .
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь: нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак, прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван царевич!

Иван царевич уходит.

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,

За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец,
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов, —
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил, —
Тот подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный;
А между тем . . . .

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику)

Мне кажется, тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV

ТРАКТИР, ХОЗЯЙКА И ДВОЕ ГОСТЕЙ

Хозяйка сидит у окна за книгой. Гости перестают играть в карты.

Первый гость

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

Второй гость

Сегодня
Тебе несчастье: как же быть, мой друг?
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал.

Первый гость

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капля в море
В сравнении с моими векселями.

Второй гость

Вольно ж тебе играть на векселя!

Первый гость

А где мне взять наличных, если нет их?

Второй гость

Известно где: именье заложи!

Первый гость

Заложено.

Второй гость

Продай его.

Первый гость

Задаром?

Второй гость

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

Первый гость

Да чище ли?

Второй гость

Ты шутишь очень мило.

Первый гость

Я не шучу.

Второй гость

Ну вот, уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг, — ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться!
Сыграемся хоть завтра же.

Первый гость

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

Второй гость
(записывает и показывает ему книжку)

Смотри же сам. Так, кажется?

Первый гость

Так точно!
(Встает)

Как я устал, и голова болит!

Второй гость
(встает и подходит к хозяйке, припевая)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой».
Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица; что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый; что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет;
Всегда одета чисто, новомодно,
И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

Первый гость

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду,
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

Второй гость

Неправда!

Первый гость

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко
На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри, какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,
Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно:
И поутру и вечером.

Второй гость

Он проигрался и сердит на всех.
Не обижайся! Это не надолго!

Входит еще гость.

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

Первый гость

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

Третий гость

Как шла у вас игра?

Первый гость

Что нового?

Третий гость

В газетах ничего.

Первый гость

А в письмах?

Третий гость

В письмах то же, что в газетах!
Однакож есть и новость: говорят,
Что будут к нам, на этой же неделе,
И проживут у нас до белых мух,
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денег не жалеют;
А странствуют incognito: один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист и по большой!

Второй гость

А в банк?

Третий гость

Об этом я не знаю; но, конечно,
И в банк играют; ездят же они,

Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем ⟨и⟩ время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми попрежнему. Я слышал
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно, простудились.
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

Второй гость

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться
С своим здоровьем несколько скромнее, —
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

Третий гость

Для вас же лучше.

(К первому, смотря на часы)

Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

Димитрий и Василий царевичи входят.

Димитрий царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий царевич

Шампанского!

(Садится)

Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,

Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

Третий гость

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно, где гати!..

Третий гость

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий царевич

Из Дувра,
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем, — приехали и к вам.

Третий гость

Какая цель поездок ваших?

Димитрий царевич

Все,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь
Едва ли есть такие птицы: здесь
Климат холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

Третий гость

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

Второй гость

Дрозды, сороки, воробьи...

Первый гость

Грачи...

Третий гость

Тетерева и прочие простые...

Приносят вино и бокалы.

Василий царевич

(Наливая)

Угодно вам шампанского?

Третий гость

Позвольте
Поздравить вас с приездом!

(К первому и второму)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

Первый и второй гости

(пьют)

С приездом!

Третий гость

Вино не дурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные.

Второй гость

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

Василий царевич

Прекрасное вино!

Хозяйка

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

Третий гость

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Хозяйка

Я не знаю:
Все хороши!

Третий гость

Какое лучше всех?

Хозяйка

Ей-ей не знаю. Я не пью вина.

Третий гость

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Димитрий царевич

Подать рейнвейну!

Второй гость

И зеленых рюмок!

Димитрий царевич

Скажите мне, здесь весело живут?

Третий гость

Порядочно: умеют есть и пить,
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий царевич

Все это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

Третий гость

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя
И требовать, чтобы так скоро; впрочем,
И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,

Полушампанским, ромом, три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы. . . .

Димитрий царевич

Есть у вас театр?

Третий гость

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

Приносят вино.

Вот рейнвейн!

(Смотрит на бутылку)

Тот самый!

Пьют.

Не правда ли, отличное вино?

Димитрий царевич

Да, хорошо, хотя и молодое!

Третий гость

К нам не доходит старое вино.

Первый гость

А молодое здесь не долговечно.

Третий гость

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Димитрий царевич

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

Третий гость

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий царевич

Говорите!
Я очень рад...

Третий гость

Вот вместе с нами, — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный, — я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок;
И хлебосол, и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц, — есть премилые, — решайтесь!
Все вас полюбят, примут, как родных.

Василий царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

Третий гость

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василий царевич

Я почти согласен.

Димитрий царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

Димитрий царевич и Василий царевич уходят.

Третий гость

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

Первый гость

Мне они
Понравились, — особенно вот этот,
Что потчевал шампанским.

Второй гость

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

Третий гость

Как умны,
Учены, добры, милы!

Второй гость

Не жеманны:
Я полюбил их, только что они
Вошли.

Третий гость

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора,
Ведь хорошо я сделал...

Первый гость

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

Третий гость

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,
Богатые; их надобно ласкать,
Уметь ценить их.

Первый гость

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

Второй гость

Мы гостеприимны.

Третий гость

Не должно врать...

Первый гость

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

Третий гость

Нет, извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

Второй гость

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

Димитрий царевич и Василий царевич приходят.

Третий гость

(подает им шляпы)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем,
Как следует, не рано и не поздно.

Все уходят.

XVI

СЕРЫЙ ВОЛК ОДИН

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила
В нем весело играет и кипит;
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить! Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:

Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван царевич

Прости меня, мой добрый серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван царевич

Я со стены спрыгнул благополучно,
Все было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды, не брать узды!» и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул; а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя, —
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи! —
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон и крик, и страшная тревога!
Меня схватили, молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу.

Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен,
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,
Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван царевич

Эге, ге, ге!

Серый волк

Ну, мой Иван царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену: а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство! Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом,
Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекраснюю Еленой, и тебе
Отдам ее руками.

Иван царевич

Добрый волк!
А мне было хотелось самому...
Да все равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(Садится верхом на волка)

Пошел же поскорее!

XVII

ИВАН ЦАРЕВИЧ

Иван царевич

(под зеленым дубом)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир,
Журчат ручьи и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем,
Под сводом неба ясно-голубым!

А что со мною будет, если волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда итти.
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малый,
Смел и проворен, служит мне охотой,
Достанет он прекрасную Елену,
Верх совершенства! Стало-быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!
Я буду волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену,
Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу, —

И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

XVIII

ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК С ЕЛЕНОЙ

Серый волк

Иван царевич, принимай руками
Прекрасную Елену, вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:
Я так незапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых, молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А впрочем, я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван царевич

(смотрит на Елену)

Жесток ты, волк!

Серый волк

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(Смотря на нее)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых

Подробностей, оттенков и частей,
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи —
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые!
Глаза у ней! Ах, мой Иван царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,
И светятся они таким огнем
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена

(смотрит кругом себя)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная!.. Куда
Меня... Так точно, все это не сон,
Меня разбойники украли, я умру!..

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив ни мертв, стоит, как полоненный
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза, и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый, серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван царевич тих и благонравен,
Застенчив даже; отвечай скорее,
Иван царевич, не робей, мой витязь!

Иван царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка!

Елена улыбается.

Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда,

Иван царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, по-наслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем, и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвался с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым; но зато
Преопытным и мудрым, как Улисс.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту,
Как серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван царевич

Мне досадно,
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы

Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь, и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты
Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел
Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися, и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное
Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души,
И каждым чувством сердца вас люблю;
Все, чем живу и движусь, чем я мыслю,
Желаю, верю и надеюсь, все
Все это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье;
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть! Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменить коня?

Иван царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель.
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону: он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,
Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит
Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной, что надобно судьбе!

Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,
Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван царевич

Добрый волк!
Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван царевич

Как ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак!
Ни за табун коней золотогривых
И ни за что на свете не могу!
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван царевич
(задумывается)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да, я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,
На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет)

Серый волк

Не плачь, Иван царевич!

Иван царевич

Ах, мой добрый волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

Елена плачет.

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих, — успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену не надолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону,
И на своем коне золотогривом

Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

X

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК

В лесу.

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им
Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев, — царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным,
И мимолетным вешним облакам,
Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,

Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила,
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердо
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В уныние, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть, — и наконец решился!
Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко
Игрой души влюбленный через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —
И я зевнула; он заметил это,
И замолчал и потихоньку вышел,
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь
Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном,
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов
С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.
Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск!
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:

«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг
К потоку чистых вод!»

Иван царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что, право, уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:
«Я рад сердечно, что у вас характер
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах,
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И все ему не впрок?

Серый волк

Все суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Что́, почему и для чего; потом
Спросил меня, что́ более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
Молоденькие шленские барашки.
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,

Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась
И трепетно и робко отвечала:
«Я непротивна. . .» Мы пришли домой,
И он тотчас <же> отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю, — он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала сесть им; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И, поминай как звали, прямо в лес!
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель,
Скорее ветра прибежал ваш волк,
Попрежнему готовый вам служить.

Иван царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и, верно, перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляться заочно. . .

Иван царевич

Милый волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный. . .

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван царевич, я готов на все,
Тебе в угоду: буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу ⟨и⟩ от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый серый волк.

XX

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу
И вздыбился и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал, как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «Помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался — и мигом
К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня,
И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал,
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах! Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное,*
Единственно и крепко. Будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цветите,

Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.
Иван царевич, я тебе служил
Усердно! Вам, прекрасная Елена,
Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; не долги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил,
Прости меня и позабудь о том,
А ежели я был тебе полезен
Моею службою — ах, Иван царевич,
Не поминай же лихом ты меня,
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте, и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови их, не вели им гнаться
За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван царевич, добрый мой,
Прощайте. . .

(Убегает.)

Иван царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил, — мой верный
Слуга, какого мне уж не найти. . .
Я им доволен.

(Плачет)

Мы домой поедем;

Здесь недалеко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня,
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
«Царь-батюшка! Я вам привез Жар-Птицу
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этот конь — он златогривый конь —
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он не дурен,
И резвоног и крепок, добрый конь».
Ах, милая Елена, мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его — и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.
А что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

XXI

ИВАН ЦАРЕВИЧ УБИТЫЙ, ЕЛЕНА, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ И ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ

Димитрий царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?
Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий царевич

(смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий царевич

А в Кунигунду?

Димитрий царевич

Неправда.

Василий царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,
Я говорил?!.. Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий царевич

Так жеребий, — пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий царевич

Пожалуй!

Василий царевич

Вот сейчас.

(Делает жеребьи)

Димитрий царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий царевич

(вынимает)

Резвый мой!

Василий царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий царевич

(вынимает)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий царевич

Ты помни же, Елена...

Уезжают.

XXII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ, ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА

Обедают.

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,
Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,

А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас все внове,
Все будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и незапно,
Так быстро торопились от погони
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-Птицей, — что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий царевич

Ведь вы — моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван царевич?

Василий царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий царевич

Знать, он заехал чересчур далеко,
Иль заплутался.

Димитрий царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь, я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу: он дитя!
Ну мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг, Иван царевич!

(Плачет)

Елена плачет.

Димитрий царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

Входит **Иван** царевич. Елена бросается ему на шею.

Елена

Иван царевич! Мой Иван царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена

Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван царевич. Он достал для вас
Жар-Птицу, златогривого коня,
И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

Василий царевич
(на коленях)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Димитрий царевич

Зависть нас смутила.

Царь Выслав

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

Иван царевич

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Димитрий и Василий царевичи

Иван царевич, добрый, милый брат!
Иван царевич! Будь великодушен!

Иван царевич

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил
В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его,
«Послушай же ты, Ворон Воронович, —
Сказал ему мой добрый волк, — слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым». — «Принесу!» —
Сказал ему проворно старый ворон, —

И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал,
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они злодеи,
Братоубийцы!..

Василий царевич

Брат, Иван царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосердны,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван царевич. Встаньте!

Димитрий царевич и Василий царевич

(встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван царевич

Все забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она — моя невеста!

Елена

Ты — мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий царевич и Василий царевич

(с бокалами в руках)

Да здравствует Иван
Царевич и прекрасная Елена!

Иван царевич

(берет бокал)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза,
Как две звезды востока! Для нее

Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван царевич

Да здравствует Жар-Птица!

1836

СЕРЖАНТ СУРМИН

(БЫЛЬ)

Был у меня приятель, мой сосед,
Старик почти семидесяти лет,
Старик, каких весьма немного ныне,
Здоровый; он давно уж заплатил
Свой долг отчизне: в гвардии служил
Еще при матушке Екатерине;
При Павле он с Суворовым ходил
Противу галлов. Мой сосед любил
Поговорить — и говорил прекрасно —
О прошлом веке, жарко, даже страстно!
Ко мне в деревню, по воскресным дням,
Он приезжал. — Не скучно было нам!
Я вообще выслушиваю жадно
Изустные преданья: в них у нас
Для будущей истории запас.
И мой сосед рассказывал так складно,
Что хоть куда! Один его рассказ
Я повторю стихами, как сумею,
Употребляя в нем прозопопею:
«Вот то-то же! Вы спорите всегда!
В наш век ничуть не хуже люди были!
И что бы вы об нем ни говорили,
А жить не трудно было нам тогда!
Согласен я, что чересчур любили
Роскошничать и денег не щадили
Тогдашние большие господа!
Зато они гораздо проще были,
Они добрее, мягче были к нам,
Неименитым, маленьким чинам.

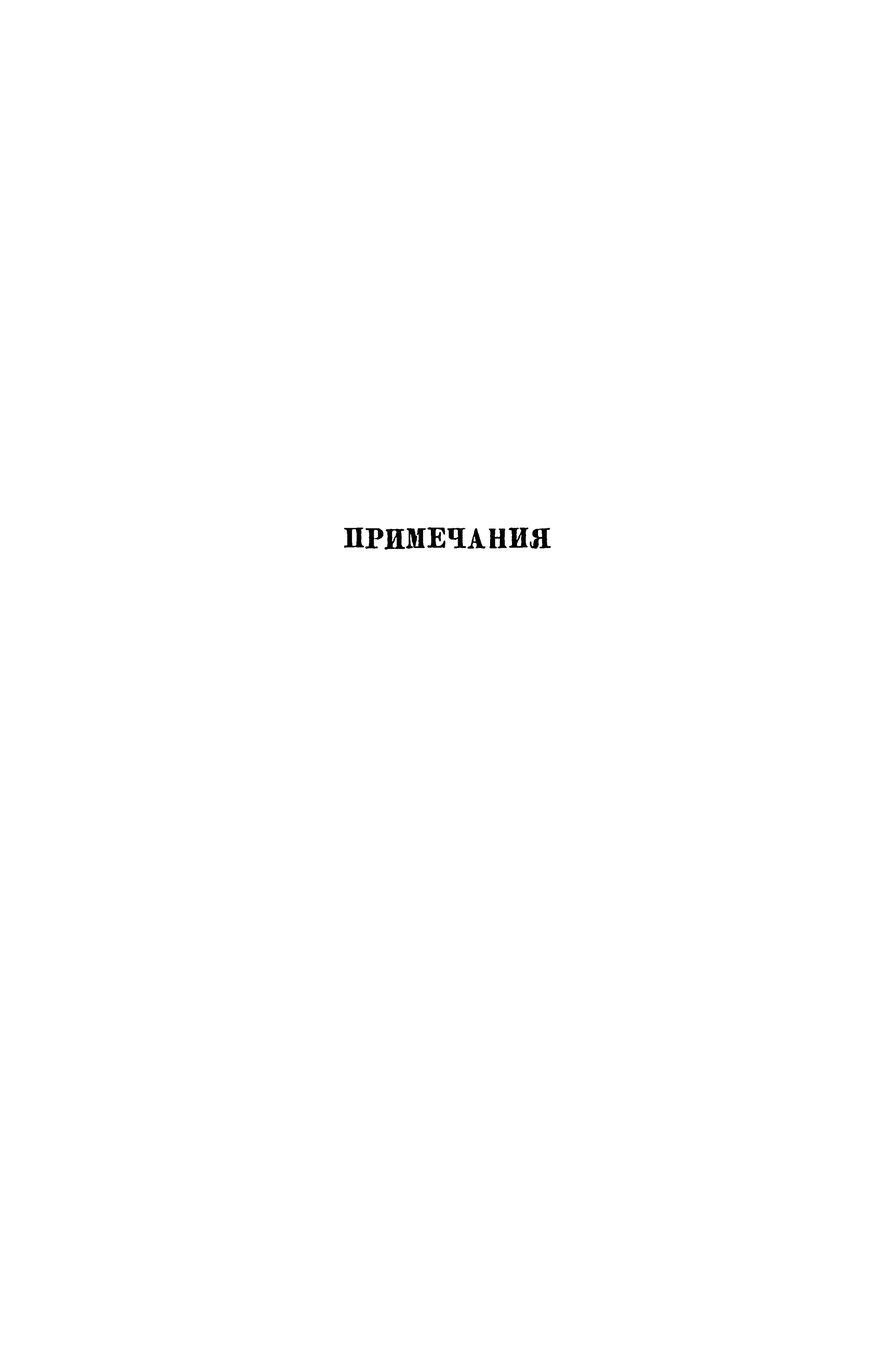
В наш век вельможа важный и почтенный
Был неприступен, крут между вельмож,
А с прочими был тих обыкновенно
И миловал полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ее грехов, а ради исправленья!
У нас в полку служил сержантом сын
Какого-то степного дворянина,
Саратовской губернии, Сурмин.
Я знал его; собой он был картина:
Высок и статен, боек и умен,
И не буян, и всем хорош был он;
Лишь та беда, что молодец дружился
Со всякой дрянью, не разборчив был
По этой части; только и ходил
Что на картеж, — и к банку пристрастился
Он всей душой и службу позабыл!
И день и ночь, бывало, с игроками,
Как бы прирос к зеленому столу,
Растрепан, безобразен, весь в мелу,
Угрюмый, сонный, с красными глазами!
Мы думали, погибнет наш Сурмин!
А каково отцу, когда он знает,
Как сын живет и время убивает!
Еще гвардеец! Он срамит свой чин!
Однажды он, поутру, занимался
Игрою в банк, вдруг стук шагов раздался,
И шасть курьер: «Кто здесь сержант Сурмин?»
Он боек был, однакоже смешался,
«Меня... я...» — «Вы? К светлейшему сейчас
Пожалуйте! Со мною же! Есть дело!»
К Потемкину? Не сон ли? Вот-те раз!
Что ж, так и быть! Сурмин поехал смело
К светлейшему. Роскошных комнат ряд
Сержант проходит; мраморные залы,
Как царские, убранствами блестят,
Полны гостей: вельможи, генералы,
В звездах и лентах, в красных, голубых,
Стоят и ждут! Сержанта мимо их
Ведет лакей учтивый и проворный,
И в кабинет. — «Сюда-с, прошу покорно,
Светлейший здесь, сюда!» Сурмин вошел

И видит: сам Потемкин на кровати
Сидит в пунцовом бархатном халате,
Пьет кофе; возле приготовлен стол
И карты. Князь, было, взглянул сурово,
Но вдруг сказал: «Ах, это ты! Здорово,
Сурмин! Ты в банк играешь?» — «Точно так,
Играю, ваша светлость, почему же
И не играть? — ответствовал смельчак, —
Мне от того на свете жить не хуже!»
«Садись! играй со мной, да не робей!»
Потемкин стал метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выиграл сержант пятьсот рублей.
Князь отдал деньги. На другой день тоже
Сурмин был позван к первому вельможе,
Играл с ним в банк, и выиграл опять.
Так и потом история тянулась;
Он рад ее хоть вечно продолжать:
Ему Фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! — Еще и то сказать:
Когда Сурмин по комнатам проходит
Из кабинета князя, как герой,
Сановники кругом его толпой:
Тот руку жмет ему, другой заводит
С ним разговор, и стал Сурмин знаком
Со знатью, стал на балы, маскерады
Он ездить; там ему все рады
И все его ласкают, он в большом
Ходу в кругу высоком; раздружился
Со сволочью, стал книги покупать,
И об чинах, о будущем мечтать,
Процвел душой, совсем переменился!
Стал ездить он в один семейный дом,
Понравился красавице, влюбился
И верно скоро будет женихом;
Она согласна! .. Целый город знает,
Что сватовство на лад уже пошло,
А между тем Потемкин продолжает
Играть с ним в банк. Однажды повезло
Светлейшему, и стал он бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить

Хоть до другого утра, нет, далеко!
Что будет, будет! Пан или пропал!
Сержант еще играет, — проиграл
Еще и много, денег не достало;
Он проиграл часы и перстень, — мало!
Еще играет, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочего, и вот беднее Ира
Сурмин, увы, спустил все догола!
Тут князь сказал: «Я больше не играю!
А ты разденься, мне отдай свой долг,
Да и ступай домой». Сурмин примолк,
Глаза потупил. Я воображаю
Его досаду, страх и стыд! Хорош
Он вылетит теперь из кабинета
Потемкина, как раз в толпу вельмож!
И что об нем молва большого света
И там и там, везде заговорит?
Он счастье знал, и вдруг неосторожно
Все потерял! Оно, как призрак ложный,
Исчезло, сам он навсегда убит
И для чинов, и для невесты милой,
И для всего, чем сердце полно было.
Беда, беда и только! Князь сердит
И пристает и требует ужасно:
Сурмин чуть жив, так и дрожит несчастный!
Весь побледнел, и слезы в два ручья!
«Ах, ваша светлость! Ах, не будьте строги!
Помилуйте! Приходит смерть моя!
Помилуйте!» И повалился в ноги
Светлейшему. «Ну, полно же, вставай! —
Сказал Потемкин, — я твой долг забуду,
Прощу тебе, ты мне лишь слово дай:
Не браться век за карты!» — «Век не буду,
Клянусь вам, ваша светлость, никогда
Играть не буду в карты!» — Побожился,
И с той поры он бросил навсегда
Картежные беседы, он женился
Превыгодно и службу продолжал;
Украшенный чинами, орденами,
В отставку вышел. Тут он рассказал,
Уж бригадир, какими он судьбами

Исправился и человеком стал:
Он молод был, связался с подлецами
И в шайке их он вовсе бы пропал...
Отец услышал про его несчастье
И написал письмо чрез одного
Старинного знакомца своего
К светлейшему, прося принять участье
В житье-бытье заблудшего сынка,
И князь исполнил просьбу старика!»

1839

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения Н. М. Языкова трижды были изданы при его жизни (см. Библиографию) и пять раз посмертно, из них три в виде полных собраний: издание П. Перевлесского (1858), А. А. Флоридова (в серии «Дешевая библиотека» изд. А. С. Суворина, 1898) и изд. «Academia» (1934) под ред. автора настоящей заметки. Последнее издание было первым критическим изданием стихотворений Языкова и явилось самым полным из всех существующих; в него вошло 346 стихотворных произведений, из которых 80 не входило ни в одно из предшествующих изданий, а 25 вообще впервые появилось в печати.

Настоящее издание не является полным собранием стихотворений Языкова, но текст в нем выверен заново по первоисточникам, — и, таким образом, устранен ряд вкравшихся в предыдущее издание опечаток и ошибок; в частности, исправлены в некоторых случаях ошибки в датировке. Кроме того, привлечены некоторые рукописные фонды, ставшие доступными только в недавнее время, что дало возможность пополнить настоящее издание (а вместе с тем и состав стихотворений Языкова) пятью новыми текстами, из которых четыре появляются в печати впервые, а одно затерялось на страницах «Благонамеренного», где было опубликовано без подписи.

В основу данного издания (как и в издании 1934 г.) положены тексты прижизненных изданий; но стремление установить подлинный исторический облик поэта заставляло, в некоторых случаях, делать (как и в изд. 1934 г.) отклонения от этого основного принципа. Так, например, довольно часто прижизненные тексты оказывались искаженными вследствие каких-либо внешних причин, — главным образом из-за требований цензуры. В таком случае предпочтение отдавалось более раннему рукописному источнику; в тех случаях когда какое-нибудь стихотворение не вошло в отдельное издание, а известно и в печатном воспроизведении (в журнале или альманахе) и в рукописи, как правило — предпочтение отдавалось последней, ибо очень часто в печатные тексты вносились (редактором или цензором) произвольные изменения. Конечно, в отдельных случаях имеются отклонения от этого основного принципа.

В некоторых случаях при воспроизведении текстов сохранены некоторые, наиболее характерные, особенности языковской орфографии; своеобразная пунктуация Языкова, как правило, не соблюдается, за исключением тех случаев, когда она подчеркивает свое-

образие интонации; прописные буквы в словах «Поэт», «Природа», «Гений», «Наука», «Муза» и т. п. не воспроизводятся, тем более что у самого Языкова в его поздних стихотворениях и письмах такое правописание не выдержано.

Заглавия в многочисленных посланиях у Языкова встречаются в двух видах: в изд. 1833 г. они, обычно, состоят лишь из инициалов адресатов, например: «П—ру», «А. Н. В—у», «К. К. Я.»; в изд. 1845 г., наоборот, не только фамилия приводится полностью, но и имя и отчество: «Каролине Карловне Павловой», «Графу Владимиру Александровичу Соллогубу» и т. д. В настоящем издании, так же как и в издании 1934 г., все заглавия посланий унифицированы. Буквенные заглавия изд. 1833 г. расшифрованы, а полные имена и отчества в заглавиях изд. 1845 г. заменены инициалами.

В прижизненных изданиях почти каждый текст имеет указание на дату и место. По мысли Языкова, эти указания вместе с заглавием должны были составлять единое целое, однако датировки сплошь и рядом (особенно в издании 1833 г.) — неточны; поэтому тексты воспроизводятся без этих указаний, датировка же самого Языкова, равно как и текст первоначальных заглавий, сохранена в примечаниях.

Основное содержание комментария в настоящем издании составляют материалы текстологического порядка, реальный комментарий сведен к минимуму; разночтения указаны лишь в наиболее существенных случаях.

Главнейшие сокращения, принятые в примечаниях

Альбом Киселева — Альбом и бумаги Н. Д. Киселева, находившиеся в распоряжении внука его Н. П. Киселева.

Арх. Яз. — Архив Языковых, хранящийся в Институте литературы Акад. Наук СССР.

БАН. — Рукописное собрание Библиотеки Академии Наук.

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ИЛИ — Рукописное Собрание Института литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом).

Изд. «Academia» — Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений — «Academia». М.-Л., 1934.

Изд. 1833 г. — Стихотворения Н. Языкова. СПБ., 1833.

Изд. 1844 г. — 56 стихотворений Н. Языкова. М., 1844.

Изд. 1845 г. — Н. Языков. Новые стихотворения. М., 1845.

Изд. Сув. — Н. М. Языков. Стихотворения. «Дешевая библиотека» А. С. Суворина, ч. I—II. СПБ., 1898.

Изд. Переглес. — Стихотворения Н. М. Языкова. СПБ., 1858, тт. I — II, под ред. П. Перевлесского.

Лен. б-ка — Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина в Москве.

ИОРЯС. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук» 1911, т. XV, кн. 2 (И. А. Бычков. «Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского»).

Русск. Библ. — Н. В. Соловьев. «История одной жизни», т. II. «Бумаги Воейковой» — «Русский библиофил» 1915, VIII.

Тетрадь Шенрока — Копии текстов из альбома Н. Д. Киселева. — Находится в Литературном музее в Москве.
«Яз. Арх.» — Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период, под ред. Е. В. Петухова. СПБ., 1913.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I. Послание к Кулибину (Не часто ли поверхность моря).

Печатается по тексту «Трудов Вольного Общ. любителей российской словесности» 1819, т. V, № 4, стр. 90—93, где было напечатано под заглавием «Послание к К. . . . . .у». Перепечатано в «Невск. Альманахе» на 1831 г. под заглавием: «К Ан. К-у» (Ан. — очевидно опечатка), подписано: «Н. Я.»; под тем же заглавием перепечатано в изд. Перевлес. с ошибочной датировкой (1831). Ст. 46, как несомненная опечатка, исправлен по «Невскому Альманаху».

Кулибин Александр Иванович (1800—1837) — сын известного механика И. П. Кулибина. Учился вместе с Языковым в Горном кадетском корпусе, позже служил в Сибири. Автор ряда работ по горному делу, напечатанных в «Горном журнале» (1829—1836); писал стихи и сотрудничал в «Соревнователе» и «Невском Зрителе».

А. И. Кулибину (Итак, поэт унылый мой!). Печатается по тексту в «Русск. Библ.» (1916. IV, стр. 81) с датой «1819, авг. 22»; опубликовано В. В. Бушем по автографу из альбома А. Кулибина.

К брату (Столицы мирный житель). Печатается по списку А. Н. Вульфа, сохранившемуся в недавно разобранных бумагах Л. Н. Майкова (ИЛИ). Первоначально было опубликовано без подписи в «Благонамеренном» (т. XVII, СПБ., 1822); в состав собраний стихотворений Языкова вводится впервые; адресовано А. М. Языкову (см. примечание к стих. «Послание А. М. Языкову»). К слову *Аий* в журнальном тексте примечание Языкова: «Аий Локуций — бог речи у римлян».

Послание к А. Н. Очкину (О ты, с которым я, от юношеских лет). Печатается по тексту «Нов. Лит.» 1822, кн. II, № XV, стр. 29—31.

Очкин Амплий Николаевич (1791—1856) — второстепенный писатель, критик и переводчик, одно время был цензором. Его произведения печатались в «Благонамер.», «Соревноват.», «Северной Пчеле»; в 1826 г. принимал деятельное участие в «Сев. Архиве». Позже редактировал «СПБ. Ведомости».

А. Н. Очкину (Было время, мой приятель). Печатается по автографу в альбоме А. Н. Очкина (ИЛИ). Датировано: «1821, мая 6, СПБ». Впервые напечатано в «Невск. Альманахе» на 1828 г., на основании чего в прежних изданиях датировалось 1827 или 1828 г.

Посвящение А. М. Языкову (Тебе, который с юных дней). Печатается по списку альбома А. М. Языкова (рукою А. М. Языкова), дат.: «СПБ. 1822». Напечатано в «Нов. Лит.» 1822, кн. II, № XXIII, стр. 156—160, под заглавием «К...». Перепечатано в «Славянине» 1828, ч. V, № 1, под заглавием: «Я. А. М. (т. е. Языкову, А. М.) при посвящении ему тетради стихов своих». В печатном тексте ст. 15 был, по цензурным соображениям, изменен: «Любовь к изящному в душе моей зажгла». Перевод эпиграфа: Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил (лат.).

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — средний из братьев Языковых, любимый брат поэта, имевший огромное влияние на него. А. М. Языков представлял, несомненно, незаурядную фигуру среди дворянской интеллигенции 20—30-х гг.; он очень много читал, брал уроки у лучших тогдашних профессоров: Германа, Арсеньева, Галича. Одно время очень увлекался собиранием, вместе с братом Н. М. и П. В. Киреевским, народных песен и собрал огромный материал, переданный им последнему. Позже всецело отдался хозяйству и жил в Симбирской губ. С ним был знаком Пушкин и очень ценил его.

Моя родина (Где твоя родина, певец молодой?). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Дерпт», что явно неверно, так как уже в 1822 г. эта пьеса была опубликована в «Нов. Лит.» 1822, кн. II, № XXVI, стр. 204—205. Имеется список в альбоме А. М. Языкова.

В 4-й строфе упоминаются Олег, Святослав, Владимир, Александр Невский, Дмитрий Донской.

Песня короля Регнера (Мы бились мечами на чуждых полях). Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1824 г., но эта пьеса была опубликована уже в 1823 г. (написана в 1822 г.) в «Благонамер.» 1823, № XIII, стр. 8—9; затем перепечатано в «Нов. Лит.» 1823, кн. V, № XXIII, стр. 110, под заглавием «Песнь Регнера. В альбом N.N.»; затем более исправно в «Вестн. Европы» 1823, № 19, окт., стр. 161—162 под загл. «Песнь Рогнера». Пьеса является вольным переводом одной из саг скандинавских скальдов о короле Рагнере или Регнере Лодброке. Она была приведена в книге Маллета «Введение в историю датскую», 1785.

Рок (Смотрите: он летит над бедною вселенной). Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 23 марта 1823 г. (ИЛИ); впервые опубликовано в «Яз. Арх.» стр. 61. В 1830 г. Языков предполагал включить его в «Невский Альманах», но цензура не разрешила печатать это стихотворение, как «несогласное с началами христианского учения». Текст, предназначенный для «Невск. Альманаха», имел разночтения в стихах: 19: «Полюбишь ты добро, и рок в ожесточеньи» и 21: «Иль бросит бледную в бушующее море».

Мойер Мария Андреевна (1800—1823) — урожд. Протасова, жена проф. Дерптского университета Ив. Ф. Мойера, широко известная по той роли, которую ей пришлось сыграть в биографии Жуковского.

Чужбина (Там, где в блеске горделивом). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. Лит.» 1823, кн. III, № XII, стр. 189—192.

Мое уединение (От света вдалеке). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. Лит.» 1823, кн. IV, № XX, стр. 108—112. Ст. 56—63 относятся к Ломоносову; 64—75 к Державину; 76—91 к Жуковскому.

В. М. Княжевичу (Они прошли и не придут). Написано в альбом В. М. Княжевичу 11 мая 1823 г., впервые опубликовано Княжевичем в «Русск. Арх.» (1871, № 6—7); стр. 1304—1305.

Княжевич Владислав Максимович (1798—1873) — дерптский знакомый Языкова, малозаметный литературный и журнальный деятель. Вместе с своими братьями А. и Д. Княжевичами издавал «Лит. Прибавл. к Сыну Отеч.»; в 20-хх гг. поместил ряд стихотворений в «Благонамер.».

Песнь баяна (Война, война! Прощай Сияна!). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: 1824 г. Однако оно было опубликовано в 1823 г. в «Благонамер.», ч. XXIV, стр. 265; с подзаголовком: «Посвящено М. Н. Д-ой» (т. е. Дириной), и с разночтением в ст. 6: «Дуная волны озарят»; подписано: «Э». Затем перепечатано в том же году в «Нов. Лит.», кн. VI, № LII, стр. 206 под заглавием: «Песнь баяна при начатии войны».

Песнь барда во время владычества татар в России (Где вы, краса минувших лет). Печатается по тексту «Нов. Лит.» 1823, кн. VI, № XXVI, стр. 94—96 с примечаниями «от редакции», но составленными, несомненно, самим Языковым.

К ст. 10: «Поэт разумеет здесь славные в Летописях наших времена Олега, Святослава и Владимира Великого».

К ст. 25: «Татарское иго бременило Россию почти три столетия: от несчастного сражения при реке Калке до сражения при Непрядве, где храбрый Димитрий Донской разбил Мамая».

К ст. 35: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их» (*Карамзин.* «История Государства Российского», т. IV, стр. 16). «От времени Василия Ярославича (период самый ужаснейший) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство» (там же, т. V, стр. 370).

Баян к русскому воину (О бранный витязь! ты печален). Печатается по тексту «Нов. Лит.» 1824, IX, июль, стр. 42, с датой: «20 авг. 1823». Так же, как и предыдущее, посвящено битве при Непрядве (Куликовская битва).

Песни. По свидетельству самого Языкова (письмо к братьям от 9 сент. 1823 г.), этот цикл написан им в 1823 г.; однако одна строка из этого цикла: «Наш Август смотрит сентябрем» (V, ст. 7) цитируется Пушкиным в октябрьском письме 1822 г. («Письма Пушкина». Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского, т. I,

Л., 1926, стр. 40). Очевидно, некоторые пьесы из этого цикла были написаны Языковым ранее.

Данный цикл известен по ряду источников: 1) архив Н. Д. Киселева (I, II, III, V, VI, IX — в автографах, остальные — в списках); 2) в архиве Языковых (тетрадь 1846 г.) — в списках; 3) список А. М. Языкова с автографической записи в альбоме проф. Новороссийского университета Ф. К. Бруна, товарища Языкова по Дерптскому университету (первые четыре песни — датированные: 21—22 авг. 1823 г.). В прижизненных изданиях опубликованы только III (изд. 1833); I, II, IV — впервые опубликованы Перевлесским (т. II, стр. 289—293); V—VI — И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911, 2); IX — в «Полярной Звезде» Герцена (1859, V) и перепечатана в сборнике Герцена и Огарева «Свободные русские песни» (с ложным обозначением места издания: «Кронштадт, 1861»); VII и VIII впервые опубликованы в изд. «Academia».

В настоящем издании данный цикл публикуется по автографам и спискам альбома Н. Д. Киселева; текст III, опубликованный в изд. 1833 г., вполне идентичен автографу.

IX (Гимн) — пародия на «Народный гимн» В. А. Жуковского.

Н. Д. Киселеву (В стране, где я забыл мирские наслажденья). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева, датированному 2 марта. Впервые опубликовано в «Полярной Звезде» Герцена, т. V (1859) и перепечатано в сб. «Русская Потаенная Литература», откуда входило во многие нелегальные сборники.

Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869), близкий товарищ Языкова по университету, впоследствии русский посол в Париже и Италии. См. комментарии в изд. «Academia».

Песнь баяна (Люблю смотреть на месяц ясный). Впервые напечатано в «Благонам.» (1824, XXV, № 11, стр. 131) с подписью «Θ»; в настоящем издании публикуется по списку альбома Н. Д. Киселева. Образ баяна, внимающего песням соловья, навеян, несомненно, рисунком в издании Карамзина «Пантеон российских авторов».

Посвящение А. А. Воейковой «Песни короля Регнера» (Прошу стихи мои простить). Печатается по тетради копии ИЛИ; первоначально опубликовано в «Нов. Лит.» 1823, кн. V, № XXIII, стр. 111 как P. S. к «Песне» (см. № 7).

<М. Н. Дириной> (Моя богиня молодая). Опубликовано Е. В. Петуховым по автографу в альбоме М. Н. Дириной («Яз. Арх.», стр. 421—422); датировано «22 окт. 1823 г.».

Дирина Мария Николаевна, молодая девушка, жившая в Дерпте вместе со своей матерью, А. С. Дириной; их дом был одним из центров русской молодежи в Дерпте. М. Н. Дириной Языков посвятил большое количество стихотворений и альбомных посланий. Позже вышла замуж за проф. Дерптского университета фон-Рейца.

А. С. Дириной. Ответ на присланный табак. (Скучает воин — без войны). Впервые напечатано И. А. Бычковым (ИОРЯС,

1911, 2) среди неопубликованных студенческих песен Языкова; однако ни по содержанию, ни по характеру пьесы, очевидно, никак не может считаться песней, предназначенной для хорового исполнения. В тетради ИЛИ 1846 г. и в тетради Шенрока имеется список под заглавием «Ответ на присланный табак». Несомненно, что оно относится к циклу записок к А. С. Дириной. Датируется: 13 окт. 1823 г.

Стихотворение это имеет и другой план, так как тема «табака» была связана с революционной тематикой (см. интересные замечания в комментарии Н. Ф. Бельчикова к стихотворению А. Полежаева «Табак». А. И. Полежаев. Стихотворения. «Библиотека поэта», 1939). «Табак, особенно нюхательный, в 20-х годах прошлого столетия служил в кругах передовых деятелей политической сигнатурой, условным термином, намекавшим на революцию». Этой тайнописью пользовались и Вяземский и Пушкин (там же, стр. 430).

Муза. (Богиня струн пережила). Печатается по изд. 1833 г. Датировано: «1824 г. Дерпт», что явно неверно, так как пьеса написана была в 1823 г., но долго не появлялась в печати из-за запрещения цензуры. Первоначально опубликовано в «Тр. Вольн. Общ. Люб. Росс. Слов.» 1824, ч. XXVI, стр. 320 с рядом цензурных искажений. Известно четыре автографа этой пьесы: 1) письмо к А. М. Языкову («Яз. Арх.», стр. 137); 2) альбом А. Воейковой («Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 50—51; отд. изд. стр. 145—146); 3) альбом Н. Д. Киселева, и 4) в Ленинской б-ке.

Услад (Не стонет дол от топота коней). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1825 г. Дерпт»; датировка явно неверна, т. к. эта пьеса была впервые опубликована в 1823 г. «Нов. Лит.», кн. VI, № LI, стр. 188—192, под заглавием «Баян», с датой «Дерпт 12 декабря 1823 г.».

Эта пьеса является отрывком неосуществленного замысла задуманной большой поэмы (см. «Яз. Арх.», стр. 119).

К халату (Как я люблю тебя, халат). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Было очень распространено в рукописях и неоднократно перепечатывалось в сборниках запрещенных русских стихотворений; в легальной печати впервые опубликовано Е. В. Петуховым («Яз. Арх.», стр. 108—109).

Элегия (О деньги, деньги! для чего). Печатается по списку альбома А. М. Языкова. Впервые опубликовано в изд. Перевлес., т. I, стр. 26. В архиве Языкова имеется еще несколько списков (в той же редакции) этой элегии.

Элегия (Скажи, воротишься ли ты). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. Лит.» 1824 г., кн. VII, № III, стр. 46. Автограф (в той же редакции) в альбоме Н. Д. Киселева.

Зима пришла (Как рада девица-краса). Печатается по автографу ГПБ. Было опубликовано в «Невск. Альманахе» 1829,

с тремя звездочками вместо подписи. Данный автограф датирован: «9 янв. 1824 г.», но пьеса была уже написана 5 янв.

Еще элегия (Как скучно мне: с утра до ночи). Печатается по автографу ГПБ. Впервые опубликовано И. А. Бычковым («Русская Старина» 1903, III, стр. 480—481); датировано: «5 янв. 1824 г.».

Элегия (Свободы гордой вдохновенье). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Впервые было напечатано в «Полярной Звезде», т. V, Лонд., 1859, и в сборнике Огарева «Русская потаенная литература».

Первые две строфы в «Полярной Звезде» и в «Русской потаенной литературе» имели такую редакцию:

Свободы гордой вдохновенье:
Тебя не чувствует народ —
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адским игом самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья,
И ум не верует уму.

В изд. «Academia» ст. 6 был напечатан с поправкой по «Полярной Звезде»; в настоящем издании эта поправка устранена.

Элегия (Еще молчит гроза народа). Печатается по автографу альбома Н. Д. Киселева. Первоначально в «Полярной Звезде» т. V, 1859 Ст. 4 в «Полярной Звезде»: «Таит порывы светлых дум».

Элегия (Не улетай, не улетай). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. Лит.» 1824 г., кн. VIII, № 3, стр. 16; с незначительным разночтением в последнем стихе. Автографы последней редакции в альбомах Воейковой и Киселева (дата: «11 января 1824 г.»).

Н. Д. Киселеву (Скажи, как жить мне без тебя?). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева, список в альбоме А. М. Языкова с датой: «14 февраля 1824 г.». В печатных изданиях (Перевлес., Сув.) ст. 7, 8, 15, 16 и 20 — опущены и заменены точками; ст. 12 имеет следующую редакцию: «Где ездят в долг, дарят не даром».

К... (Твоя прелестная стыдливость). Впервые было опубликовано в изд. «Academia» по автографу альбома Н. Д. Киселева; автограф датирован: «22 февраля 1824 г.». В архиве Языковых (ИЛИ) имеется список этой пьесы.

Слава богу (О, слава богу, слава богу!). Печатается по тексту «Сев. Цветов» 1826; было перепечатано в «Опыте русской анфологии», 1828 г. В списке тетради Языкова датировано: «24 фев-

раля, 1824, Дерпт». Автограф — в альбоме Н. Д. Киселева с датой: «24 февраля 1824 г. Дерпт».

Островок (Далеко, далеко). Печатается по тексту архива Языковых, впервые опубликованному Е. В. Петуховым («Яз. арх.», стр. 426—427). И. А. Бычковым был опубликован (ИОРЯС, 1911, 2) вариант неоконченной редакции, находившийся среди автографов в бумагах Дириной (датирован 16 марта 1824); другой автограф — в той же редакции, датированный «14 апреля» — в альбоме Дириной, хранящемся в «Лит. Музее».

Евпатий (Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть?). Первоначально опубликовано в «Нов. Лит.» 1824, кн. VIII, № XXIV, стр. 189 (см. «Варианты»); посвящено А. Н. Т-ву (А. Н. Тютчеву), датировано: «12 апр. 1824». Источником послужила «История Госуд. Росс.» Карамзина (т. III, гл. VIII).

Элегия (Любовь, любовь! веселым днем). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Благонамер.» 1826, № IX, стр. 168; с разночтением в ст. 12: «Повязка радостных дождей».

Элегия (Зачем божественной Хариты). Печатается по изд. 1833, где датировано: «1824, Симбирск». Первоначально в «Нов. Лит.» 1825, кн. XIII, авг., стр. 112, под заглавием: «К N. N.» и в «Полярной Звезде» на 1825 г. (озаглавлено: «К***»). Автограф ранней редакции — в «Бумагах Воейковой», «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 59—60.

Ст. 9—16 в автографе имеют следующую редакцию:

Как дочь невежества простая,
Она не любит Пиэрид,
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит:
Слуге сует, слуге забвенья
Ее любовь обречена!
Но жизнь любимца вдохновенья
Поймет и скрасит не она.

Разбойники (Синее влажного ветрила). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Симбирск». Первоначально опубликовано в «Полярной Звезде» на 1825 г. под заглавием: «Отрывок из повести «Разбойники».

Катеньке Мойер (Как очаровывает взоры). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824. Дерпт». Первоначально в «Альб. Сев. Муз» на 1828 г. Список — в альбоме А. М. Языкова.

Катенька Мойер — Екатерина Ивановна Мойер, дочь И. Ф. и М. А. Мойер, впоследствии жена В. А. Елагина, брата по матери И. В. и П. В. Киреевских. В 1824 г. Катеньке было всего три года.

К П. Н. Дирину (Еще ты роком не замечен). Печатается по тексту изд. 1833, где было помещено под заглавием: «К П. Н. Д—у». Первоначально — «Благонамер.» 1824, ч. XXV, стр. 354 и в альманахе «Альциона» на 1831 г. Все редакции идентичны.

Дирин Петр Николаевич — брат М. Н. Дириной, впоследствии военный историк.

Родина (Краса полуночной природы). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально опубликовано в «Полярной Звезде» на 1825 г., с тремя звездочками вместо подписи; автограф первых трех строф воспроизведен в «Яз. Арх.» по письму к П. М. Языковой (от 25 января 1825 г.) и записи в альбоме М. Н. Дириной от 26 января («Яз. Арх.», стр. 428). В альбомной записи — эпиграф: Wie bin ich froh, dass ich weg bin. **Goethe.**

Ст. 22—23 в альбомной записи и в письме к сестре имеют такую редакцию:

Как славы дедовской лета
И величава и проста.

А. А. Воейковой (На петербургскую дорогу). Печатается по автографу Арх. Яз. (письмо к брату от 29 [?] февр. 1825 г.). Первоначально опубликовано в «Альционе» на 1831 г., под заглавием: «А. А. В-ой».

Воейкова Александра Андреевна (1797—1829) — сестра М. А. Протасовой-Мойер, жена А. Ф. Воейкова, известная как «Светлана» Жуковского. Одна из выдающихся «литературных женщин» 20-х гг.; в ее «салоне» бывали крупнейшие поэты и писатели того времени. Наряду с восторженным отношением к Воейковой Баратынского, Козлова, А. И. Тургенева известно совершенно отрицательное и резкое отношение к ней Пушкина, упорно отказывавшегося посещать ее салон. О характере подлинных взаимоотношений Языкова и Воейковой судить довольно трудно, так же как и о том, в какой мере она оказала влияние на его творчество. Образ Воейковой в лирике Языкова — несомненно чисто литературный по типу образа Лауры или Беатриче.

А. С. Пушкину (Не вовсе чуя бога света). Печатается по тексту «Современника» (1837, VI, стр. 375), где было впервые опубликовано. Автограф — неизвестен. Написано в ответ на послание Пушкина от 20 сентября 1824 г.

В одном экземпляре «Современника», случайно приобретенном Н. Лернером, чьей-то рукой вписаны недостающие стихи:

Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И *дерптских* дев и *дерптских* вин
И прозелит журнальной славы,
Как тороватому царю
За чин почетный благодарен
Его нестоящий боярин,
Так я тебя благодарю.

(Н. О. Лернер. Недостающие стихи в первом послании Языкова к Пушкину. «Пушкин и его современники», XXIX—XXX, стр. 8). Четыре последние стиха сходны с началом одной из записок А. С. Дириной (см. в изд. «Academia» № 30).

Н. Д. Киселеву. Отчет о любви (Я знаю, друг, и в шуме света). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева; датировано: «29 марта 1825 г.». В изд. 1833 г. — ряд разночтений по цензурным причинам.

М. Н. Дириной (Счастливый милостью судьбины). Печатается по автографу ГПБ; опубликовано в «Невск. Альманахе» на 1829 г., под заглавием: «М. Н. Д-ой». Список в альбоме А. А. Воейковой; воспроизведен в изд. Н. В. Соловьева («Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 51; отд. изд., т. II, «Бумаги Воейковой», стр. 145—148). Эпиграф взят из трагедии Гете «Эгмонт» (д. IV, явл. 2), но Языков не совсем точно цитирует. В подлиннике: «An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzen und Raisonnieren angewohnt».

А. Н. Тютчеву (Каким восторгом ты пылаешь). Первоначально опубликовано в «Невск. Альманахе» на 1826 г., под заглавием: «К Т—у». По автографам опубликовано: в «Яз. Арх.» (стр. 166—169) письма от 1 и 5 апреля 1825 г. и «Русск. Библ.» (1915, VIII, стр. 55—56); запись в альбоме Воейковой — «Сон. Перевод с немецкого». — С разночтениями.

Тексту стихов в письме к брату предшествуют следующие строки: «Вот тебе анекдот поэтический. Воейкова, не знаю, каким из духов подземного царства возбужденная, подарила в знак памяти Тютчеву перчатку. К моему солюбовнику написал я следующие стихи» («Яз. Арх.», стр. 165); этот ж эпизод вызвал резкое и несправедливое послание против Воейковой, тогда же сообщенное им брату (письмо от 5 апр. 1825 г.) и сохранившееся в ряде автографов:

Напрасно я любви Светланы
Надежно, пламенно искал;
Напрасно пьяный и непьяный
Ее хвалил, ее певал.
Я понял ветренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
Во мне утихнул жар опасный
И не кружится голова!
и т. д.

Настоящее (Вчера гуляла непогода). Печатается по автографу в альбоме Воейковой; впервые опубликовано в «Истории одной жизни» Н. В. Соловьева, ч. II, «Бумаги Воейковой» («Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 48; отд. изд., стр. 142).

Дерпт (Моя любимая страна). Печатается по автографу архива Языковых (ИЛИ), «Яз. Арх.», стр. 170—171; датировано: «7 апр. 1825 г.»; другой автограф — в альбоме А. А. Воейковой с незначительным изменением в ст. 11 («И благодарное стремленье»). Впервые опубликовано М. И. Семевским в «СПБ. Вед.» 1866, № 168 с пропуском ст. 11 и с заменой слова «самодержавному» (в ст. 17) многоточием. Неоднократно публиковалось в сборниках запрещенных стихотворений.

Элегия (Она меня очаровала). Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано: «1824, Дерпт». Первоначально в «Нов. Лит.» 1825, кн. XII (май), стр. 132—133, под заглавием: К N. N. Эта же редакция в двух письмах к родным («Яз. Арх.», стр. 169 и 173). По признанию поэта, написано «на заданную тему». Третий автограф — в альбоме Воейковой, где эта пьеса озаглавлена «Волна» и сопровождена эпиграфом из Рамлера: «Ich kann mich auch verstellen» («И я могу притворяться»); этот эпиграф использован Языковым также в пьесе «Воскресенье».

Сон (Все негой сладостной объемлет). Печатается по автографу альбома Воейковой, первоначально опубликованному в «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 53. Приписка Языкова заимствована из изданной Г. И. Спасским в 1821 г. «Сибирской Летописи».

Мечта (Когда петух). Печатается по тому же источнику (см. «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 46—48); автограф датирован: «1824 г. апреля 20». Приведенное начало второй песни какой-то поэмы («Ужасен глас военной непогоды»), вероятно, должно было служить продолжением начатой поэмы об Усладе.

Воскресенье (Не долго на небе горела). Печатается по тому же источнику (см. «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 40). Примыкает к типу стихотворений: «А. Н. Тютчеву», «Напрасно я любви Светланы» и др. Ramler, стих которого использован в эпиграфе, — поэт XVIII века, прозванный «немецким Горацием».

Новгородская песня (Свободно, высоко взлетает орел). Печатается по автографической записи в альбоме А. А. Воейковой; опубликовано: «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 57—58. Напечатано в «Сев. Пчеле» 1825, № 60 от 19 мая, под заглавием «Военная новгородская песня 1170 года». После напечатания этого стихотворения в «Сев. Пчеле» кем-то был сделан донос, что в этой пьесе нужно видеть намек на современный Новгород и на Аракчеева, однако поднятое по этому поводу дело кончилось благополучно. В изд. 1833 г. следующие разночтения:

7: На битве за славу и честь
9: Смотрите, как пышен рождается день
13: Виднее сражаться под яркой зарей
16: Хоругви заветные блещут

Элегии. Печатаются по изд. 1833 г., где датированы: «1824. Дерпт». Этот же цикл из трех элегий и в таком же порядке в изд. Перевлес., где ему придано заглавие «Три элегии». Первоначально было опубликовано в «Соревноват.» 1825, кн. XXXI, № VII, стр. 98—99, но в составе четырех элегий: 1. «Счастлив, кто с юношеских дней»; 2. «Свободен я: уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье»; 4. «Моя Камена ей певала»; затем были перепечатаны в «Невск. Альманахе» на 1826 г. и по отдельности, вне цикла, в «Нов. Лит.» 1826, кн. XV, стр. 93, 94 и 150. В таком же сочетании и порядке, как эти элегии даны в изд. 1833 г., Языков сообщил их в письме к брату от 26 апреля 1825 г. («Яз. Арх.», стр. 178). В альбоме М. Н. Дириной этот цикл из трех элегий — в ином

составе: 1. «Поэт свободен»; 2. «Свободен я, уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье» («Яз. Арх.», стр. 423); в альбоме же Воейковой они записаны в том же составе, как в письме в изд. 1833 г., но с нумерацией: II, III, IV и с датой: «8 апр. 1825». Тексты изд. 1833 г. письма к брату и альбома Воейковой — без разночтений; запись в альбоме Дириной имеет мелкие разночтения во второй элегии («Я знал живое заблужденье»). В «Невск. Альманахе» эта элегия — в ред. 1833 г., но в нем отсутствует ст. 3 («Теперь умчалися они»); первая элегия («Свободен я: уже не трачу») — в ред. «Невск. Альманаха» — имеет разночтение в ст. 3: «За нежный взгляд, за пару слов». Автограф третьей элегии («Моя Камена мне певала») имеется в ГПБ без разночтений, но с особым заглавием: «Последняя элегия». В изд. Сув. вместо цикла изд. 1833 г. цикл из пяти элегий в таком составе и порядке: 1. «Поэту радости и хмеля»; 2. «Свободен я: уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье»; 4. «Моя Камена ей певала»; 5. «Счастлив, что с юношеских дней». В III ст. 2 исправлен по автографам.

Элегия (Счастлив, кто с юношеских дней). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Дерпт»; первоначально с крупными разночтениями в «Нов. лит.» 1825, кн. XIV, окт., стр. 75 и в «Соревноват.» 1825, XXXI, стр. 93. В альбоме Воейковой — автограф под заглавием «Жизнь». Ст. 8 читается в нем: «Он никому не поверял» и после него следуют еще четыре стиха, отсутствующие в окончательной редакции:

Ему Киприда не отравит
Непобедимой головы
И ниже века не поставит
Его надежд, его молвы.

Этот же текст в альбоме Н. Д. Киселева под загл. «Элегия» и с вар. в ст. 8: «Он никому не доверял». В 70-е гг. этому стихотворению был придан политический смысл, и оно вошло (в этой же первоначальной редакции) в сборники запрещенных стихотворений. См. «Лютня», II, Лейпциг, 1874.

Молитва (Молю святое провиденье). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1825, кн. XII, май, стр. 180. По автографу напечатано также в тексте книги об А. А. Воейковой (Н. В. Соловьев. «История одной жизни», т. I, стр. 104—105; с датой: «12 апр. 1825»).

Прощание с элегиями (Прощайте, миленькие бредни). Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано 1824 г. Правильная дата устанавливается по письмам к брату и сестре А. М. и П. М. Языковым («Яз. Арх.», стр. 179, 180, 181): апрель 1825 г. Автограф в ГПБ с незначительными разночтениями. Датирован: «апрель, 1824».

Нечто (Теперь мне лучше: я не брежу). Печатается по автографу в альбоме Воейковой (см. «Русск. Библ.» 1915, VIII,

стр. 50), с датой: «1825, апреля 28, Дерпт»; эпиграф взят из стих. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость или мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796), см. Сочинения Н. М. Карамзина, т. I, изд. Ак. Наук, П., 1917, стр. 184.

В альбом Ш. К. <Фон-дер-Борг>. Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «В альбом Ш. К.».

Первое стихотворение первоначально было вписано Языковым в альбом Воейковой и сообщено в письме к родным от 3 мая 1825 г.

По автографам опубликовано: «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 42, и «Яз. Арх.», стр. 182. Кроме того, текст этого послания сообщен Языковым в письме к Н. Д. Киселеву, копия — в тетради Шенрока. Ст.: «Любовь, любовь...» и т. д. включены в «Примечания» к «Моему Апокалипсису».

Текст в альбоме Воейковой носит заглавие «Сон» и снабжен эпиграфом: «Когда же складны сны бывают» (Дмитриев); соответственно изменению заглавия Языков отбросил в окончательной редакции и первые четыре строки.

Я видел сон — чудесный сон!
Но с робкой музою моею
Пересказать его не смею:
Уж я таиться приучен!

Ш. К. — инициалы Шарлотты Карловны Фон-дер-Борг, жены профессора и переводчика русских поэтов на немецкий язык, К. Фон-дер-Борга; Языков был очень близок к семье Боргов, у которых жил на квартире по прибытии в Дерпт.

Не жив поток под сумраком туманов. Печатается по автографу в альбоме Воейковой («Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 42). В изд. «Academia» ошибочно включено в цикл посланий к Ш. К. Фон-дер-Борг.

Теперь мне странны и смешны. Печатается по тому же источнику. Так же, как и предыдущее, в изд. «Academia» ошибочно включено в текст послания к Ш. К. Фон-дер-Борг.

К Г. Д. Е. (Благодарю вас; вы мне дали). Опубликовано по автографу в альбоме Воейковой, «Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 43, датировано: «3 мая 1825 г.»; по этому же источнику печатается в настоящем издании. По всей вероятности, это стихотворение также посвящено Воейковой. Отрывок «Поэт свободен» является первоначальным вариантом элегии, автограф которой хранится в бумагах Дириной и воспроизведен Е. В. Петуховым («Яз. Арх.», стр. 423).

Этот текст представляет собою совершенно отличную редакцию:

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не жар чарующего взгляда,

Не золото и не звезда!
Служа не созданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?
Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

Эпилог (Когда-нибудь, порою скуки). Опубликовано впервые по автографу в альбоме А. А. Воейковой Н. В. Соловьевым в «Истории одной жизни» (т. I, стр. 110); затем там же в «Бумагах Воейковой» («Русск. Библ.» 1915, VIII, стр. 45; отд. изд., стр. 139). Запись датирована: «1825, мая 3, Дерпт»; по этому же источнику печатается в настоящем издании.

Гений (Когда, гремя и пламенея). Печатается по изд. 1833 г. Предназначалось для невышедшего в свет из-за событий 14 декабря 1825 г. альманаха Бестужева и Рылеева «Звездочка», который должен был заменить «Полярную Звезду». Текст «Звездочки» по корректурным листам воспроизведен в «Русской Старине» 1833, VII; там же опубликована и пьеса Языкова под заглавием «Зависть гения»; позже Языков ее напечатал в «Нов. Лит.» 1826, кн. XV, стр. 39 уже под новым заглавием «Гений»; автограф первоначальной редакции в альбоме Дириной (Лит. Музей).

Две картины (Прекрасно озеро Чудское). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1826 г. Автограф (письмо к А. М. Языкову от 16 авг. 1825 г.) опубликован Петуховым («Яз. Арх.», стр. 197—198). Пьеса «Две картины», по свидетельству самого поэта, только фрагмент задуманной поэмы, в которой он предполагал описать «суеверия эстов».

Поэт (Искать ли славного венца). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально с незначит. разночтением в «Моск. Телегр.» (1826, № 7, стр. 82), датировано: «4 апр. 1826». По автографу (письмо 8 нояб. 1825) опубликовано в «Яз. Арх.», стр. 213; дата 8 ноября 1825 г.; другой автограф ранней редакции в альбоме Дириной (Лит. Музей).

Элегия (Прощай, красавица моя!). Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1824 г.; первоначально опубликовано в «Моск. Телегр.» (1826, VIII, № 8, стр. 131) под заглавием: «Прощание». Этот текст значительно отличается от редакции изд. 1833 г.

Прощание

Прощай, прелестница моя!
Он мне знаком, любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь сладкие ночлеги.

Я верил нежностям пустым,
Манил тебя ко храму славы,
Я вдохновенные забавы
Означил именем твоим;
Я счастья ждал: иную долю
Мне провидение дает:
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю:
Так я, забыв любовь мою,
Души безумную неволю,
Теперь и весел и пою.

Автограф данной редакции воспроизведен в «Яз. Арх.», стр. 218: письмо от 8 ноября. Этот же текст в альбоме Н. Д. Киселева (автограф); в последнем ст. 2 читается: «Он мне знаком, счастливец неги».

К А. Н. Вульфу (Скажу ль тебе, кого люблю я). Печатается по изд. 1833. «К А. Н. В--у», 1825, Дерпт. Первоначально в «Моск. Телегр.» 1827, XIII, № 4, стр. 132: «А. Н. В—у». Автограф первоначальной редакции в письме к брату А. М. от 8 ноября 1825 г. Другой автограф — в альбоме Н. Д. Киселева. В изд. 1833 г. ст. 3 напечатан с опечаткой: «занывая» вм. «унывая».

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — приятель Языкова и Пушкина, дерптский студент, позже гусар. В 1833 г. вышел в отставку и жил в Тригорском, занимаясь хозяйством и примкнув к кругу реакционного дворянства. Известен его «Дневник» (1828—1831) — характерный документ дворянско-крепостнического бытового уклада («Пушкин и его современники», т. XXI—XXII, 1915; переиздано в 1929 г. в изд. «Федерация» под ред. П. Е. Щеголева, с подзаголовком «Любовный быт пушкинской эпохи»).

К А. А. Воейковой (Забуду ль вас когда-нибудь). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824 г., Дерпт». Первоначально в «Благонамер.» (1826, ч. XXIV, № IX, стр. 165—166, под заглавием: «К А. А.» и с подписью Н. Я.), а затем в журнале Воейкова «Славянин» (1828, ч. II, № XXI, стр. 294); озаглавлено: «К. В.» с датой: «14 ноября 1825 г.» Автограф опубликован Е. В. Петуховым («Яз. Арх.», стр. 222; письмо от 14 ноября 1825 г.). Текст «Благонамер.» является ранней и совершенно особой редакцией.

К А. А. Воейковой

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Надеждой гордой покорили
Мою застенчивую грудь,
И поэтических усилий
Мне вольный указали путь.
Как славы светлая награда,
Как весть любви в тяжелый час,

Мне животворная отрада —
Воспоминание о вас.
Златые дни, когда, внимая
Желанью неги и похвал,
И ярко — вами пробужденный
Во мне — свободный и священный
Огонь поэзии пылал;
Как волны высились, мешались,
Играли быстрые мечты,
Как образ волн — их красоты,
И рост и силы изменялись;
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала;
И сладкозвучные слова.
Как перлы, память набирала!
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои торжественные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло все: меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к ней без вдохновений:
Мне скучно в поле бытия!
Да воскресит она мой гений,
Да вновь почувствую, кто я.

Элегия (Поэту радости и хмеля). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1826 г. Тексты альманаха и изд. 1833 г. — идентичны и отличаются только датировкой: в изд. 1833 г. — «1825. Дерпт», в «Невск. Альманахе» — «1824 г. Симбирск». Последняя датировка явно неправильна. Эта же пьеса в другой редакции включена Языковым в состав посвященной М. Н. Дириной шутливой поэмы «Мой Апокалипсис».

Элегия (Меня любовь преобразила). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Календаре муз» на 1826 г. Автографы — в альбоме Дириной (ГПБ) и архиве Языковых (ИЛИ) с незначительным разночтением в ст. 5: «Когда прелестная зарница».

Как живо Геспер благосклонный. Опубликовано И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911, в. 2, стр. 22—23) по автографу в альбоме М. Н. Дириной. По тому ж источнику печатается в настоящем издании.

А. Н. Вульфу (Мой брат по вольности и хмелю). Печатается по автографу ИЛИ, датированному «16 дек. 1825 г.». Впервые опубликовано в изд. Перевлес. (II, стр. 293, под заглавием «К. . .», с датой: «1824 г.».

Видение (Вчера, как сумраки по небу). Печатается по тексту 1833 г. Автограф — в альбоме М. Н. Дириной (ГПБ) с разночтениями.

Дума (Одну минуту, много две). Печатается по автографу в альбоме М. Н. Дириной (ГПБ). Впервые опубликовано М. И. Семевским («Русск. Арх.» 1867, № 5—6) без заглавия и с пропуском ст. 8.

Элегия (Мечты любви — мечты пустые!). Печатается по автографу в альбоме М. Н. Дириной (ГПБ). Опубликовано М. И. Семевским под заглавием: «А. А. В.». («Русск. Арх.» 1867, № 5—6).

Присяга (Потупя очи, к небесам). Печатается по тексту письма к А. М. Языкову от 16 декабря 1825 г. (ИЛИ) «Яз. Арх.», стр. 227—228 и 230—231. Впервые опубликовано М. И. Семевским под заглавием: «Клятвенное обещание» («Русск. Арх.» 1867, № 5—6) по автографу из альбома М. Н. Дириной. В публикации Семевского сделан ряд изменений по цензурным соображениям.

Извинение (Я не исполнил обещанья). Печатается в полном виде впервые по списку А. Н. Вульфа в бумагах Л. Н. Майкова (ИЛИ). До сих пор были известны только первые 10 строк, опубликованные М. И. Семевским по автографу в альбоме М. Н. Дириной («Русск. Арх.» 1867, № 5—6, стр. 716). Автограф, по сообщению М. Семевского, датирован: «20 декабря 1825 г.». Целиком воспроизвести данный текст М. Семевский не мог по цензурным соображениям. Поводом для этой пьесы явилось известие о вступлении на престол Николая Первого.

Вторая присяга (Когда, печальная от страха). Печатается по автографу ИЛИ (письмо к А. М. Языкову от 14 февраля 1826 г., см. «Яз. Арх.», стр. 239—240); впервые опубликовано И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911, 2, стр. 23—24) с автографа, находящегося в альбоме М. Н. Дириной. Автографы совершенно идентичны. Пьеса навеяна декабрьскими событиями 1825 г., когда сначала была принесена присяга Константину, а позже Николаю.

П. Н. Шепелеву (Ты мой приятель задушевный). Впервые опубликовано М. И. Семевским по рукописному сборнику Вульфа («Русск. Арх.» 1867, № 5—6), откуда перепечатано в изд. Сув. Печатается по автографу ИЛИ (см. «Яз. Арх.», стр. 240—241): письмо к А. М. Языкову от 14 февр. 1826 г.

Шепелев Петр Николаевич — один из университетских товарищей Языкова. Занимался в своем имении сельским хозяйством; принадлежал к крылу умеренно-либерального дворянства и сотрудничал в славянофильском журнале Кошелева «Русская беседа», где поместил ряд статей по вопросам, связанным с крестьянской реформой.

К А. Н. Вульфу (Мой друг, учи меня рубиться). Печатается по автографу ГПБ (письмо к Вульфу от 27 февр. 1826 г.). Первоначально в «Моск. Вестн.» (1827, ч. V, № XVII, стр. 8) под заглавием «А. В—у»; еще ранее в «Благонамер.» (1826, № X, стр. 204). В изд. 1833 г. помещено под заглавием: «К Н. Н. В—у» и с пропуском ст. 12—15. Кроме того, имеются еще два автографа; письмо

к А. М. Языкову от 28 февр. (ИЛИ); опубликовано «Яз. Арх.», стр. 242 и в альбоме М. Н. Дириной: первый — идентичен автографу письма Вульфа; второй имеет незначительные разночтения.

М. Н. Дириной (Не в первый раз мой добрый гений). Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 4 апр. 1826 г. («Яз. Арх.», стр. 245—246). Первоначально в «Невск. Альманахе», 1826, под заглавием: «К М. Н. Д.». Текст «Невск. Альманаха» значительно отличается от автографа. В нем после первых четырех стихов следует:

Всегда с улыбкой благосклонной
Вы слушали приветный глас
Моей души, не редко сонной,
Но вечно ревностной для вас;
Теперь, попрежнему, с поклоном,
Веселый вами, вам несу
Мою любовь, мою красу —
Мой фимиам пред Аполлоном.

Но что же петь моим стихам?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И непритворные моленья
Я воссылаю к небесам.
Желать ли, да украсят вас
И ум, и прелесть, и наука,
Да не встречается вам скука,
Да любят вас — богиня звука
И стихотворческий Парнас?
Да процветают ваши годы
Под сенью мирной тишины,
Как мир божественной свободы,
Как утро сладостной весны?
Желаю: но мои желанья —
Они излишни, вижу я;
И ныне ваши достоянья —
Все эти блага бытия.

Воспоминание (Я не забуду никогда). Печатается по тексту альбома А. М. Языкова — список с поправками рукой автора. Первоначально опубликовано в «Альб. Сев. Муз» на 1828 г., включено в изд. 1833 г., где датировано: «1824 г.», что явно не точно, т. к. противоречит содержанию пьесы. На основании первой публикации ее (в «Альб. Сев. Муз»), в изд. «Academia» отнесены к концу 1827 г. Приобретенный Лит. Музеем альбом Дириной позволяет установить точную дату: имеющийся в нем автограф этой пьесы помечен 24 апреля 1826 г. Автограф альбома Дириной и авторизованный список альбома А. Языкова совершенно идентичны.

К П. Н. Шепелеву (В делах вина и просвещенья). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Невск. Альманахе»

на 1827 г. под заглавием: «К Ш. . . .ву» с тремя звездочками вм. подписи. Первая редакция — в письме к А. Языкову от 25 мая 1825 г. («Яз. Арх.», стр. 252—253); изд. 1833 г. воспроизводит эту редакцию, но без последних четырех строк.

Автографический список ГПБ является одной из первоначальных редакций с рядом разночтений:

1—2: В трудах на жатве просвещенья
За чаркой Вакха, мой Орест!
21—24: Чья эротическая сила
Меня, и въяве и во сне,
Порой мертвила и живила
И ныне царствует во мне?
27—28: Жива, как муза, но едва ли
Так непритворна и верна
30—31: И грудь, и очи, и уста,
И кудри, словно у Хариты

После двух последних стихов следует:

Вот все, товарищ, дай мне руку!
Не позабудь: скорее к нам,
Да снова мы стихи, науку,
Вино и горе пополам!

Эпилог (Смотрю умильными глазами). Печатается по автографу в альбоме Дириной (Лит. Музей), датированному 29 мая 1826 г.; впервые была опубликована М. И. Семевским по рукописному сборнику Вульфа («Русск. Арх.» 1867, № 5—6, стр. 720).

Нравоучительные четверостишия. Печатается по тексту «Невск. Альманаха» 1827; №№ 10—12: «Невск. Альманах» 1828 г. (см. изд. «Academia», стр. 761—763). Текст второго четверостишия опубликован по автографу (от 19 авг. 1826 г.) в «Отч. Публ. б-ки» за 1889 г., стр. 43—44; см. также «Русск. Стар.» 1903, № 3. Данные четверостишия являются пародиями на четверостишия—апологи И. И. Дмитриева. Сочинены они были летом 1826 г. во время пребывания Языкова в Тригорском. Основываясь на свидетельстве Вульфа, Н. О. Лернер и М. А. Цявловский считают эти четверостишия написанными совместно с Пушкиным и вводят их в сочинения Пушкина (в отдел «коллективных пьес»). Однако такое приурочение является недостаточно обоснованным. Подробнее — см. в изд. «Academia», стр. 761—763.

Татаринову (Хвалю тебя, мой спутник новый). Печатается по автографу альбома А. М. Языкова, где датировано: «1826, авг. 4». Первоначально — в «Невск. Альманахе» на 1832 г. под заглавием: «К Т—ву».

Татаринов Александр Николаевич (1810—1862) — земляк и приятель Языкова, племянник Н. И. и А. И. Тургеневых, дерптский студент. Позднее жил в Симбирской губ., оставил воспоминания о студенческих годах Языкова («Яз. Арх.», стр. 393—402).

П. Н. Шепелеву (Счастлив, кому дала природа). Печатается по автографу в альбоме А. М. Языкова (ИЛИ). Впервые напечатано М. И. Семевским по рукописному сборнику Вульфа («Русск. Арх.» 1867, № 5—6, стр. 719). Ст. 33 в печатных текстах изменен следующим образом: «Стихом за щеку ущипну».

Не вы ль убранство наших дней. Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в историко-литературном временнике «Атеней», кн. III, Л., 1926, стр. 11, по записи в одной из тетрадей архива Бестужевых (ИЛИ). Список датирован: «7 авг. 1826 г.»; аналогичный текст сохранился (в бумагах Л. Н. Майкова) в списке А. Н. Вульфа. Возможно, что список Бестужева восходит к этому же источнику. Два стиха в несколько иной редакции:

Рылеев умер, как злодей,
Да вспомянет его Россия!

были довольно широко известны и неоднократно приводились в различных заграничных изданиях и приписывались самому Рылееву.

Виленскому (Не робко пей, товарищ мой!). Печатается по автографу в альбоме А. Языкова (ИЛИ): датировано: «16 авг. 1826 г.».

Впервые было опубликовано М. И. Семевским по рукописному сборнику Вульфа («Русск. Арх.» 1867, № 5—6, стр. 717).

А. С. Пушкину (О ты, чья дружба мне дороже). Печатается по автографическому тексту в письме к Пушкину от 19 авг. 1826 г. (Сочинения Пушкина, изд. Ак. Наук. Переписка под ред. и с примечаниями В. И. Саитова, т. I, стр. 365—366). Впервые опубликовано М. И. Семевским в «Русск. Архиве» (1867, № 5—6, стр. 721—722), с изменением в стихе: «Милее всякой головы» — вм. «Святее царской головы». Автографы — в альбоме А. М. Языкова (ИЛИ), в коллекции М. В. Берг и в альбоме Н. Киселева (впрочем, возможно, что последний является списком: в нем ст. 4 читается: «Святее барской головы»). Все эти замены в данном стихе делались, несомненно, из цензурных соображений, — однако в прижизненных изданиях это послание ни разу не было опубликовано. К ст. 38: «Перед скрижалью вдохновений» Языковым сделано примечание: «Аспидная доска, на которой стихи пишу».

П. А. Осиповой (Аминь, аминь. Глаголю вам). Печатается по автографу в альбоме А. М. Языкова (ИЛИ); датировано: «25 авг. 1826 г.», другой автограф в ГПБ (бумаги Вульфа; несколько стихов в нем зачеркнуто, видимо самой П. А. Осиповой; дата «26 авг.»). В изд. 1833 г. эта пьеса озаглавлена: «К П. А. Ос—й» и отнесена к 1827 г. с рядом пропусков и изменений, сделанных отчасти по причинам цензурным, отчасти по соображениям интимного характера: пропущены ст. 1, 32—33 и 61—65. Автограф в ГПБ имеет следующие разночтения:

33: Текла поэзия у нас
39: Так луч денницы разгоняет
50: Желанья пылкие вставали
53: Желанья лучшие мои
58: И тень прибережной горы
59: И мост и пышные дары
70: О, я молю, мой добрый гений

ст. 19—36 относятся к Воейковой; 61—65 к Пушкину.

К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву (Нам было весело, друзья). Печатается по изд. 1833 г. с восстановлением ст. 9 и 18 по автографу и «Невск. Альманаху» на 1827 г., в котором данная пьеса впервые была опубликована под заглавием: «К друзьям». Разночтения:

15: Мечты манили величавы
после 20: Во мне рождалось вдохновенье,
Возвышен им, я воспитал
Мое спокойное презренье
Ко гласу ветреных похвал;
Я поклялся молвы приветов
Не слушать в подвиге святом
И по ристалищу поэтов
Промчаться с громом и огнем!
21: В те дни, обманами счастливый
30: Тогда в восторге перед вами
51: Свободно хвалим, обсуждаем
61: Прекрасной родине своей
92: У нас надежды удалые

Автографы этой редакции — в ГПБ (бумаги Вульфа) и в ИЛИ (альбом А. Языкова); последний датирован: «27 авг.» с отличием в ст. 10: «На поединке удалом». Это послание включено в изд. 1844 г; от редакции изд. 1833 г. оно отличается чтением ст. 167: «Шумя широкими крылами» (вм. «обширными»).

Тригорское (В стране, где вольные живали). Печатается по тексту изд. 1833 г. Ст. 3 восстанавливается по указанию письма В. Д. Комовского от 20 янв. 1833 г. (ИЛИ); в печати этот стих заменен по требованию цензуры: «Где гордо именем граждан». Первоначально (очень неисправно и с рядом сокращений) в «Моск. Вестн.». 1827 г., ч. I, № 2, стр. 83—90, под заглавием: «Тригорское. Послание к А. С. П.» (т. е. Пушкину). Сохранились два автографа, дающие первоначальную редакцию: в ГПБ (бумаги Вульфа) и в ИЛИ (письмо А. М. Языкову; опубл. «Яз. Арх.», стр. 270 и 277). Дата: «август — ноябрь».

Разночтения первоначальной редакции следующие:

13: Душа высокая водила
73: За миловидною денницей
105: Там в поле жатвы, меж скирдами

119. Одежды прочь! Перед челом
153: На дерне мягком и шелковом
161: Как персты гибкие мелькали
171: Длиннеет сумрачная тень;
207: Покатит мощные струи
218: Все ясно: цепь далеких гор

В бумагах Л. Н. Майкова (ИЛИ) хранится список, в которых первые 64 строки переписаны рукой А. Н. Вульфа, а последние (от стиха «Душе пленительна моей») — рукой самого Языкова. Этот текст является, повидимому, одной из самых ранних редакций, в которой сохранились еще первоначальные варианты отдельных строк, тут же зачеркнутые и замененные новыми: наиболее интересны и существенны из них варианты строк, относящихся к Пушкину: в ст. 132, который в окончательной редакции читается: «свободных дружеских бесед», первоначально было: «тех независимых бесед»; ст. 133 первоначально имел редакцию: «когда за дружескою чашей»; ст. 136—137 в первоначальной редакции:

Как светлы, пламенны их чувства,
Как смелы, сильны их слова

ст. 144 — вм. «надежды смелые кипят» — было: «надежды вольные кипят» и т. д. Из других первоначальных вариантов следует отметить ст. 229: вм. «грозой омытой стороне» было: «своей любимой стороне». Ст. 104 печатается по тексту автографов.

Аделаиде (Я твой, я твой, Аделаида!). Печатается по автографу: запись в альбоме А. М. Языкова (ИЛИ). Датировано: «12 сентября 1826 г.» Первоначально напечатано в «Невск. Альманахе» на 1829 г. с тремя звездочками вместо подписи, затем в изд. 1833 г. в редакциях, значительно отличающихся от данной:

«Невский Альманах» на 1829 г.

Как мысли творческой созданья,
Как сладострастная мечта,
Светла, полна очарованья
Твоя девичья красота;
Ланит и персей жар и нега,
Живые груди, блеск очей
И волны ветреных кудрей...
О друг! Ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены!
Предайся мне: любви забавы
Я песнью звучной воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

Изд. 1833 г.

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! Ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! Мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою,
И окружу лучами славы
Младую голову твою.

Аделаида — Аделаида Турниер, цирковая наездница в Дерпте. Последние строки (в публикуемой редакции) относятся к А. А. Воейковой, почему и были убраны из прижизненных публикаций, так как такое сопоставление было бы оскорбительно для последней.

К Виню (Невольный гость Петрова града). Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «К В. Ю.» (опечатка вм. «К В—ю»).

Винь (Vigne) — дерптский студент; о происхождении послания и о самом Вине — «Яз. Арх.», стр. 265 и 315.

Вечер (Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод). Печатается по изд. 1833 г. Дата: «1826, Дерпт». Первоначально в «Славянине» 1827, ч. II, № XXIV, стр. 457.

Сомнение (Когда зовут меня поэтом). Печатается по тексту 1833 г. Дата: «1826, Дерпт». Первоначально в «Альб. Сев. Муз» на 1828 г. Автограф — в альбоме М. Дириной (ГПБ).

К Пельцеру (Свободны, млады, в цвете сил). Печатается по изд. 1833 г. (с проверкой пунктуации по автографу), где озаглавлено «К П — ру». Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1828 г., с тремя звездочками вместо подписи. Автограф в письме от 16 декабря 1826 г. («Яз. Арх.», стр. 288).

Карл Пельцер (Peltzer) — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

Олег (Не лес завывает, не волны кипят). Печатается по изд. 1833 г. Датировано: «1826. Дерпт». Первоначально опубликовано в «Сев. Пчеле» 1827, № 19.

К музе (Мой ангел милый и прекрасный). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Славянине» 1827, ч. I, № IV. Автограф последней редакции в ГПБ (письмо к Вульфу от 21 января 1827 г.) с незначительными разночтениями.

Песня (Всему человечеству). Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 20 февр. 1827 г. («Яз. Арх», стр. 311—312).

Песня (Из страны, страны далекой). Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1827 г. Принадлежала к числу любимейших студенческих песен дореволюционного студенчества.

А. Н. Вульфу (Теперь я в Камби, милый мой!). Печатается по автографу ГПБ (письмо к А. Н. Вульфу). В изд. 1833 г. опубликована лишь вторая часть; первая часть впервые опубликована в изд. Перевлес. (т. I, стр. 104).

Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — мелкий писатель-журналист, выступавший и как поэт и как драматург и даже как критик; имел — не без оснований, — репутацию доносчика.

К Тихвинскому (Любимец музы и науки!). Впервые напечатано в изд. «Academia» по списку из архива Языковых (тетрадь копий).

Тихвинский Алексей Васильевич — лектор русского языка в Дерптском университете (1825—1827).

П. А. Осиповой (Благодарю вас за цветы). Печатается по автографу ГПБ (из бумаг Вульфа, датировано: «1 авг. 1827»). Впервые опубликовано М. И. Семевским: в «СПБ. Вед.» 1866, № 163 (отрывок) и полностью в «Русск. Арх.» 1867, с пометкой: «1 мая 1827».

Катеньке Мойер (Благословенны те мгновенья). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Славянине» (1827, ч. III, № XXVII, стр. 35) под заглавием: «В альбом Катеньке Мойер», с датой: «1827 мая 15».

К няне А. С. Пушкина (Свет Родионовна, забуду ли тебя?). Печатается по изд. 1833 г. с исправлением первого стиха по «Сев. Цветам» на 1828 г. Автограф, датированный: «17 мая 1827 г., Дерпт», хранится в ГПБ. Стих I в автографе читается: «Васильевна, мой свет, забуду ль я тебя?» Эта ошибка повторена и в изд. 1833 г. Ст. 12 в автографе имеет такую редакцию: «Ходил я навещать великого поэта».

Д. Н. Свербееву (Во имя Руси, милый брат). Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 12 июля 1827 г. «Яз. Арх.» (стр. 330—332). В изд. 1833 г. озаглавлено «К ***» с изменениями в ст. 43: «И лень, и грусть, и мишура».

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — родственник и друг Языковых. Дом его в Москве, наряду с домом Елагиной — Киреевских, являлся одним из центров дворянской интеллигенции. «Записки» Д. Н. Свербеева дают очень ценный материал для биографии и характеристики братьев Языковых.

Ночь (Померкла неба синева). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Моск. Вестн.» (1827, ч. V, № XX, стр. 367), с датой: «15 авг. 1827, Камби».

Разночтения:

12—13: Ярмо соблазнов и сует
Любви и чувственности милой
18: И страсти и надежды злые!
27: Поднимет божеская сила.

Ручей (Под склоном сетчатых ветвей). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально — в «Невск. Альманахе» на 1829 г.; автограф («Яз. Арх»., стр. 340—341).

Графу Д. И. Хвостову (Почтенный старец Аполлона!). Печатается по изд. 1833 г., первоначально в «Славянине» (1828, ч. III, № XXXVI, стр. 388) с мелкими разночтениями; в изд. 1833 г. датировано 1828 г., в «Славянине» — более точно: «1827, июля 29» (см. «Яз. Арх.», стр. 342). Послание имеет иронический характер, чего совершенно не понял Хвостов.

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт, имя которого было в то время синонимом бездарности и графомании. См. В. Орлов. Эпиграмма и сатира, ч. I. 1800—1840. «Academia», 1932.

А. М. Языкову (Теперь, когда пророчественный дар). Печатается по тексту автографа из собрания Вульфа, впервые опубликованному М. И. Семевским («Русск. Арх.» 1867, № 5—6, стр. 735): относится к сентябрю или началу октября 1827 г.

П. А. Осиповой (Плоды воспетого мной сада). Печатается по автографу ГПБ (бумаги Вульфа; дата: «8 дек. 1827»); впервые опубликовано М. И. Семевским (там же; см. стр. 146).

Элегия (Вы не сбылись, надежды милой). Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1828 г. Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1828 г.

Кудесник (На месте священном, где с дедовских дней). Печатается по изд. 1833 г. с исправлением 2-го ст. по списку альбома А. М. Языкова. Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1828 г. Ст. 2 несколько раз перерабатывался по требованию цензуры.

А. М. Языкову (Ты прав, мой брат, давно пора). Печатается по автографу Арх. Языковых (ИЛИ): письмо к А. М. Языкову от 27 мая 1828 г. («Яз. Арх.», стр. 360—361). «Яко пруги» — церковно-славянское выражение: «как саранча».

А. Н. Вульфу (Не называй меня поэтом!). Печатается по автографу ГПБ: письмо к Вульфу от 1 ноября 1828 г. Другой автограф — в ИЛИ; он является первой редакцией и имеет ряд разночтений. Впервые опубликовано без подписи в альманахе «Эхо» на 1830 г. под заглавием «Послание к А. Н. В—у» с пропуском ст. 67—79 (посвященных журналистам) и 36—40 (посвященных Воейковой). Как неизвестное и неизданное, было опубликовано в «Русской Беседе» 1859, № 4, и затем опять, как неизданное,

напечатано по автографу письма к Вульфу М. И. Семевским в статье «Поездка в Тригорское» («Спб. Вед.», № 168; озаглавлено: «А. Н. Вульфу»). В изд. Сув. носит произвольное заглавие «Послание о журналистах».

Автограф ИЛИ является первой редакцией и имеет разночтения внутри текста. Ст. 36—40 даны в нем следующим образом:

Уныло петая Козловым
(Предмет поэтов самохвальных)
(Пестро ославленная мной)
Благопрославленная мной
Она теперь, товарищ мой,
(Под небом Франции лиловым)
(Одна, одна в пределах дальних)
Мила афинскою красой.

В примечании к ст. 36 Языков пишет: «Или то, что подчеркнуто или неподчеркнутое: «Verschiedene Lesearten». Эпиграф заимствован из знаменитой оды Жана Баптиста Руссо: «К счастью» («Ode à la Fortune»), очень популярной в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв. Переводы ее сделаны Ломоносовым, Сумароковым и Востоковым. Настоящее послание — отклик на первые неодобрительные отзывы печати о стихах Языкова, в частности на отзыв Н. Полевого («Моск. Телегр.» 1828, ч. XIX, стр. 127).

Р. А., канастер, вакштаф — названия сортов популярных в то время табаков; ст. 33—39 относятся к Воейковой.

Прочь с презренною толпою. Напечатано без подписи в альманахе «Эхо» (там же, где и предыдущая пьеса). В течение долгого времени приписывалось П. А. Вяземскому. Впервые было включено в собрание стихотворений Языкова изд. «Academia», где помещено в раздел «Dubia». Однако авторство Языкова можно считать совершенно бесспорным, поскольку оно устанавливается на основании замечаний Белинского и Б. Алмазова.

А. Н. Степанову (Прощай надолго, милый мой). Печатается по изд. 1833 г., где было помещено под заглавием: «А. Н. С—у»; ст. 24 исправлен по «Невск. Альманаху», как явно ошибочный. Первоначально опубликовано в «Невск. Альманахе» на 1829 г., под заглавием «А. Н. С—у», с тремя звездочками вместо подписи.

Степанов Александр Николаевич — дерптский студент-филолог, принадлежащий к кружку Языкова.

А. Н. Вульфу (Прощай! Неси на поле чести). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1829 г. Подлинное письмо к Вульфу с текстом данного послания — в ГПБ. Автограф и текст «Сев. Цветов» отличается чтением предпоследнего стиха: «И бурных юношей беседы». В изд. 1833 г. ст. 6 читается: «*Геллады* пламенных сынов», однако в автографе: «Эллады». Очевидно, орфография изд. 1833 г. всюду выправлена В. Д. Комовским и не является характерной для Языкова.

Дева ночи (Как эта ночь, стыдлив и томен). Печатается по изд. 1833 г., первоначально в той же редакции в «Невск. Альманахе» на 1829 г.; вместо подписи три звездочки.

Развалины (Ночь; тихи небеса; с восточного их края). Печатается по тексту 1833 г., первоначально в «Невск. Альманахе» на 1829 г.

Барону Дельвигу (Иные дни — иное дело!). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1829 г. Цензурное разрешение подписано: 27 декабря 1828 г.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт и журналист, ближайший друг Пушкина. Издатель альманахов «Сев. Цветы», позднее «Литературной Газеты». Дельвиг один из первых признал поэтическое дарование Языкова, посвятив ему специальный сонет.

Отъезд (Не долго мне под этим небом). Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано 1829 г. Первоначально напечатано в альманахе Дельвига «Подснежник» на 1829 г. с разночтениями, под заглавием: «Эпилог». Ст. 73—81 (включая в счет и строки точек) были напечатаны отдельно в том же альманахе под заглавием: «А. Н. В—у на отъезд его в армию». В тексте же «Эпилога» этот абзац заменен восемью строками точек с указанием, что относящиеся сюда стихи помещены на стр. 160.

В этой пьесе упоминается ежегодная студенческая пирушка на вольном воздухе в день 9 мая. Ст. 107—125 относятся, по свидетельству мемуаристов, к профессору государственного права Г. Х. Дабелову (1768—1829). Ст. 54—70 — к Шепелеву, служившему в то время в г. Козельске; 82—93 — к А. Тютчеву.

Песни. I—II печатаются по публикациям, сделанным по автографическим записям в альбоме М. Н. Дириной («Яз. Арх.», стр. 424—425). Первая — 2 марта 1829 г., вторая — 23 марта. В альбомном тексте первой песни два первых стиха 4-й строфы выпущены и заменены точками. В изд. «Academia» они восстановлены по тексту студенческой песни, приведенной в романе Боборыкина «В путь-дорогу» (ч. V, гл. VIII).

III. Когда умру, смиренно совершите. Печатается по автографу альбома Воейковой (ИЛИ); первоначально опубликовано в альманахе «Денница» на 1830 г. под заглавием «Прощальная Песнь» и вошло в издание 1833 г. под заглавием «Песня». В изд. 1833 г. опубликовано с изменениями:

5—8: Но здесь, где ныне сходка ваша
Беседует, разгульна и вольна,
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески-шумна,
10: Наполните блистательным вином,
12: И пьянствуйте об имени моем
13: Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
15: Кто видит мир туманными глазами

Датировано в изд. 1833 г.: «1829. Дерпт». Кроме записи в альбоме Воейковой, имеется еще автограф в альбоме Дириной под заглавием «Завещание».

IV. Разгульна, светла и любовна. Печатается по тексту изд. 1833 г. В альбоме А. Языкова датирована: «23 марта», входила в круг наиболее популярных и излюбленных песен дерптского студенчества. О происхождении ее — см. комментарии в изд. «Academia».

V. Прощальная песнь. (В последний раз приволье жизни братской). Печатается по изд. 1833 г., первоначально с разночтениями в «Невск. Альманахе» на 1830 г. Автограф первой редакции в одном из альбомов Воейковой (ИЛИ), где приведена и нотная запись. Ст. 3 исправлен по автографу, как явно измененный по цензурным причинам.

А. В. Тихвинскому (Как знать, куда моя дорога). Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено «А. В. Т—у», но с исправлениями цензурных искажений в ст. 21 и 40 (см. «Лит. Наследство», т. 19—20).

Послание к А—ву (Прощай, А—в! Я довольно). Напечатано в альманахе «Комета» на 1830 г. (стр. 207). Кому адресовано послание, не выяснено. На экземпляре этого альманаха, находящегося в ГПБ, чьей-то рукой имя адресата расшифровано: «Адамов»; в письме В. Федорова (ИЛИ) упоминается какой-то дерптский приятель Языкова — кантонист Антонов.

К. К. Яниш (В былые дни от музы песнопений). Печатается по тексту изд. 1833 г., где озаглавлено: «К—е К—е Я—ш»; первоначально в «Литер. Газете» (1830, № 37 под заглавием «Кар. Кар. Ян... (В альбом)».

Яниш — девичья фамилия известной поэтессы Каролины Карловны Павловой (1807—1893); о взаимоотношениях Языкова и Павловой см. комментарии в изд. «Academia» и в собрании стихотворений К. Павловой под ред. Е. П. Казанович (в серии «Библиотека поэта»).

Элегия (Тот не поэт, в ком не пробудит). Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1829. Симбирск», вошло в изд. 1844 г. Первоначально — в «Моск. Вестн.» 1830, № 1, стр. 8.

Элегия (Язык души красноречивый). Печатается по тексту изд. 1833 г. Датировано: «1829. Симбирск». Первоначально в «Моск. Вестн.» 1830, № 4, стр. 375.

Элегия (Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь). Печатается по тексту изд. 1833 г. Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1830 г.

А. И. Готовцевой (Влюблен я, дева-красота). Печатается по тексту изд. 1833 г.; озаглавлено: «А. И.»; датировано: «1829. Симбирск». Первоначально в «Деннице» на 1831 г., озаглавлено: «Анне Ивановне», вошло в изд. 1844 г.

Готовцева Анна Ивановна, впоследствии, по мужу, Корнилова. Костромская поэтесса 20-х гг., очень рано прекратившая свою поэтическую деятельность. Ее поэтическое дарование высоко ценили современники, в том числе Вяземский и Пушкин, а позже и Белинский.

Графу Д. И. Хвостову (Итак — мне новая награда). Печатается по автографу ГПБ, так как в изд. 1833 г. данный текст опубликован неточно. Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Моск. Вестн.» 1830, № 3, стр. 234. Ст. 4 в изд. 1833 г. читается «Серебровласый корифей».

Памяти А. Д. Маркова (Кипят и блещут фински волны). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Невск. Альманахе» на 1830 г., где озаглавлено: «А. Д. М—у», с разночтениями:

9: И творческим воображеньем
18: Угас ты. При чужих водах
26—30: Как сладко мне твои заботы
Питали чувство красоты!
С какою нежностию ты
Лелеял первые полеты
Едва развившейся мечты!
33: Он жив во мне, сей дар богов:
37: За много, много светлых дней

Марков Алексей Дмитриевич — преподавал в Горном кадетском корпусе русский и немецкий языки, историю и географию. Имел большое влияние на Языкова. Основательно ознакомил его со школой русского классицизма, особенно с Ломоносовым и Державиным, и не только развивал в Языкове любовь к литературе, но и заставлял его работать как поэта.

Пловец (Нелюдимо наше море). Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в альманахе М. А. Максимовича «Денница» на 1830 г. Ст. 7—8 в альманахе читались:

Как стрела на скользки волны
Полетит моя ладья!

Эта пьеса вызвала совершенно исключительные восторги современников, — особенно восторженно приветствовали ее Дельвиг, Киреевские и др.; позднейшие критики также считали эту пьесу одним из лучших произведений Языкова. «Пловец» вошел в репертуар любимых песен демократического студенчества. Цитатой из «Пловца» («А туда выносят волны только смелого душой!») закончил Добролюбов свою рецензию на «Стихотворения» Языкова (1859).

А. Н. Татаринову (Здорово, брат! Поставь сюда две чаши). Печатается по изданию 1833 г., где озаглавлено: «А. Н. Т—у», с датой: «1829 г. Симбирск». Первоначально в «Моск.

Вестн.» (1830, ч. II, № 5, стр. 6) «Ал. Ник. Тат — ву; датировано: «1830 Янв. 30 г.».

Ст. 45—50 относятся к В. Ф. Федорову (1802—1855), университетскому товарищу Языкова и Татаринова, впоследствии профессору астрономии Киевского университета.

В прежних изданиях (Перевлес., Сув.) эти стихи ошибочно относились к А. Н. Тютчеву. Текст «Моск. Вестн.» значительно отличается от изд. 1833 г.:

12: Все, чем судьба пленительна моя,
17: Чем действует возвышенный поэт, —
21—30: И мнится мне: исполнен вдохновенья
Тебя со мной соединивший час;
О! да хранит десница провиденья
Следы наук, взлелеявшие нас!
Будь нашею отрадою счастливой,
Могущество надежды горделивой,
Что станет нам на переход земной
Душевных сил своих и неизменных;
Веселою свободой пробужденных
На празднике у младости живой!

К А. Н. Татаринову (Не вспоминай мне, бога ради). Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «К А. Н. Т—у» с явно неверной датировкой: «1829. Дерпт». Первоначально в «Лит. Газ.» 1830, № 15: «К Ал. Ник. Тат—ву».

Элегия (Мне ль позабыть огонь и живость). Печатается по тексту «Моск. Вестн.» (1830, ч. IV, № 13, стр. 8), где подписано «У» (может быть, следует читать, как латинское «Y». Автограф в альбоме гр. А. Е. Комаровской, по мужу Шиповой (См. «Пушкин и его современники», т. XI, 1900, стр. 79—94).

Водопад (Море блеска, гул, удары). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Лит. Газ.» (1830, № 33, стр. 264) под заглавием «Пловец» со следующими разночтениями:

17: Прибрал он свое весло
20—23: Сжал крестом усталы длани,
И мелькает малый челн
На краю ужасной грани,
Над громадой скал и волн!

На смерть няни А. С. Пушкина (Я отыщу тот крест смиренный). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1831 г. под заглавием «Элегия».

«Там было трое» — Пушкин, Языков и Вульф.

Подражание псалму CXXXVI (В дни плена, полные печали). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Моск. Вестн.» (1830, ч. III, № 11, стр. 191) под заглавием «Псалом 136» и с очень значительными разночтениями:

1-я строфа: Там, где Евфрата светлы волны
Шумят в отлогих берегах,
Там восседали мы безмолвны
С слезами скорби на очах
3-я строфа: Мы ль оскверним воспоминанье
О славной родине своей,
Предав врагу на посмеянье
Святые песни наших дней

В 4-й строфе, ст. 2: «В них ум и звук родимых стран» и в последней, ст. 1—2:

Кто в дом тирана меч и пламень
Ожесточенные внесет

Этой пьесой открывается цикл религиозных стихотворений Языкова, но этот псалом имел, вообще, более глубокое значение: его переложения часто встречаются в революционной лирике, — главным образом в лирике изгнанников и ссыльных.

Рассвет (Не полон наш разгул, не кончен пир ночной). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Деннице» на 1831 г.

На смерть барона А. А. Дельвига (Там, где картинно огибая). Печатается по изд. 1833 г. с исправлениями цензурных искажений по письму (5 янв. 1832 г.) к В. Д. Комовскому (см. «Лит. Наследство», т. 19—21, стр. 62), первоначально — «Сев. Цветы» 1832 г. и в «Лит. Приб. к Русск. Инвалиду» (1832, № 3).

Песня (Он был поэт: беспечными глазами). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1832 г. Написано на смерть Дельвига.

К. К. Яниш (Вы, чьей душе во цвете лучших лет). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1832 г. под заглавием: «К-е К-е Я-ш» с незначительными разночтениями. В послании речь идет о переводе Каролиной Яниш на немецкий язык стихотворений Языкова.

Бессонница (Что мечты мои волнует). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1832 г.

Им (Много вашими устами). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально с незначительными разночтениями в «Сев. Цветах» на 1832 г.

И. В. Киреевскому (Щеки нежно пурпуровы). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. Цветах» на 1832 г. с незначительными разночтениями.

Весенняя ночь (В прозрачной мгле безмолвствует столица). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально с незначительными разночтениями в «Одесск. альманахе» на 1831 г. и «Лит. Приб. к Русск. Инвалиду», 1831, № 49. Это стихотворение, как и два последующих, посвящено знаменитой в конце 20-х и начале 30-х годов цыганской певице Татьяне Дмитриевне (Демьяновне), более известной под именем цыганки Тани.

Элегия (Блажен, кто мог на ложе ночи). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Одесск. Альманахе» на 1831 г., где датировано: «26 марта 1831» и с разночтениями в двух первых стихах:

Блажен, кто мог одежду ночи
С тебя, красавица, спахнуть

Перстень (Да, как святыню берегу я). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Одесском Альманахе» на 1831 г. В своих рассказах-воспоминаниях о Пушкине и Языкове, записанных с ее слов В. П. («Спб. Вед.» 1875, № 131), Татьяна Демьяновна вспомнила и эпизод с перстнем. Но, вообще, она рассказывала гораздо больше о Пушкине, — о Языкове же говорила мало и неохотно. Искренний и беспристрастный рассказ ее вполне убеждает, что в отношениях между нею и поэтом не было никакой близости и интимности. Этот цикл характерен как лишний штрих, свидетельствующий о невозможности использовать узко-биографически лирические признания Языкова.

Ау! (Голубоокая, младая). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Европейце» 1832, № 1, стр. 86. В журнальной публикации цензурой были исключены ст. 51—54:

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

См. письмо к В. Комовскому от 29 дек. 1831 г. («Лит. Наследство», т. 19—21, стр. 60).

Е. А. Свербеевой (Мысль неразгульного поэта). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально было напечатано в «Европейце» 1832, № 1, стр. 85. Автограф первоначальной редакции в письме к А. М. Языкову (ИЛИ) от 18 ноября 1831 г. В том и другом мелкие разночтения.

Свербеева Екатерина Александровна — жена родственника и друга Языковых, Дм. Н. Свербеева.

И. В. Киреевскому (Поэт, вхожу я горделиво). Печатается по автографу в альбоме И. В. Киреевского (ИЛИ); первоначально было опубликовано в «Русской Стар.» 1886, VII по тому же источнику.

М. А. Максимовичу (Свобода странно воспитала). Печатается по публикации М. А. Максимовича в газ. Ив. Аксакова «Парус» 1859, № 1. Послание датировано «1831 г. Ноября 29».

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — профессор Московского и, позднее, Киевского университетов, украинский фольклорист-этнограф, историк и филолог, один из крупнейших деятелей украинской литературы и науки.

Воспоминание об А. А. Воейковой (Ее уж нет, но рай воспоминаний). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально напечатано в «Европейце» 1832, № 2, стр. 187.

Конь (Жадно, весело он дышит). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально опубликовано в «Европейце» 1832 г., № 2, стр. 201.

Элегия (Ночь безлунная звездами). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально опубликовано в «Европейце» 1832, № 2, стр. 202, вошло в изд. 1844 г.

Пожар (Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Телескопе» 1831, т. IV, № 17.

Петерсон Александр Петрович, которому посвящено это стихотворение, — дерптский студент, товарищ Языкова, побочный брат А. П. Елагиной.

С. С. Тепловой (Я знаю вас: младые ваши лета). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Европейце» 1832, № 3, но номер в свет на вышел (корректурный экземпляр в ГПБ), и Языков поместил пьесу в «Телескопе» (1832, т. VIII, № 1, стр. 61, под заглавием «С. С. Т—ой»).

Теплова Серафима Сергеевна (ум. в 1861 г.) — второстепенная поэтесса 20-х гг. Имя ее стало неожиданно популярным в начале 30-х годов, в связи с опубликованным ею стихотворением «К ***», в котором, едва ли с достаточными основаниями, — власти увидели намек на декабристов.

Поэт (Радушно рабствует поэту). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в третьей (не вышедшей в свет) книжке «Европейца» за 1832 г.; затем в «Телескопе» 1832, т. VII, № 1, стр. 191.

На смерть А. Н. Тютчева (Огнем и силой дум прекрасных). Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено «На смерть А. Н. Т—а».

Тютчев Андрей Николаевич — университетский товарищ Языкова, которому посвящен ряд посланий Языкова; скончался в 1831 г. в Москве от чахотки.

Кубок (Восхитительно играет). Печатается по изд. 1833 г.; вошло в изд. 1844 г.

Камби (Там, где внизу горы, извивистый ручей). Печатается по изд. 1833 г.; вошло в изд. 1844 г.

Утро (Пурпурово-золотое). Печатается по изд. 1833 г.

Стансы (В час, как деву молодую). Печатается по изд. 1833 г.

Пловец (Воют волны, скачут волны!). Печатается по изд. 1833 г.; вошло в изд. 1844 г.

В. А. Елагину (Светло блестит на глади неба ясной). Печатается по изд. 1845 г.

Елагин Василий Алексеевич (1818—1879) — брат Киреевских по матери — старший сын А. А. и А. П. Елагиных.

Вино (Голосистая, живая). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально — в альманахе «Комета Белы» 1833.

Мечтания (Поэта пламенных созданий). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в альманахе «Комета Белы» на 1833 г.

В альбом Маркевичу (Украйны, некогда свободной). Напечатано впервые в изд. «Academia» по списку в бумагах Языкова (ИЛИ).

Маркевич, Николай Андреевич (1804—1860) — украинский поэт и общественный деятель; один из ярких представителей национальной романтики.

Поэту (Когда с тобой сроднилось вдохновенье). Печатается по автографу (письмо к В. Комовскому от 16 дек. 1831 г. (См. «Лит. Наследство», т. 19—21, стр. 55). Первоначально в альманахе «Комета Белы» на 1833 г. В изд. 1833 г. открывало сборник и являлось таким образом как бы программным. Во всех изданиях поэт, по требованию цензуры, перерабатывал ст. 13 и 14. В тексте альманаха: «Приветно ли взойдет тебе денница. Ужасен ли судьбины произвол»; в изд. 1833 г.: «Приветно ли сияние денницы. Ужасен ли судьбины произвол»; в изд. 1844 г. изменен только ст. 14: «Ужасен ли Саулов произвол».

А. П. Елагиной при поднесении ей своего портрета (Таков я был в минувши лета). Печатается по списку альбома А. М. Языкова, где датировано: «1 марта 1832 г.». Опубликовано впервые М. А. Максимовичем в газете «Парус» 1858, № 1.

Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — по первому браку Киреевская, мать Ив. и П. В. Киреевских. О ней и взаимоотношениях ее с Языковым см. комментарии в изд. «Academia».

Е. А. Тимашевой (Молодая ученица). Печатается по изд. 1833 г. с восстановлением (по альманаху «Комета Белы», где было первоначально опубликовано) случайно пропущенного 18-го стиха. В изд. 1833 г. озаглавлено: «К ***».

Тимашева Екатерина Александровна (1798—1881) — незначительная поэтесса, принадлежавшая к великосветскому московскому обществу.

Д. В. Давыдову (Давным-давно люблю я страстно). Сопроводительное послание при отправке ему книги своих стихов (изд. 1833 г.). Печатается по автографу в Лен. б-ке. Датировано: «1833, апреля 17, с. Языково». Впервые опубликовано в сочинениях Давыдова (изд. 4-е, исправленное и дополненное по рукописи автора, т. III, М., 1860, стр. 181—182).

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — известный поэт и участник войны 1812 г.

А. Н. Вульфу (Прошли младые наши годы!). Печатается по списку А. М. Языкова (ИЛИ). Датировано: «15 мая 1833 г.». Первоначально напечатано в «Деннице» за 1834 г., где озаглавлено «А. Н. В—у»; является сопроводительным посланием к отправлен-

ной Вульфу книге стихов (изд. 1833 г.). В «Деннице» напечатано с изменениями, на которых настоял редактор из опасения цензурного вмешательства. Вм. «Герой академической свободы» — «герой моих стихов и друг природы»; вм. «и как раба не угнетай» — «и мне души не угнетай»; вм. «ночные шалости любви» — «пиры и шалости любви».

Е. Н. Мандрыкиной (В младой груди моей о вас воспоминанья). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: в «Моск. Набл.» 1835, сент., кн. 1, стр. 187—198 с незначительным разночтением в ст. 26.

Мандрыкина Елена Николаевна — казанская знакомая Языкова, дочь генерала Мандрыкина.

А. А. Фукс (Завиден жребий ваш: от обольщений света). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Моск. Набл.» 1835, ч. III, № 6, стр. 475—477.

Фукс Александра Андреевна (ум. в 1852 г.), казанская писательница, поэтесса и этнограф-любительница, жена известного казанского ученого, профессора и ректора университета К. Ф. Фукса.

Д. П. Ознобишину (Где ты странствуешь? Где ныне). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально опубликовано в «Моск. Набл.» 1835, сент., кн. 2; датировано 1835 г., что неверно, так как ответное послание Ознобишина помечено: ноябрь 1834 г. См. «Academia», стр. 682—683 и 820.

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — земляк Языкова по Симбирской губ., второстепенный поэт и переводчик, примыкавший к кружку Раича.

Молитва (Моей лампады одинокой). Печатается по изд. 1845 г., датировано: «1845 г. Елань». Посвящено сестре поэта, Екатерине Михайловне, впоследствии жене А. А. Хомякова.

П. В. Киреевскому (Где б ни был ты, мой Петр). Печатается по изд. 1845 г., датировано: «Языково, 1835». Первоначально: «Моск. Набл.» 1836, ч. VI, № 11, стр. 72—76 под заглавием: «П. В. К—у».

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — младший брат Ив. Киреевского, знаменитый собиратель народных песен, один из основоположников русского славянофильства (см. Письма П. Киреевского к Н. Языкову. Под ред. М. Азадовского. Л., 1935).

К *** (Вами некогда плененный). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Моск. Набл.» 1836, ч. VII, № 1, стр. 217—219; к кому относится, установить не удалось (может быть, к К. Павловой?).

Д. В. Давыдову (Жизни баловень счастливый). Печатается по изд. 1845 г.; автограф — в Лен. б-ке. Первоначально: «Моск.

Набл.» 1835, ч. III, № 6, стр. 471—475; в той же редакции — в сочинениях Давыдова; автограф находится в Лен. б-ке. В тексте «Моск. Набл.» ряд разночтений:

1: Славы звучной и прекрасной
25: Велегромная скоплялась
29: Русь! Тебе смертельный зов!
47—50: Серебристый русский снег
Покрывает ваши кости,
Ваш погибельный побег:
Долго, знать, запировались
53: Так вы пали — и остались
55—56: Знайте ж крепость нашей силы!
Вы зачем сюда пришли?

П. Н. Шепелеву (Он прищурился спесиво). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Моск. Набл.» 1836, ч. VI, № 12, стр. 241, под заглавием: «К...»

Е. А. Баратынскому (Покинул лиру ты. В обычном шуме света). Первоначально было опубликовано в «Моск. Набл.» 1836, ч. VI, № 12, стр. 433. Датировано: «3 марта 1836». В новой редакции было включено в изд. 1845 г. Уже после выхода в свет изд. 1845 г. вновь было перепечатано с незначительными исправлениями в «Современнике» 1846, т. XLIV, стр. 224. В настоящем издании печатается по тексту «Современника».

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844). — О взаимоотношениях Языкова и Баратынского — см. А. С. Поляков. Н. Языков и Е. Баратынский («Литерат.-библиолог. сборник». П., 1919).

Н. А. Языковой (Прошла суровая година вьюг и бурь). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Моск. Набл.» 1836, ч. VI, № 12, стр. 694—696.

Языкова Наталья Алексеевна, рожд. Хомякова, — жена старшего брата, Александра Михайловича Языкова.

Я помню: был весел и шумен мой день. Печатается по списку альбома А. М. Языкова (ИЛИ); опубликовано по тому же источнику Е. В. Петуховым («Яз. Арх.», стр. 430—431). Впервые опубликовано в «Русской Беседе» 1859, V. В черновике, хранящемся в ИЛИ, испещренном помарками и поправками, имеется еще одна строфа, оставшаяся неоконченной, из которой явствует, что это послание предназначалось одной из сестер Языкова. Датируется предположительно 1834—1836 гг.

Девятое мая (То ли дело, как бывало). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1843, № 7, стр. 1—2. Датировано: «Висбаден. 1839 г.». Девятое мая — день именин поэта. Ст. 3 в изд. 1845 г. напечатан с опечаткой, перешедшей оттуда во все последующие издания Языкова.

Элегия (Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1844, № 1, стр. 24. Датировано: «3 июня 1839».

Элегия (Толпа ли девочек, крикливая, живая). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1843, № 4, стр. 12; с незначительными разночтениями. Датировано: «Ганау. 1839». Известен список этой пьесы, сделанный Гоголем в альбом Шиповой.

Крейцнахские солеварни (Предо мной скалы и горы). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Теодорсгалле — Крейцнах. 1839 г.».

Элегия (День ненастный, темный; тучи). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Современн.» 1843, т. XXIX, с незначительными разночтениями. Датировано: «Теодорсгалле. 1839».

Пловец (Еще разыгрывались воды). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1841, № 8, стр. 291. Датировано: «Теодорсгалле. 1839».

К стихам моим (Небо знойно, воздух мутен). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1842, № 1, стр. 12. Датировано: «Теодорсгалле. 1839».

Гастуна (Так вот она, моя желанная Гастуна). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста, 1839».

Гастуна — старинное название Гаштейна — долины в Австрии близ Зальцбурга. Gastuna tantum una — единственная из всех Гастуна.

Иоганнисберг (Из гор, которыми картинный рейнский край). Печатается по тексту изд. 1845 г. Первоначально опубликовано в «Современн.» 1841, т. XXV, стр. 130, и в «Москвит.» 1842, № 3. Датировано: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста, 1839».

Графу В. А. Соллогубу (Тебя — ты мне родня по месту воспитанья). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально с незначительными разночтениями в альманахе «Утренняя Заря» на 1841 г. с датой: «25/13 марта». Автограф (принадлежит М. К. Азадовскому) с незначительным разночтением в ст. 36: «ты бойся» вм. «беги ты».

Соллогуб Владимир Александрович (1813—1882) — писатель. Учился в Дерптском университете с 1830 по 1834 г. Н. Языкову посвящена знаменитая «Серенада» В. Соллогуба: «Накинув плащ, с гитарой под полою» («Москвит.» 1841, ч. VI, № 11).

Переезд через Приморские Альпы (Я много претерпел и победил невзгод). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Современн.» 1842, т. XXVII, № 3, стр. 93—94 («Переезд через Апеннины»). Датировано: «Ницца Приморская. 1839». Под заглавием «Переезд через Апеннины» и с разночтенями:

5—7: И в ночи темные и в сумрачные дни
Глубокой осени тащили нас кони,
Дрожа от холода, и тощи и нерьяны
11—12: Недавно выплывших из шуму наводненья,
То сырость с холодом и скудость отопленья
20: Дочь ветра и зимы, знакомка наша, вьюга,
22: Над морем северным баюкавшая нас.

Морская тоня (Море ясно, море блещет). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в изд. 1844 г. с разночтен. в ст. 40: «А трудилась сотня рук!» Датировано: «Ницца. Предместье мраморного креста, 1839».

Маяк (Меж морем и небом, на горной вершине). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839». Первоначально: «Москвит.» 1841, ч. VI, № 12, стр. 289.

Буря (Громадные тучи нависли широко). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839 года». Первоначально: «Современн.» 1841, т. XXIV. В автографе ИЛИ (дат. «15 декабря»).

Малага (В мои былые дни, в дни юности счастливой). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца. 17 декабря 1839 г.». Первоначально в «Современн.» 1842, т. XXIV и в «Москвит.» 1842, № 2, стр. 354.

Ницца Приморская (Теперь, когда у нас природный, старый друг) печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца. Предместье мраморного креста. 1839». Первоначально: «Москвит.» 1841, № 3, стр. 6, с незначит. разночтениями:

2: Сугробистых снегов и голосистых вьюг
17—18: Из отдаленных стран сгоняет Аквилон
Сюда: здесь русский князь, немецкий важный фон.

Корабль (Люблю смотреть на сине море). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1843, № 7, стр. 3, без заглавия, с датой: «Ницца. 1839, дек.». В изд. 1844 г. под общим заглавием «Корабль» напечатано две пьесы: 1. «Струится и блещет, светло, как хрусталь», выделенное в изд. 1845 г. отдельной пьесой под заглавием «Море», и 2. «Люблю смотреть». В изд. 1845 г. Языков вновь сделал каждую пьесу самостоятельной, оставив название «Корабль» для последней.

Ундина (Когда невесело осенний день взойдет). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Современн.» 1841, т. XXII, стр. 181, и в «Москвит.» 1841, № 9. Датировано; «Ницца. Декабря 26. 1839». Ст. 15—16 в журнальных редакциях читается:

И не вари из них да сахару да рому
Питья, с которого бывает много грому

Ниццарке (Если б ты была Юнона). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста. 1840». Первоначально в «Современн.» 1842, т. XXVII, под заглавием «К Ниццарке» с разночтением в первых четырех стихах:

Если б друг твой был Зевес,
И была бы ты Юнона,
Сад твой, милая Миньона,
Процветал бы не как лес;

К. К. Павловой (Забыли вы меня! Я сам же виноват). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1841, № 2, стр. 348—350. В изд. 1845 г. датировано 1843 г., что, несомненно, ошибочно. В журнальной публикации указаны только число и месяц: «15 февр.» без обозначения года.

Морское купанье (Из бездны морской белоглавая встала). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально с незначительными разночтениями в «Современн.» 1841, т. XXIII, стр. 181. Датировано: «17 июня 1840», и в «Москвит.» 1841, ч. III, № 6.

К Рейну (Я видел, как бегут твои зелены волны). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально с незначительными разночтениями — в «Современн.» 1841, т. XXI, стр. 219—221, и в «Москвит.» 1841, № 3, стр. 3—6. Датировано: в «Москвит.»: «1 авг. 1840 г. Гаштейн», а в изд. 1855 г.: «Ницца Приморская. Предместье мраморного креста».

Альпийская песня (Из тишины глубокой). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Вильдбад — Гаштейн. 1840 года». Первоначально: «Москвит.» 1842, № 3, озаглавлено «Гастуна».

Вечер (Ложатся тени гор на дремлющий залив). Печатается по тексту «Современн.» 1841, т. XXIV. Датирована 1841 г. предположительно; возможно, что относится к более раннему периоду (1839—1840).

К. К. Павловой (В те дни, когда мечты блистательно и живо). Печатается по тексту изд. 1845 г. Первоначально в альманахе «Литературный вечер в пользу семейства Пассека», 1844, с датой: «Март 1841. Ганау». Данное послание — ответ на послание Каролины Павловой.

А. А. Елагину (Была прекрасна, весела). Печатается по изд. 1845 г. («Алексею Андреевичу Елагину». Швальбах. 1841). Первоначально без заглавия в сборнике «Русская Беседа. Собр. соч. русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина», т. II, СПБ. 1841, и в «Москвит.» 1842, № 2, стр. 356. Датировано: «Март. 1841. Ганау».

Елагин Алексей Андреевич — муж А. П. Елагиной, вотчим Киреевских и до 1822 г. их единственный учитель.

Элегия (Бог весть, не втуне ли скитался). Печатается по изд. 1845 г.; первоначально в «Москвит.» 1841, № 11. Датировано: «Швальбах. 1841 года», вошло в изд. 1844 г.

Песня балтийским водам (Пою вас, балтийские воды! вы краше). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Москвит.» 1842, № 3, стр. 13, с датой: «20 ноября 1851. Ганау».

Н. В. Гоголю (Благословляю твой возврат). Печатается по изд. 1845 г. («Николаю Васильевичу Гоголю». Ганау 1841). Первоначально напечатано в «Москвит.» 1842, ч. III, № 6, стр. 229 под заглавием: «Г***». Об отношениях Гоголя и Языкова см. примечания в изд. «Academia».

Элегия (На горы и леса легла ночная тень). Печатается по тексту «Москвит.» 1845, № 3, стр. 8, где было опубликовано без подписи автора и без указания места и времени. В письме А. М. Языкова к родным из Симбирска от 4 февраля 1842 г. — иная редакция (ИЛИ):

По долам и горам лежит ночная тень,
Стемнели небеса, блестит лишь запад ясный.
Ты улыбаешься, безоблачно-прекрасный,
Спокойно, радостно кончающийся день.

Элегия (Поденщик, тяжело навьюченный дровами). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально опубликовано в сборнике «Вчера и сегодня» 1845. В Арх. Яз. имеется список, датированный «Декабря 24 нов. ст. Ганау». В списке озаглавлено «Поденщик» и разночтение в ст. 3—4:

Смотрю я на него: мне прежних дум моих
Печальных на душу теперь он не наводит.

Гора (Взойди вон на эту безлесную гору). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Вильбад. Гаштейн. 1842». Первоначально напечатано в «Москвит.» 1842, № 9, стр. 12.

Изречение А. Д. Маркова (Любил он крепкие напитки; и не мало). Печатается по тексту изд. 1845 г., где озаглавлено: «Изречение Алексея Дмитриевича Маркова». Датировано: «Вильбад. Гаштейн. 1842 г.» Первоначально: «Москвит.» 1842, № 8, стр. 239. Первые два стиха в изд. 1845 г. и журнальной публикации имеют такой вид:

Любил он крепкие напитки, и немало;
В свободные часы он ух употреблял,

Это чтение сохранено и в изд. «Academia», — однако здесь несомненно следует видеть опечатку, как это явствует из всего контекста.

Море (Струится и блещет, светло, как хрусталь). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Венеция 1842 г.» Первоначально в «Москвит.» 1843 г., № 9, стр. 17; в изд. 1844 г. вошло в состав стихотворения «Корабль».

Весна (Великолепный день! На мягкой мураве). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Рим 1843 г.» Первоначально в «Москвит.» 1843, № 10, стр. 289.

Элегия (В тени громад снеговершинных). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1844, № 7, стр. 1, датировано: «10 июня 1843 г. Гаштейн».

Постников Иван Петрович — врач, сопровождавший Языкова за границу.

Элегия (Опять угрюмая, осенняя погода). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1844, № 9, стр. 2. Датировано: «10 июня 1843».

Элегия (И тесно и душно мне в области гор). Печатается по изд. 1845. Первоначально: «Москвит.» 1844, 11, стр. 9, под заглавием «Горы»; под таким же заглавием вошло в изд. 1844 г.; датировано: «Гаштейн. 1843, июня 16». Автограф (без разночтений) в архиве Шевырева (ГПБ) датирован: «Гаштейн, 1843, июня 6».

Князю П. А. Вяземскому (В те дни, как только что с похмелья). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально: «Современн.» 1844, т. XXXV, стр. 96—98. Датировано: «Апр. 16 дня 1844».

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792—1878) — известный поэт, критик и журналист. Ст. 8 («Я родину свою и пел и межевал») имеет в виду недолгую службу Языкова в межевой канцелярии (1831).

В 1833 г. Вяземский прислал Языкову из Дерпта послание («Я у тебя в гостях, Языков»), о котором упоминает в данной пьесе Языков.

К. К. Павловой (Тогда, когда жестоко болен). Печатается по тексту «Моск. Сборн.» 1847; датировано: «18 апреля 1844».

К. К. Павловой (Хвалю я вас за то, что вы). Печатается по тому же источнику. Дата: «21 апр. 1844 г.».

Послание к Ф. И. Иноземцеву (Да сохранит тебя великий русский бог). Впервые напечатано в изд. «Academia» по автографу, хранившемуся в Рязанском музее (ныне передан в ИЛИ). Датировано: «27 апр. 1844 г. ».

Иноземцев Федор Иванович (1802—1869) — известный врач, профессор, учредитель и первый председатель общества русских врачей, товарищ Языкова по Дерптскому университету. Его основной идеей было стремление создать русскую медицину, освободив ее от «немецкой кабалы».

Землетрясение (Всевышний граду Константина). Печатается по тексту 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1844 г., № 10, стр. 258. Датировано: «1 мая 1844 г.»

Я. П. Полонскому (Благодарю тебя за твой подарок милый). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в сб. «Вчера и сегодня», 1845 г. и «Москвит.» 1845, № 2, стр. 58.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — известный поэт. В 1844 г. вышла первая книжка его стихов «Гаммы», которую он и прислал Языкову. Отзыв Языкова о Полонском — в письме Гоголю («Русская Стар.» 1896, XII, стр. 629).

В. Н. Анненковой (Мне мил прелестный ваш подарок). Печатается по изд. 1845 г. Впервые опубликовано в «Москвит.» 1845, № 3, стр. 8, и в сб. «Вчера и сегодня» 1845 г. Датировано: М., 1844.

Анненкова Варвара Николаевна (1795—1866) — симбирская поэтесса. Стихотворение Языкова — ответ на послание к нему поэтессы.

А. Д. Хрипкову (Тебе и похвала и слава подобает). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1845, № 1, стр. 219.

Хрипков Александр Дмитриевич — живописец-пейзажист, его кисти принадлежит известный портрет Языкова в халате.

А. П. Елагиной (Я знаю, в дни мои былые). Печатается по изд. 1845 г., где напечатано как посвящение перед основным текстом с римской нумерацией страниц. По сообщению Н. Ф. Бельчикова, автографический список этой пьесы имеется в собрании М. В. Беер с разночтением в ст. 5: «Так думаю, надеюсь всей душой».

А. В. Киреевой (Сильно чувствую и знаю). Печатается по списку поэта Н. Ф. Щербины (автограф последнего), сделанному непосредственно из альбома Киреевой. Первоначально напечатано с сокращениями в «Москвит.» 1845 г., № 2, стр. 55—56, где датировано: «26 ноября 1844 г.»

Киреева Александра Васильевна, рожд. Алябьева (1812—1891), одна из первых московских красавиц; о ней упоминает Пушкин в послании «К вельможе». Её дом был одним из славянофильских салонов.

А. В. Киреевой (Тогда как сердцем мы лелеем). Печатается по тому же источнику, что и предыдущее. Первоначально напечатано в «Москвит.» 1845 г., № 2, стр. 56—57.

Константину Аксакову (Ты молодец! В тебе прекрасно). Печатается по тексту в статье Жихарева («Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 44—45). Автограф неизвестен. Данное послание является, видимо, первым в ряду «антизападнических» инвектив Языкова («К не нашим», «К Чаадаеву», «Шевыреву» и пр.).

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — старший сын С. Т. Аксакова — поэт, критик, филолог и историк, публицист, один

из основоположников славянофильства, но в то же время стремившийся отгородиться от правого крыла славянофилов. «Западники» очень ценили К. Аксакова, выделяя его из окружавших его союзников. К. Аксаков, как и вся семья Аксаковых, боролся за влияние над Языковым.

К не нашим (О вы, которые хотите). Печатается по списку альбома А. М. Языкова (ИЛИ). Впервые было опубликовано Жихаревым в его статьях о Чаадаеве («Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 43—48), с опиской в ст. 15: «Восприниматель слезной». Затем, как неизвестное в печати, было опубликовано П. Бартеневым в «Русск. Арх.» 1879, № 8, стр. 398—399. Редакция «Русск. Арх.» и альбома А. М. Языкова почти идентичны: разночтения только в ст. 4 «Русск. Арх.»: «Любовь не к истине, не к благу». Датировано также одинаково в обеих редакциях: «6 декабря 1854 г.». В тексте Жихарева ст. 50 читается: «Замрет проклятый ваш язык».

Списки этой пьесы довольно многочисленны; в рукописном отделении ИЛИ хранится несколько списков этой пьесы: один из собрания М. Н. Лонгинова, другой принадлежал Н. А. Котляревскому. В списке Лонгинова рукой последнего сделаны примечания: 1. К словам «Жалкий ли старик» — П. Я. Чаадаев. 2. «Сладкоречивый книжник» — Т. Н. Грановский. 3. «Поклонник темных книг и слов» — А. И. Тургенев. Причем первоначально примечание 1 относилось к Тургеневу, а 3 — к Чаадаеву, потом зачеркнуто и дана вышеприведенная редакция. Приурочение к А. И. Тургеневу очень сомнительно. В архиве ИЛИ имеется список А. Языкова в письме к В. Д. Комовскому от 19 декабря 1844 г.

Стихи Языкова вызвали целую бурю в обществе. Эти «поэтические доносы», как характеризовали их современники, вызвали отрицательное отношение даже у некоторых представителей славянофильства. Если Гоголь и Погодин превозносили Языкова за эти стихи («Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим», — писал Языкову Гоголь), то другие из близких к Языкову лиц отмежевывались от этого послания и резко возражали против него.

К Чаадаеву (Вполне чужда тебе Россия). Печатается по списку А. М. Языкова (ИЛИ). Впервые опубликовано Жихаревым в той же статье, где было воспроизведено послание «К не нашим» («Вест. Европы» 1871, IX; затем в «Русск. Арх.» 1875, № 5). В ИЛИ хранятся еще списки этого послания: в альбоме А. М. Языкова и в архиве Лонгинова; есть список и в архиве Чаадаева. В изд. Сув. воспроизведена редакция «Русск. Арх.». И в ней и в редакции Жихарева ст. 17 читается: «Нам не смешно, нам не обидно»; так же читается он и в списке Лонгинова, однако все остальные списки, в том числе и авторитетный список А. М. Языкова, совершенно ясно устанавливает чтение: «Как не смешно, как не обидно». В тексте, сообщенном Жихаревым, ряд незначительных разночтений. Большинство списков датировано «25 декабря 1844 г.».

Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — знаменитый писатель-философ. Среди современных общественных группировок разделял

позиции прогрессистов-западников и находился в решительной борьбе с славянофилами, особенно обострившейся в 40-е гг., когда и было написано послание Языкова. Языков и его ближайший друг, П. В. Киреевский, всегда относились к Чаадаеву резко отрицательно и враждебно. См. Письма П. Киреевского к Н. Языкову. Л., 1935 г.; а также М. Азадовский, «Литература и фольклор», Л., 1938 г., стр. 147—151.

Элегия (Есть много всяких мук — и много я их знаю). Печатается по тексту «Москвит.» 1845, № 2, стр. 88, датировано: «декабря 7 дня 1844 г.». «Седовласый врач», о котором упоминает Языков в последних строфах, — знаменитый в то время немецкий врач Копп, у которого лечился он во время пребывания за границей.

А. В. Киреевой (Я вновь пою вас: мне отрадно). Печатается по автографу, хранящемуся в ГПБ; первоначально было напечатано в «Москвит.» 1845, № 3, стр. 7—8. Датировано в автографе и журнале: «Янв. 14 дня 1845». Имеется список в бумагах Щербины, вполне идентичный печатным редакциям.

И. С. Аксакову (Прекрасны твои вдохновенья живые). Напечатано впервые в «Современн.» 1846, т. XI, и в этой же редакции перепечатано в изд. Переврлес. (т. II) и Сув. В настоящем издании воспроизводится по автографу ИЛИ, датированному: «2 ноября 1845 г.». Печатный текст имеет ряд разночтений, вызванных отчасти цензурными, отчасти и художественными соображениями.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — младший сын С. Т. Аксакова, впоследствии видный славянофильский публицист. В 50-е годы редактировал ряд газет («Парус», «День», «Молва»), в которых развивал умеренно-либеральную программу на славянофильской основе. В 1845 г. (дата послания к нему Языкова) И. С. Аксаков служил в Калуге. На это послание Аксаков отвечал также стихами (см. «И. С. Аксаков в его письмах», ч. I. Учебные и служебные годы, т. I. Письма 1829—1848 гг., М., 1888, стр. 282—299, и прилож., стр. 70).

К баронессе Е. Н. Вревской (Я помню вас! Вы неизменно). Печатается по списку ИЛИ. Впервые было опубликовано в «Русской Бес.» 1859, № 5; в изд. Сув. оказалось пропущенным. Список ИЛИ и текст «Русской Беседы» — идентичны. Напечатано Б. Л. Модзалевским по автографу, обнаруженному им в Тригорском в одной из книг Е. Н. Вревской (Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское. «Пушкин и его современники», вып. I, СПБ. 1899). Автограф датирован: «11 ноября 1845». Текст, опубликованный Б. Л. Модзалевским, отличается от печатаемого в настоящем издании чтением ст. 18: вм. «Певец свободы» — «Пророк свободы»

Вревская Евпраксия Николаевна (1809—1883), рожд. Вульф, сестра университетского товарища Языкова, А. Н. Вульфа, неоднократно воспетая Пушкиным.

Е. А. Свербеевой (Когда б досталась мне корона). Печатается впервые по списку в бумагах А. Д. Свербеева. (ИЛИ).

К. К. Павловой (В достопамятные годы). Печатается по тексту «Современн.» 1846, т. XLIII, стр. 220, под заглавием: «К... К... П—вой»; дата: «28 апреля, 1846 г.» К. Павлова была в числе тех, кто очень отрицательно отнесся к полемическим посланиям Языкова. Попытка Языкова восстановить этим посланием старые отношения успеха не имела: К. Павлова отвечала замечательным стихотворением:

Нет, не могла я дать ответа
На вызов лирный, как всегда.

Сампсон (На праздник стеклися в божницу Дагона). Печатается по тексту «Моск. Сборн.» 1846 г., стр. 338; датировано: «1846, мая 1 дня».

К А. Д. В—у (Пред вашими глазами). Печатается впервые по списку А. Н. Вульфа, находящемуся в бумагах Л. Н. Майкова (ИЛИ). Адресовано кому-то из симбирских знакомых Языкова; по всей вероятности, в этом послании Языков рекомендует А. Очкина.

К А. А. Р—у (Письма сего податель). Печатается впервые по тому же источнику. Упоминание о «Благонамеренном» («Измайлова журнал») позволяет относить эту пьесу, как и предыдущую, к двадцатым годам.

К *** (Сияет яркая полночная луна). Печатается по автографу ИЛИ; впервые было опубликовано в «Москвит.» 1848, № 5, стр. 44, под заглавием «Об ней» и вторично в «Русск. Бес.» 1859, т. III, под заглавием «К». В альбоме А. Языкова имеется список; последний, так же как и автограф, заглавия не имеет; аналогичные списки в бумагах Шевырева (ГПБ) и Вульфа (ИЛИ).

Увенчанный и пристыженный вами. Впервые опубликовано Ю. Н. Верховским по автографу, хранившемуся в собрании С. А. Рачинского («Е. А. Баратынский. Материалы для биографии». Под редакцией Ю. Н. Верховского, 1916 г.). К какому времени относится и кому посвящено, установить не удалось.

К*** (Живые, нежные приветы). Печатается по автографу ГПБ; там же список в бумагах Шевырева. Напечатано впервые после смерти Языкова в «Москвит.» 1849, № 5 под заглавием «Послание». Вторично опубликовано под заглавием «К...й» в изд. «Раут». Литературный сборник в пользу Александрийского детского приюта. Изд. Н. В. Сушкова. М., 1851, стр. 200, с указанием, что за доставку этих стихов «следует благодарить К. К. и Н. Ф. Павловых». В последнем стихе разночтение: «И дум возвышенных полны».

К *** (Милы очи ваши ясны). Печатается по списку ИЛИ (Арх. Яз.). Тетрадь со списками стихотворений, подготовлявшихся к пе-

чати), в том же архиве имеются и другие списки этой пьесы; один список хранится в ГПБ (бумаги Шевырева). Впервые опубликовано, так же как и предыдущая пьеса, после смерти поэта, в «Москвит.» 1848, № 9 и под тем же заглавием «Послание».

Несомненно, что обе эти пьесы посвящены одному и тому же лицу и поступили в редакцию из одного и того же источника. Не исключена возможность, что они были посвящены К. Яниш (Павловой).

Вы скоро и легко меня очаровали. Печатается по списку Арх. Яз. (ИЛИ); другой список — в ГПБ; там же третий список, сохранившийся, как и предыдущие тексты, среди бумаг Шевырева. Все эти списки не датированы. Впервые опубликовано в «Москвит.» (1849, № 2), откуда вошло в изд. Сув. По всей вероятности, эта пьеса восходит к тому же источнику, что две предыдущих и, может быть, относится к одному и тому же лицу; это подтверждается и тем, что в списках Шевырева (ГПБ) все они (№№ 300—302) находятся на одном листке. Списки ИЛИ и ГПБ вполне идентичны тексту «Москвитянина».

Крамбамбули (Крамбамбули, отцов наследство). Текст заимствован из сборника: «Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 40-х гг., русские и латинские, последние с русскими переводами в стихах, с нотами для пения и с аккомпанементами на рояле. Собрал и издал студент того времени Вл. Александров. Харьков» (стр. 32—33). В этом же сборнике имеются и другие песни Языкова. О принадлежности этой пьесы Языкову свидетельствует Ю. Арнольд в своих «Воспоминаниях» (М., 1892).

ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ, СКАЗКИ

Сказка о пастухе и диком вепре. Печатается по тексту «Моск. набл.» 1835, ч. IV, с исправлением очевидной опечатки в ст. 46: («Робеть не надо — главное не в том»), с посвящением Д. Н. Свербееву и датой: «Языково, 1835».

В издании 1845 г. эта пьеса вошла в состав «Сказки о Жар-Птице» в качестве сказки, которую рассказывает сказочник царю Долмату. В первоначальной редакции «Жар-птицы» вместо этой сказки был рассказ о чудесном царе — Петре I. Языков ввел текст сказки «о пастухе и вепре» в новую совершенно механически, сделав только некоторые незначительные стилистические изменения. Вставка сделана настолько механически, что Языков забыл даже изменить ст. 97: «И мы уже читали», хотя в новой редакции эта сказка *рассказывается*.

Разночтения в изд. 1845 г.:

1—48: отсутствуют
56: И был доволен мирною судьбой
93: И горячо отец ее любил
139: Он мигом догадался, в чем тут дело

141—142: Схватил топор, им замахнулся смело
И шеищу вепрю перерубил.

159—160: отсутствуют.

Сюжет сказки заимствован Языковым из лубочного сборника: «Дедушкины прогулки или продолжение настоящих русских сказок», СПБ. 1786; последующие издания были в 1791, 1805, 1815, 1819 и других годах. Сказки этого сборника выпускались и отдельным изданием. О сказках в творчестве Языкова см. во вступительной статье.

Жар-птица. Драматическая сказка. Печатается по отдельному изданию, выпущенному Перевлесским в 1857 г. Ранее частями печаталась в «Современн.» 1836, т. 2 (гл. I—VII); «Моск. Набл.» 1836, ч. VIII (гл. VIII—IX). В изд. 1845 г. напечатаны гл. I—XIV; последующие главы были опубликованы уже после смерти Языкова: гл. XV — «Москвит.» 1849, ч. VI (ноябрь); гл. XVII — XXII — там же, декабрь.

Источник публикации Перевлесского — неизвестен; по всей вероятности, это — первоначальная редакция, относящаяся ко времени пребывания Языкова в своем имeньи (1832—1836 гг.). В начале 40-х гг. Д. Валуев хотел перепечатать «Жар-птицу» в своем журнале «Библиотека для воспитания». Это вызвало решительный протест со стороны Языкова. «С какой стати печатать в «Библ. восп.» мою «Жар-Птицу»? — писал он родным из Рима (1 марта 1843 г.). — «Жар-Птица» мне самому не нравится, — сколько я ее помню, ее надобно переделать, если уж не бросить» (ИЛИ). Это недовольство было вызвано, несомненно, изменившимся отношением Языкова к деятельности Петра, образ которого дан в первоначальной редакции в апологетическом тоне. В изд. 1845 г. Языков устранил рассказ сказочника о Петре, заменив его сказкой о вепре (см. примечание к этой сказке).

Текст издания 1845 г. совершенно идентичен изд. 1857 г. за исключением ст. 629—671 и 755—775: текст сказки, рассказываемой сказочником. Журнальные тексты имеют незначительные разночтения. Сюжет заимствован Языковым из популярной сказки «О жар-птице и сером волке», известной по многочисленным записям и по лубочным изданиям. Языков, вероятно, знал ее по изданию «Дедушкины прогулки» (1819); в сборнике Афанасьева она приведена под № 102 (новое издание «Academia» № 168; там же подробный библиографический комментарий); в поздних записях она известна в сборниках Рудченко (т. 1, № 54); Худякова, № 1; и в сборниках М. Азадовского «Сказки Верхнеленского края» (Ирк. 1925) № 14; изд. 1938: «Верхнеленские сказки» № 13. «Сказки Магая» № 8. Текст сказки в большинстве вариантов представляется чрезвычайно устойчивым.

Сержант Сурмин. Печатается по тексту изд. 1845 г. Первоначально напечат. в «Москвит.» 1845, ч. I, № 1, стр. 31—35, где датировано: 1839 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I. ТЕКСТЫ

Стихотворения Н. Языкова. СПБ., 1833.
56 стихотворений Н. М. Языкова. М., 1844.
Новые стихотворения Н. М. Языкова. М., 1845.
Н. М. Языков. Отрок Вячко. М., 1845.
Н. Языков. Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину. СПБ., 1845.
Жар-Птица. Драматическая сказка Н. М. Языкова. СПБ., 1857. Предисловие П. Перевлесского.
Стихотворения Н. М. Языкова. При них приложены его портрет, fac simile, сведения о его жизни и значении и написанное о нем в разных периодических и других изданиях. Ч. I—II. СПБ., 1858. [Предисловие и редакция П. Перевлесского].
Стихотворения Н. М. Языкова. М., 1887.
Стихотворения Н. М. Языкова. Т. I—II. Дешевая библиотека А. С. Суворина, №№ 203—204. СПБ., 1898, с портретом и биографией [под ред. А. А. Флоридова].
Родные поэты. Николай Языков. С приложением его стихотворений. На второй обложке: Николай Михайлович Языков (1803—1846). Биографический очерк поэта с приложением его стихотворений. М., 1901.
Н. М. Языков. Жар-Птица. Драматическая сказка. Изд. книгопродавца Клюкина (1901). В серии «Библиотека сказок».
Н. М. Языков. Лирические стихотворения. Со вступительной статьей Вадима Шершеневича. Акционерное общество «Универсальная библиотека», № 1197—1198. М., 1916.
Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. «Academia», 1934; 926 стр. В приложении: «Стихотворения, посвященные Н. М. Языкову», стр. 671—704.
Н. Языков. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и комментарии М. Азадовского. Библиотека поэта, малая серия, № 23. Л., 1936.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Ефремов П. А. Рецензия на изд. Перевлес. «Библиогр. Зап.» 1858, т. I, № 14.
Лонгинов М. То же, «Моск. Ведом.» 1858, № 14 [вошло в Полн. собр. соч., т. I, СПБ., 1915].
Семевский М. И. Поездка в Тригорское. «СПБ. Ведом.» 1866, №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175.
Семевский М. И. Н. Языков. Новые стихотворения. «Русск. Арх.» 1867, стр. 712—748.

Семевский М. И. Альманах «Звездочка» 1826 г. «Русск. Арх.» 1869, стр. 53—60.

Княжевич В. М. Два стихотворения Н. М. Языкова. «Русск. Арх.» 1871, №№ 7—8, стр. 712—748.

Жихарев С. П. П. Я. Чаадаев. «Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 43—58.

Киреевский С. И. Ник. Мих. Языков. «Русск. Стар.» 1886, № 6, стр. 171—172.

Из собрания автографов В. Н. Поливанова. «Русск. Стар.» 1887, X, стр. 224—225.

Отчет Имп. публ. б-ки за 1892 г., СПБ., 1895, стр. 164—165.

Литературная находка. «Ист. Вестн.» 1901, X, стр. 363—365 [перепечатка заметки Юкельсона из «Нов. Вр.» 1901, № 9148].

Бычков И. А. Из неизданных стихотворений и писем Н. М. Языкова. «Русск. Стар.» 1903, № 3, стр. 477—496.

Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. «Пушкин и его совр.», вып. I, СПБ., 1906, стр. 190.

Модзалевский Б. Л. Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожденной графини Комаровской. «Пушкин и его совр.», вып. XI, СПБ., 1909, стр. 79—84.

Переселенков С. А. Материалы для истории отношений цензуры к Пушкину. V. Стихотворения Н. М. Языкова. «Пушкин и его соврем.», вып. VI, 1908, стр. 43—44.

Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева. «Изв. отд. русск. яз. и слов.» 1910, т. XV, вып. IV, стр. 220—221.

Отчет Имп. публ. б-ки за 1902 г. СПБ., 1910.

Флоридов А. А. Н. М. Языков (заметка). «Русск. Арх.» 1911, № 8, стр. 512 (По поводу Отчета Имп. публ. б-ки за 1902 г.).

Бычков И. А. Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского. «Изв. Отд. русск. яз. и слов.» 1911, т. XVI, вып. 2, стр. 1—41.

Лернер Н. О. Из поэтического наследия Пушкина. I. Нравоучительные четверостишия Пушкина и Языкова, «Сев. Зап.» 1913, № 4, стр. 116—122.

Языковский архив... см. отд. III.

Соловьев Н. В. История одной жизни, ч. II. «Бумаги Воейковой». «Русск. Библиоф.» 1915, № 8, стр. 39—60 и отд.

Буш В. В. Из альбома Кулибина. «Русск. Библиоф.» 1916, № 4, стр. 79—82.

Верховский Ю. Н. Е. А. Баратынский, М., 1916, стр. 18.

Н. М. Языков. Аделаиде. С объяснениями А. С. Полякова. «Радуга», II, 1922, стр. 63—67.

Лернер Н. О. Недостающие стихи в первом послании Н. М. Языкова к Пушкину. «Пушкин и его соврем.», т. XXIX—XXX, стр. 8—10.

Н. М. Языков. (Стихотворение памяти Рылеева. С примечаниями Н. В. Измайлова. «Атеней». Историко-литературный временник. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926, стр. 11, 30—33.

М. Азадовский. Судьба литературного наследства Н. М. Языкова. — «Литературное Наследство», т. 19—21; М., 1935, стр. 341—370.

III. ПИСЬМА Н. М. ЯЗЫКОВА И К Н. М. ЯЗЫКОВУ

Чижов Ф. В. Письмо к Н. М. Языкову. «Современн.» 1846, т. XLIII, стр. 251—269.
[Кулиш П.] Записки о жизни Гоголя, т. II, СПБ., 1856 (гл. XXII: переписка с Языковым).
Письма Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой. «Библиогр. Зап.» 1858, № 20.
Семевский М. И. Новые стихотворения и письма... см. отд. II.
Садовников Д. Н. Письма Пушкина к Н. М. Языкову. «Ист. Вестн.» 1884, № 5, стр. 323—329.
Письма Ден. Вас. Давыдова к А. М. и Н. М. Языковым. «Русск. Стар.» 1884, № 7, стр. 131—148 (перепечатано в Собр. соч. Д. В. Давыдова. Изд. 3-е, 1884).
Письма А. С. Хомякова. «Русск. Арх.» 1884, III, вып. 5, стр. 220—210.
Шенрок В. и Гатцук А. А. Николай Васильевич Гоголь в его неизданных письмах. «Русск. Стар.» 1889, стр. 148—158 (VI. Н. В. Гоголь и Н. М. Языков, стр. 148—153; VII. Пропущенные места в письмах Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову, стр. 133—158).
Шенрок В. И. Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю. «Русск. Стар.» 1896, № 12, стр. 617—647.
Письма Н. В. Гоголя. Под ред. Шенрока, ч. I—IV, СПБ., 1902, см. также Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. «Просвещение»; изд. Брокгауз и Эфрон, под ред. В. В. Каллаша, т. IX—X, и др. изд.
Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу. «Русск. Стар.» 1903, № 3, стр. 529—539.
Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПБ., 1903, стр. 234—235 (Письмо Языкова Пушкину от 1 июня 1836).
Письма кн. П. А. Вяземского Н. М. Языкову и А. И. Тургеневу. «Старина и новизна», XIV, 1911, стр. 508—513.
Сочинения Пушкина. Изд. Академии Наук. Переписка под ред. и с примечаниями В. И. Саитова, тт. I—III. СПБ., 1906. Письма Пушкина к Языкову и последнего к Пушкину.
Киреевский И. Письмо к Н. М. Языкову. Полное собрание сочинений И. Киреевского, т. I, М., 1911, стр. 64—66.
Письма Пушкина см. также в различных полн. собр. соч.: изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VIII; изд. «Просвещение», под ред. П. О. Морозова, т. X; изд. Брокгауз и Эфрон, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, и др. Отдельное изд. писем: Пушкин. Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, тт. I—II, М.—Л., ГИЗ, 1928; т. III, под ред. Б. Л. Модзалевского. М.—Л. «Academia», 1935.
Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829), под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова, изд. Отд. Русск. яз. и слов. Академии Наук, СПБ., 1913.

В приложениях:

I. Воспоминания А. Н. Татаринова об Н. М. Языкове (1857). II. Письмо В. Ф. Федорова Н. М. Языкову (1829). III. Письмо Н. М. Лунина к Н. М. Языкову (1829). IV. Из писем Н. М. Языкова к А. Н. Вульфу (1827—1829). V. Н. М. Языков (начало статьи Д. Садовникова). VI. Об альбомах с автографами стихотворений Н. М. Языкова. VII. Из библиографии о Н. М. Языкове за дерптский период его жизни. VIII. Из родословной Языковых.

Рец.: Н. О. Лернер. «Русск. Библиоф.» 1914, I, стр. 84—85.

Филиппович П. Жизнь и творчество Е. А. Баратынского. «Унив. изв.» 1917 (Киев), стр. 114—115.

Поляков А. С. Н. М. Языков и Е. А. Баратынский. (Неопубликованные письма). «Лит.-библ. сборн.», под ред. Л. К. Ильинского, II. 1918, стр. 60—71.

Воейков А. Ф. Два письма к поэту Языкову. Приготовил к печати Б. Л. Модзалевский. «Литературные портфели». П., 1923, стр. 63—69.

Петухов Е. В. Два письма Е. А. Баратынского к Н. М. Языкову. «Ист.-лит. сб. Посвящается В. И. Срезневскому». Л., 1924, стр. 11—14.

Петров В. Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова (Роки 1829—1846). «Литература» 1928, стр. 131—144. [В примечаниях — отрывки из писем П. В. Киреевского к Языкову].

Шапошников Б. В. Письма Е. М. Языковой о Пушкине. «Искусство» 1928, № 1—2, стр. 153—168.

Из неизданной переписки Н. М. Языкова. I. Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831—1833 гг. Публикация М. Азадовского. — «Литературное Наследство», т. 19—21, М. 1935; стр. 33—104.

Из неизданной переписки Н. М. Языкова. II. Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843—1846 гг. Публикация И. Н. Розанова. Там же, стр. 105—142.

Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. — «Труды Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР», т. I, вып. 4. Л., 1935.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. М. ЯЗЫКОВА

(по заглавию и первому стиху)[1]

[1] Цифры, набранные обычным шрифтом, обозначают страницу текста стихотворений, курсивом — примечаний. Заглавия и первые строки вариантные — набраны курсивом.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1819—1821

1822

1823

1824

1825

1826

1827

1828

1829

1830

1831

1832

1833

1834

1835

1836

1839

1840

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

DUBIA

ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ, СКАЗКИ

Редактор А. Островский

Переплет и титул по эскизам художника М. Кирнарского. Технич. редактор А. Кирнарская. М23322. Подписано к печати 7/IX 1948 г. Печ. л. 30½. Уч.-изд. л. 34,49. А. л 32,34. Тираж 10 000. Цена 19 р. 75 к. Заказ № 274. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТК

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
VIII	4 св.	1884	1844
XIX	12 „	костер!	костер!»
XIX	18 „	незванны	незваны
XXXI	3 „	Чаадаевым,	Чаадаевым:
XXXIII	1 „	Языкова	Языкова[1]
XXXIII	24 „	романов?»[1]	романов?»[2]
XXXIII	25 „	Не съединит	[1] Не съединит
XXXIII	7 сн.	[1] А. И. Герцен	[2] А. И. Герцен

Н. М. Языков